
ЮРИЙ ТОМИН
А, Б, В, Г, Д
И другие...

ЮРИЙ

ЛЕНИНГРАД

ТОМИН

ПОВЕСТЬ

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

Р 2
Т 56

ОФОРМЛЕНИЕ И РИСУНКИ
ЮРИЯ БОЧКАРЕВА.

4803010102—170
Т———————— 294—82
М101(03)—82

Н-но, поехали!

Учитель физики кулеминской средней школы Алексей Палыч Мухин неожиданностей не то чтобы не любил, но просто ему крайне редко приходилось с ними встречаться. Жизнь его складывалась из обычных семейных обязанностей, а также мелких школьных огорчений и небольших радостей. Поэтому и характер Алексей Палыч имел твердый лишь слегка, да и то с поверхности. Если же смотреть изнутри, то он был человеком мягким, отзывчивым, а если мог изредка и немного приврать, то только для того, чтобы от этого кому-нибудь стало лучше.

За последнее время характер Алексея Палыча изменился; не полностью, конечно, но кое в чем.

Прежде всего, он стал решительнее. Хорошо это или плохо, покажет будущее, ибо решительность можно проявлять как в добрых делах, так и в недобрых.

Затем в нем появилась настороженность, в которой раньше он просто не нуждался.

И еще — чувство постоянной тревоги. Неосознанная, неопределенная тревога — ощущение, что вот-вот что-то должно случиться.

Впрочем, кое-что уже случилось. Но из прежнего, недавнего опыта Алексей Палыч знал, что это только начало, и ждал, что будет дальше.

Дело в том, что с некоторого времени на него обратил внимание Большой Космос. Или — Далекий Космос. Или — Сверхдалекий Космос. В общем, называть это можно как угодно, потому что все равно не известно, кто, зачем и откуда посылает такие «подарки».

Когда Алексею Палычу в первый раз прислали мальчика, с ним было хлопотно, но он оказался довольно славным парнишкой. Его даже удалось пристроить в компанию человеческих мальчиков. Когда его «отозвали» (кто — родители? хозяева? начальники?), было даже жалко.

Но жалеть пришлось недолго: исчез мальчик — появилась девочка.

И если в первый раз Алексей Палыч был уверен, что все вышло случайно, целились вовсе не в его лабораторию, а просто так получилось, то на этот раз ни о какой случайности не могло быть и речи: выстрел был прицельным.

Вот примерно о чем размышлял Алексей Палыч, сидя рядом с незваной гостьей в электричке.

Думал он также и о том, что снова врать, выкручиваться и обманывать людей, которые были ему приятны, не хочется.

Но ведь не один же на Земле человек Алексей Палыч! У него есть жена, дочь, внук, зять, друзья, ученики, уроки, экзамены, лаборатория. Для нормального человека этого вполне достаточно. Ну, можно еще чуточку поднатужиться сверх нормы: сложиться с зятем и купить «Жигули» для дочки. Но это уже предел! А вот тащить на своих плечах Большой Космос, да еще в тайне от всех — баста! В конце концов, он не Штирлиц.

Кроме того, есть же Академия наук с ее институтами, базами и лабораториями. Вот и пускай туда обращаются...

Примерно так думал Алексей Палыч, так он сопротивлялся Большому Космосу, но — мысленно. А на деле электричка несла его к Городу. Временами электричка взвизгивала, как щенок, которому наступили на лапу; за окном мелькали пригородные домики-развалюшки, молочно-белые яблони среди бело-молочных полиэтиленовых грядок. Но соседку это как будто не интересовало.

Она сидела напротив Алексея Палыча, не глядела на него ни в окно, ни, если так можно сказать, вообще никуда.

Лицо у нее было нормальное, человеческое и довольно приятное.

Вообще говоря, Алексей Палыч, как учитель, девичьими лицами мало интересовался. Для него важнее, какие знания и желание учиться скрываются за этими лицами. Но тут случай особый. И Алексей Палыч подумал, что соседку можно было бы назвать красивой, если бы она не сидела с таким окаменевшим лицом.

«Может быть, на этот раз какого-нибудь робота прислали?!»

«Робот» взглянул на Алексея Палыча и спросил:

— Долго нам еще ехать?

— Минут двадцать. Ты опаздываешь?

— Пока нет.

— Нужно было вылетать пораньше. Или у вас тоже бывают затруднения с билетами?

Алексей Палыч уже знал, что путь ОТТУДА до Земли занимает одно мгновение. Вопрос насчет билетов следовало считать шуткой. Для тех, разумеется, кто шутки понимает.

Соседка не понимала.

— У нас нет билетов, — сказала она.

«Робот, — решил Алексей Палыч. — Прямолинейное мышление. Робота нужно атаковать в лоб, церемониться с ним нечего».

— Какое у тебя задание? — спросил он.

— Наблюдение.

— Над кем или над чем?

— Над всем, что встретится.

— А что ты ожидаешь встретить?

— Странная логика, — сказала девочка. — Если знать наперед, что произойдет, то нет смысла вести наблюдения.

Мужчина, сидевший на скамье за спиной Алексея Палыча, положил на колени газету и слегка развернулся. Он смотрел не назад, а как будто через проход, но боковым зрением Алексей Палыч увидел — или ему показалось, — что ухо мужчины вытянулось и даже заострилось.

Алексей Палыч умолк: он понимал, что этот разговор не для постороннего уха.

Нельзя сказать, что Алексей Палыч уехал сейчас в Город не по своей воле. То есть не было какой-то силы, внешней, потусторонней

или бог знает еще какой, которая принуждала бы его к этому. Все он делал по своему, хотя и очень вялому, желанию, которое боролось с его же нежеланием.

Когда из школьной лаборатории исчез мальчик, с которым было столько хлопот, Алексей Палыч немного пожалел, но в то же время почувствовал облегчение.

Все эти переживания длились недолго. Не прошло и пяти минут, как на конце того же голубого луча возникла девочка. На ней был тот же самый джинсовый костюм, в котором отправился домой ее предшественник.

«Когда же они успели переодеться?» — это первая и не самая разумная мысль, которая пришла в голову Алексея Палыча.

Затем Алексей Палыч отметил, что, здороваясь, девочка назвала его по имени-отчеству и на «вы» и сразу перешла к делу. Это заставило его заподозрить, что возникла какая-то новая ступень в его тайных отношениях с Большим Космосом. Подниматься на эту ступень ему не хотелось.

А девочка спокойно сказала:

— Поедем, Алексей Палыч.

— Куда?

— В Город.

— Это еще зачем?

— Мне требуется помощь.

— А при чем тут я?

— Вы больше подходите, — спокойно сказала девочка. — Вы уже проверены.

— Где же так решили? — спросил Алексей Палыч, хотя прекрасно знал, где. Просто он сейчас тянул время, чтобы понять, чего он сам хочет.

— У нас.

— Я отказываюсь! — заявил Алексей Палыч. — Я уже устал от этих отношений неизвестно с кем и неизвестно зачем. Кроме того, у меня есть семья и работа. А вот чего у меня нет, так это времени. Поезжай одна.

— У меня нет денег, и я не знаю дороги.

— Значит, ОТТУДА ты дорогу знаешь, а сорок километров для тебя препятствие? — сказал Алексей Палыч, и легкое чувство превосходства мелькнуло в его сознании.

— Оттуда легче, — сказала девочка и протянула Алексею Палычу обрывок самой обыкновенной газеты. На полях было написано: «ул. Писчебумажная, д. 34».

— Вы меня отвезите по этому адресу, и больше вас никто беспокоить не будет.

— А квартира?
— Квартиры нет.
Алексею Палычу сразу представился одинокий деревянный домик, сохранившийся еще на окраине Города. По ночам окна этого домика не светились: они были закрыты шторами. Там, подальше от глаз участкового, был устроен инопланетный притон; там творились неведомые землянам и, возможно, вредные для них дела. Это было тем более вероятно потому, что девочка ничего не объясняла, ничего не спрашивала, вела себя свободно и держалась независимо.
Деревянный домик на окраине с каждой секундой становился все более подозрительным.
— Едем. Я тебя довезу до самого дома, — сказал Алексей Палыч и добавил с видимым безразличием: — Даже в дом с тобой могу зайти.
Девочка не выказала никакого беспокойства.
— Спасибо, Алексей Палыч, у нас так и думали, что вы поможете.
Алексей Палыч хотел было возмутиться тем, что за него кто-то думает на другом конце Вселенной, но до выяснения истории с домиком решил помолчать.
Итак, ехать ему не хотелось, но ехать было нужно для его собственного спокойствия, и, значит, ехал он по своей воле.
Теперь они сидели друг против друга в электричке. Сосед за спиной Алексея Палыча вертел головой то влево, то вправо, и при этом внутри у него что-то поскрипывало.
В дверях вагона появилась мороженщица с коробкой.
Толстый мужчина вполне мог дождаться, когда она подойдет к нему, но он поднялся с места, пошел ей навстречу, купил мороженое и вернулся на прежнее место. На пути туда он внимательно оглядел девочку, на пути обратно — Алексея Палыча.
— Хочешь мороженого? — спросил Алексей Палыч.
— Хочу.
Алексей Палыч достал из бумажника трешку. Девочка, которая находилась к мороженщице ближе, взяла трешку у него из рук.
— Два по девятнадцать, — сказала она.
Алексей Палыч хотел было удивиться, но тут же раздумал: ТАМ не дураки живут, а высокоразвитые. Кажется, настолько развитые, что даже страдают от своей развитости. И это не первый визит. Конечно, девочка знает все, что должны знать земные девочки ее возраста.
Сдачу с трешки она опустила в свой карман. Этому Алексей Палыч совсем не удивился: его дочь Татьяна, начиная лет с десяти, домой сдачу не приносила.
Когда мороженое было съедено, Алексей Палыч взял оба стаканчика и вышел в тамбур. Там он протолкал стаканчики в щель между

дверью и площадкой. Возвращаясь, он увидел, что толстяк сидит вполоборота к девочке и задает ей вопрос, очевидно, уже не первый.

— Ну и какие же у тебя отметки? — расслышал Алексей Палыч.

— Никаких, — было ответом.

— Но ведь ты учишься?

— Нет.

— Почему?

— Я уже все знаю.

Толстяк насупился:

— Это как понимать?

— Девочка шутит, — вмешался Алексей Палыч и поспешно уселся, прикрывая девочку от толстяка.

— Если вы не умеете отличить шутку от грубости... — начал было толстяк, но тут его заглушил динамик. Он скрежетал, затем послышались сдавленные, хрипящие звуки. Очевидно, в кабине машиниста кого-то душили.

Толстяк отвернулся.

Электричка подошла к городской платформе.

Толстяк пытался было зайти в хвост к Алексею Палычу. Возможно, ему хотелось договорить. Но его отжала неумолимая деловая толпа.

— Ты бы все-таки поосторожнее... — посоветовал Алексей Палыч, когда они шли по платформе.

— Все равно. В его вопросах не содержится информации. От меня он тоже информации не ждет. Конечно, я могу вести пустой разговор, но это лишено смысла.

Этот ответ навел снова Алексея Палыча на мысль о роботе.

— Тебе не хочется тратить лишней энергии? — коварно спросил он.

— Если вам так понятней, то можете считать, что не хочется.

«Робот! Сейчас мы его поймаем на его собственной логике...»

— Но ведь ты сказала, что должна наблюдать надо всем, что встретится.

— Я не точно выразилась. Над всем, что встретится в связи с заданием.

— А в чем состоит задание?

— Наблюдать за всем, что встретится.

Понимая, что космический магнитофон не переиграть, Алексей Палыч снова решил ударить в лоб.

— Я требую объяснить смысл задания, — потребовал он. — Иначе я буду считать, что оно принесет вред Земле.

— Смысл я объяснить могу, — безмятежно сказала девочка. — Вы о смысле раньше не спрашивали... Нам нужно Знание. А вредить мы вам не собираемся.

— Твой предшественник говорил, что ваши знания несравненно богаче наших.
— Знания — да, но не Знание. Знание того, чего нет у нас. Нет или просто забыто. А у вас, кажется, есть.
— Все это очень туманно, — заметил Алексей Палыч.
— Мальчишка много наболтал лишнего. Все, что с ним происходило у вас, у нас было видно и слышно. Ну, как у вас в кино.
— Ну, знаешь ли...
Алексей Палыч вынул платок и протер внезапно запотевшие очки. Ему было жарко, но не от июньской жары. История, которая не слишком нравилась ему с самого начала, теперь стала нравиться еще меньше.
Девочка беспокойства Алексея Палыча не разделяла. Она выглядела совершенно невозмутимой.
Они вышли в сквер, лежащий перед вокзалом.
— Нет, так я не могу, — сказал Алексей Палыч. — Мне нужно кое-что выяснить. Давай присядем.
— Я опаздываю.
— Куда?
— На Писчебумажную улицу.
— Тогда я вообще никуда не пойду! — строптиво сказал Алексей Палыч. — Вот просто с места не сдвинусь.
Девочка села рядом с Алексеем Палычем. С космическим нахальством она глядела ему в глаза. Впрочем, взгляд этот можно назвать и невинным. Но это была как раз та невинность, которая граничит с нахальством.
— Я вас слушаю, — сказала она.
— Это я слушаю, — возмутился Алексей Палыч. — Прежде всего, как тебя зовут?
Алексей Палыч, отчасти знакомый с фантастикой, ждал какого-нибудь инопланетного бормотания вроде Скррмрчох или Интрдкц.
— Лена, — сказала девочка.
— Допустим, — неохотно согласился Алексей Палыч. — Так вот, Лена... Нас сейчас тоже слышат и видят?
— Конечно.
— Мне это не нравится, — сказал Алексей Палыч, но галстук машинально поправил.
— Почему? Ведь мы же не вмешиваемся. Правда, мальчишка пробыл здесь десять дней и вступил в контакты... Но на вас это никак не повлияло, а уж на Планету — тем более.
— А ты — разве не вмешательство?
— Нет. Это совсем другой метод.
При словах «другой метод» у Алексея Палыча слегка заныло

в груди. И снова представился ему скособоченный домик на окраине Города, нечто вроде избушки бабы-яги. И полыхали в этом домике, почему-то в подполье, огненные всплески, похожие на электросварку; и строился в подполье аппарат, видом смахивающий не то на спутник, не то на кастрюлю-скороварку.

В эту минуту ощутил Алексей Палыч личную ответственность за свой родной Кулеминск, за свой район, за свою страну и маленькую свою планету.

— А почему вы думаете, что эти «другие методы» не принесут нам вреда?

— Мы знаем, что не принесут, но доказать я не могу. Вам поверили, Алексей Палыч. Поверьте и вы нам. Как у вас говорится... Я даю честное слово.

— Это несерьезно, — сказал Алексей Палыч. — Какое значение имеет честное слово для Космоса? Чепуха какая-то!

— Но для вас имеет?

— Для меня — да. Но в известных пределах. Личное слово, а не какое-то там космическое.

— Вот я и даю личное.

— А нельзя ли, чтобы ваши это как-то подтвердили. Ты говоришь, что нас сейчас видят и слышат. Тогда пускай... — Алексей Палыч огляделся, — вот пускай сюда, на эту дорожку сейчас упадет что-нибудь. Например, монетка... копейка.

Девочка хмыкнула, да так громко, что проходивший мимо рыбачок с удочками в чехле оглянулся на нее. Знай он, на кого оглянулся, так включил бы, наверное, четвертую скорость и умчался на другой конец Города.

— А вот это на самом деле несерьезно, — сказала девочка. — Мы ведь не в цирке. Нет, вы все-таки еще дети. Наверное, вы нам на самом деле поможете. Идемте, Алексей Палыч, я уже совсем опоздала.

— Ну что ж, — сказал Алексей Палыч, слегка пристыженный. — Пойдем посмотрим на «другой метод».

В автобусе девочка, решив, очевидно, что теперь пришла ее очередь платить, достала сдачу с мороженого и опустила в кассу десять копеек.

Татьяна на такие подвиги никогда не отваживалась.

Поехали ещё дальше...

Автобус, отошедший от привокзальной площади, несмотря на нейтральное время — на работу ехать поздно, с работы рано, — был набит. Просто удивительно, сколько по Городу в рабочее время раскатывало неработающих людей. На каждой остановке народу входило больше, чем выходило, и в конце концов Алексея Палыча и девочку стиснули так, что стало трудно дышать.

Алексей Палыч попытался защитить гостью. Он слегка изогнулся, чтобы вокруг нее образовалось свободное пространство, но, получив пару толчков в спину и поняв, что с коллективом бороться невозможно, успокоился.

Но вот автобус запетлял по кварталам новостроек. Теперь можно было набрать в легкие воздух и даже спросить, где находится Писчебумажная улица.

Сошли они в самом начале улицы, и пришлось им идти еще остановки три; номера домов здесь нарастали неторопливо, потому что дома были очень длинны, а между ними тянулись не менее длинные фундаменты новых построек.

Девочка смотрела на все это без особого любопытства. Даже, пожалуй, без любопытства вообще. Будто видела тысячу раз. Новичком скорее почувствовал себя Алексей Палыч. Он давно не был в Городе. Сейчас он подумал, что, может быть, и не плохо вышло так, что после института он уехал в Кулеминск. В Кулеминске он чувствовал себя человеком нужным, даже слегка известным. Здесь же, на широкой улице, уходящей едва ли не к горизонту, похожей на траншею, облицованную

домами-плитами, он сам казался себе весьма малозначительным, точнее, не значащим ничего. Правда, в Кулеминске не было театров. Но там и не жали масло из людей в автобусах.

— Незачем изобретать марсианские города, — сказал Алексей Палыч, махнув рукой вдоль улицы, — нарисовать это без людей, вот и будут марсианские.

— Четвертая планета вашей системы? — отозвалась девочка. — Там нет городов. И никогда не было.

— Наверное, так оно и есть, — согласился Алексей Палыч. — Я и сам так думал. Хотя... мои мысли... Они не имеют значения. Нужны доказательства. А вот вы могли бы нам помочь. Мы тратим колоссальные средства на исследования космоса и будем тратить еще больше. А вы можете просто рассказать...

— То, что исследуете вы, это еще не космос. А если рассказать, то вы не поверите.

— Ну, можно прислать фотографии...

Девочка пожала плечами:

— Фальшивка.

— Пробы грунта, атмосферы...

— Подделка. Вы ничему не поверите. Вам все надо потрогать своими руками. Вы так устроены.

— Почему же... — сказал Алексей Палыч. — Я, конечно, не могу ручаться за наших ученых... Но если вы пришлете какую-то делегацию... что-то вроде научной экспедиции...

— А вы будете мучиться: что это за экспедиция — друзья или завоеватели? Установите контакт, а зону контакта окружите ракетными установками? Вам захочется поверить, но вы не сможете избавиться от сомнений. Вот это уже будет настоящее вмешательство. Вы нам нужны такие как есть. А пробы, фотографии... Мы просто не умеем их делать.

— Другие методы?

— Конечно. Вы же не рубите деревья каменными топорами.

— Железные не так уж далеки от каменных, — возразил Алексей Палыч. — Принцип один и тот же.

— А у нас и принцип другой, — сказала девочка, и в тоне ее явственно прозвучало: «Нечего тебе объяснять, все равно не поймешь».

Не нравилась Алексею Палычу эта девочка. С мальчиком было труднее, но проще. Он многого не знал, ошибался, но в нем было много человеческого. Девочка скроена из другого материала. Что-то железное или железобетонное в земном понимании. Она знала, казалось, все, но это было какое-то холодное знание, без интереса и без эмоций. Она не делала ничего плохого и говорила, по-видимому, откровенно. Но Алексею Палычу подумалось, что откровенность эта не от доверия,

а от того, что ей безразлично, какого мнения о ней собеседник. В общем, была в ней если не жестокость, то жесткость.

«Неужели все-таки робота прислали?»

На доме, возле которого они проходили, была крупно намалевана цифра 32. Однако впереди никакой развалюшки не вырисовывалось, да и не место ей было на этой сверхсовременной улице.

В доме 34 помещалась обыкновенная четырехэтажная школа с пристройками по бокам — спортзал и столовая. Во дворе было пусто. Как и в школе Алексея Палыча, в старших классах здесь шли экзамены, младшие уже распустили.

— Спасибо, Алексей Палыч, — сказала Лена, — вы мне очень помогли.

Сказано было спокойно. Алексей Палыч, который всю дорогу понемногу раскалялся, вскипел именно от этого спокойствия.

— Извините, мадам, — сказал он, — кажется, вы меня отпускаете, но я все-таки задержусь.

Впоследствии, когда Алексей Палыч вспоминал эту фразу, он так и не разобрался, откуда возникла «мадам». Французского языка он не знал; в Кулеминске тоже иностранными языками не увлекались. Очевидно, в данной ситуации слово это следовало понимать, как ругательное и оскорбительное с намеком на неземное нахальство.

Девочка не оскорбилась. Она пожала плечами и направилась в обход школы к наружной двери спортзала. Туда она и вошла. И сразу за дверью послышались и рев, и стоны, и разные крики.

Побледнев, Алексей Палыч рванул дверь.

Девочка стояла в окружении ребят, одетых по-походному: штормовки, свитера, рабочие брюки. По залу были разбросаны набитые рюкзаки со спальными мешками, подсунутыми под клапаны.

Ребята орали возбужденно и даже как будто бы негодующе.

В том, что ребята вообще орут, для учителя ничего удивительного не было. Ведь и взрослые часто начинают орать, думая, что так их лучше поймут. Неожиданным был самый смысл воплей.

— Елена Дмитриевна, где вы пропали?

— Елена Дмитна, мы же опаздываем!

— Елен Дмитна, мы уже за вами посылать хотели!

«Куда посылать? — машинально подумал Алексей Палыч. — ТУДА, что ли?»

— Тихо, тихо, — сказала Елена, да еще и Дмитриевна. — У нас остался целый час. У кого деньги?

— У меня, — отозвался паренек, на шее которого не без элегантности, под воротником свитера, была повязана шелковая косынка.

— А мои вещи?

— Вот ваш рюкзак.

— Давайте в последний раз все проверим. У кого список?

— У Мартышки.

— Сколько раз я вас просила — без кличек, — строго сказала Елена, бог ее знает почему, Дмитриевна.

«Сколько же раз?» — тупо подумал Алексей Палыч.

Теперь, когда Алексей Палыч смотрел на девочку издали, она не казалась ему такой уж девочкой. Лет, может быть, восемнадцати, а может, девятнадцати, а может, пятнадцати; кто их теперь разберет при всеобщем удлинении молодежи. В данном случае это ничего не меняло: Алексей Палыч, в присутствии Бориса, сам видел, как вместе с голубым лучом исчез мальчик, а вместо него верхом, так сказать, на том же луче появилась эта Елена, допустим, Дмитриевна.

Алексей Палыч уехал, а Борис остался. Сейчас Алексей Палыч об этом жалел. Борис удивляться и раздумывать не любит. Во всяком случае, опекая мальчика, он с ним особенно не церемонился.

И все же надо было что-то немедленно сделать. Эти ребятишки не знают, кому они доверяются. А в том, что они доверяются, Алексей Палыч видел не просто опасность — угрозу. И тут очень кстати ему вспомнилось условие мальчика — не говорить никому, кто он.

«А про нее надо сказать, — решил Алексей Палыч. — И пускай тогда ее «отзовут». Я не должен допускать экспериментов на детях».

Решить-то он решил... Но все же за два часа общения с железной «мадам» он не успел утратить врожденную деликатность и попытался договориться по-хорошему. В конце зала, как и во всех таких залах, находилась преподавательская комната, о чем Алексей Палыч хорошо знал. Туда он и направился. Ребята взглянули на него мельком и отвернулись. «Мадам» посмотрела внимательней. Алексей Палыч ей кивнул, и она, сказав что-то ребятам, пошла за ним.

— Елена... извините, Дмитриевна... — строго сказал Алексей Палыч. — Я прошу прекратить! Никаких походов. Я просто не допущу!

— Нельзя, Алексей Палыч, им же обещано.

— А я прошу: делайте со мной что хотите, но их не трогайте!

— Ни с вами, ни с ними ничего не случится. Да и как я могу отменить? Вы же сами видите.

— Заболейте, подверните ногу, — что хотите.

«Мадам» покачала головой.

— И вы утверждаете, что это не вмешательство? — гневно спросил Алексей Палыч.

— Я так думаю.

И тут новая мысль осенила вдруг Алексея Палыча.

— А куда вы дели ту Елену Дмитриевну, настоящую?

— Она в отпуске.

— Как же ребята идут с вами, если знают, что она в отпуске?

— Она ведь не в ВАШЕМ отпуске, а в НАШЕМ, — спокойно сказала «мадам».

— Значит... — похолодел Алексей Палыч, — вы что — копия?

— Почти. Я думала, что вы сразу поняли.

— Хорошо, — сказал Алексей Палыч и слегка скосил глаза к потолку, над которым находилось небо, где сейчас его должны были видеть и слышать, — тогда я знаю, что сделаю, я вас выдам!

— Вам не поверят, — покачала головой Елена, с позволения сказать, Дмитриевна. — Извините, Алексей Палыч, теперь нам действительно нельзя терять ни минуты.

Алексей Палыч помчался на второй этаж. Деликатничать он не собирался, сейчас ему было наплевать на то, что его где-то видят и слышат. Нужно было успеть прежде, чем ТЕ, наверху, успеют остановить его каким-нибудь лучом или чем-нибудь в этом роде.

Никаких лучей по дороге не встретилось. Спрашивать, где находится кабинет директора, не было необходимости. Алексей Палыч нашел бы его в темноте. В тысячах таких же школ тысячи директоров обитали в тысячах таких же кабинетов: второй этаж, вторая дверь направо от правой лестницы.

Алексей Палыч ворвался в «предбанник» и спросил у секретарши:

— Директор у себя?

— У себя. А вы по какому вопро...

Но Алексей Палыч уже скрылся в кабинете.

Директор, сидя за письменным столом, разговаривал по телефону. Жестом он пригласил Алексея Палыча присесть в кресло возле стола.

Алексей Палыч сел, поерзал в кресле, но директор, кажется, не собирался кончать разговор. Тогда Алексей Палыч без церемоний взял со стола чистый листок бумаги, написал на нем: «Срочно!» и подвинул к директору. Тот кивнул, но трубку не положил. Алексей Палыч ниже «Срочно!» приписал «очень!». Разговор продолжался. Тогда Алексей Палыч протянул руку к телефону.

— Извините, — сказал в трубку директор, — я потом перезвоню. Что за пожар? — обратился он к Алексею Палычу.

— Простите ради бога, но дело исключительно срочное, — заторопился Алексей Палыч. — У вас уходит в поход группа ребят?

— Да. Ну и что?

— Вы знаете, кто ее возглавляет?

— Конечно.

— Кто?

— Елена Дмитриевна Кашеварова, инструктор по туризму, кандидат в мастера спорта.

— Кашеварова! — возмутился Алексей Палыч. — Еще и Кашеварова! Да вы знаете, кто она такая?

В глазах директора промелькнуло некоторое беспокойство. Склонив голову чуть набок, внимательно разглядывая Алексея Палыча, он ждал.

— Она инопланетянка! — выпалил Алексей Палыч. — С другой планеты!

Теперь в глазах директора ничего уже не читалось. Смотрел он в стену, поверх головы собеседника.

— С какой же? — равнодушно спросил он.

— Не знаю. Знаю, что она не настоящая Елена Дмитриевна. Настоящая в отпуске. Но она тоже не настоящая.

— Простите, кто вы такой? — спросил директор.

— Одну минуту... — сказал Алексей Палыч. — Я должен проверить...

Спускаясь по лестнице, Алексей Палыч ощущал некоторое колебание в том уголке души, где у человека помещается совесть: все-таки ему доверяли... Но колебание было легким. Есть ли время колебаться, когда горит твой дом: хватай вещи и бросай в окно. Но прежде вещей и себя самого спасай детей. И теперь, когда дети были спасены, Алексей Палыч нет-нет да и поглядывал наверх, ожидая молнии или чего-нибудь вроде этого, что должно свалиться на его голову.

Алексей Палыч приоткрыл дверь и заглянул в спортзал. Ребята надевали рюкзаки. И Лжеелена Лжедмитриевна была среди них уже с рюкзаком за плечами. Он ее выдал, но ее не «отозвали».

«Другой метод», — с тоской вспомнил Алексей Палыч и снова помчался наверх.

— Может быть, хватит шутить? — сказал директор. — У меня нет для этого времени. А на сумасшедшего вы не похожи.

— Одну минуту... — умоляюще сказал Алексей Палыч. — Еще не поздно все изменить...

— Ни одной.

— Но я тоже учитель, — жалобно сказал Алексей Палыч.

— Хорошо, говорите, но короче.

— Я работаю в школе, в Кулеминске. Знаете?

Директор молча кивнул.

— Дней десять тому назад в мою лабораторию прислали или забросили — не знаю, как сказать — мальчика с другой планеты. Мой ученик Борис Куликов при этом присутствовал. Мы этого мальчика пожалели и оставили у себя. Он нам сообщил условие: никому не говорить, кто он и откуда. Иначе его немедленно «отзовут», то есть вернут обратно. Был он какой-то... беззащитный, что ли... мы ему помогали... Но сегодня его «отозвали». И сегодня же... Вот эта ваша Кашеварова... Она прибыла тем же способом. Я видел сам... Борис тоже видел. Теперь она уходит с вашими ребятами... Мне они не поверят... Вы просто должны вмешаться. И давайте не будем терять время!

— Давайте, — согласился директор. — Вы, значит, учитель?

— Физики.

— Неважно. Значит, вам известно, какое сейчас напряженное время: конец года, экзамены и прочее.

— Конечно. Я тоже принимаю экзамены. Но дети...

— Тогда выйдите, пожалуйста, вон! — рявкнул директор. — И учтите — милиции мне не потребуется, вывести вас я смогу и сам!

Директор нажал кнопку звонка. В дверях показалась секретарша.

— Проводите до выхода этого... писателя.

При слове «писатель» секретарша заулыбалась, лицо ее выразило приветливость и почтение.

— С удовольствием, — сказала она нараспев.

В груди директора что-то заклокотало, но он сдержался.

По дороге к выходу секретарша несколько раз говорила «сюда, пожалуйста, туда, пожалуйста», словно шли они не по обычной лестнице, а по лабиринту.

— С какого вокзала отправляются ваши туристы? — спросил Алексей Палыч.

— С Центрального. Вы будете о них писать?

— Нет, — буркнул Алексей Палыч.

— А какие книги вы написали?

Алексей Палыч сделал вид, что не слышит.

— А над чем вы сейчас работаете?

— Да подите вы к черту! — сказал Алексей Палыч.

В оправдание Алексея Палыча надо заметить, что за последние двадцать пять лет это была первая грубость в адрес женщины. Но секретарша об этом не знала. Она так и прилипла к перилам.

Когда Алексей Палыч вышел из школы, ему показалось, что за ним следят. Возможно, ТАМ уже приняли меры. Во всяком случае, какая-то фигура метнулась за угол школы.

Алексей Палыч вернулся, подставив спину под выстрел, но тут же подумал, что стрельба слишком земной способ расправы.

Слово «милиция», произнесенное директором, не выходило из головы. Милиция, милиция... Надежды особой на нее нет: там во всем сомневаются. Но есть и плюс: там ничему не удивляются. Надежды особой нет, но ничего другого пока не придумывалось. Времени для раздумий не было: нужно хоть как-то действовать.

— Где тут ближайшее отделение милиции? — спросил Алексей Палыч проходившую мимо женщину.

— А что? — с любопытством спросила женщина.

— Это я вас спрашиваю, а не вы меня! — цыкнул на нее Алексей Палыч.

— Вон туда, третий дом, — растерянно сказала женщина.

Третий дом по-здешнему — это не третий дом по-кулемински. Алексей Палыч побежал.

— Алкоголик несчастный, — сказала женщина, глядя ему вслед.

Начальник отделения, майор милиции, слушал Алексея Палыча внимательно, не удивляясь и не перебивая. Лишь иногда он, как бы соглашаясь с какими-то своими мыслями, задумчиво произносил: «Так?..».

Алексей Палыч повторил все, что говорил директору. Начал он довольно горячо, но в ходе рассказа постепенно сникал под немигающим взглядом майора. Официальная обстановка кабинета, погоны на плечах, фуражка с кокардой, лежащая на столе, все это не оставляло никакой надежды. Особенно смущала Алексея Палыча фуражка. При виде ее даже самому себе не хотелось верить.

— Так, — сказал майор, — выходит, вы учитель...

— Это легко доказать, — заторопился Алексей Палыч и полез в карман за документами.

— Не надо, — поморщился майор, — я и так вижу, что трезвый.

Выходя из отделения милиции, Алексей Палыч снова заметил слежку. Едва за ним закрылась дверь, какой-то человек юркнул с тротуара за угол дома.

«Все видят и слышат... — Алексей Палыч скривил губы, собираясь презрительно усмехнуться, но смех не получился. — «Как у вас в

кино...» Действительно, как в кино: шпионы и гангстеры... Всемогущие, а без шпионов не обойтись. Ну давайте, стреляйте...»

Словно в ответ на этот мысленный призыв, из-за угла высунулось нечто вроде пистолета. Алексей Палыч не дрогнул. Он даже развернулся, чтобы встретить опасность лицом. И тут надо отметить, что он проявил прямо-таки солдатское мужество и даже презрение к опасности. Он ведь не знал, что это всего-навсего козырек кепки шпиона; он-то думал о пистолете...

Но долго ждать выстрела он тоже не мог. Не было времени. Нужно срочно ехать на вокзал. Что он там сделает, Алексей Палыч не знал, но уж здесь-то и подавно нечего делать.

Алексей Палыч влез в автобус, заполненный всего на девять десятых объема. Мелочи у него не было, и он стал проталкиваться к кабине водителя, чтобы купить талоны.

Шпион влез последним. У него вообще не было никаких денег, но, со свойственной всем шпионам бесцеремонностью, он плюхнулся на освободившееся место и пригнулся пониже, чтобы его не заметили.

В громадном зале вокзала, похожем на зал современного ресторана (раньше писали наоборот), среди людей с удочками, чемоданами, какими-то брусочками, связанными в пучок, среди женщин, нагруженных так, что хотелось посоветовать им хотя бы одну сумку нести в зубах, среди юношей и девушек, стоящих в обнимку перед расписанием или просто посреди зала, среди собак (без намордников) и их суровых хозяев — Алексей Палыч ни ребят, ни Лжедмитриевны не нашел. Он взглянул на электронное табло. Дальних поездов в ближайшие пять часов не предвиделось. Значит — электричка. Впрочем, теперь и на электричке можно уехать километров за двести.

Ближайшая электричка уходила через пятнадцать минут. Но ведь с вокзала отправлялись поезда трех направлений...

Алексей Палыч в растерянности стоял посреди зала. Толпа обтекала его. Он не обращал внимания ни на случайные толчки, ни на дружескую критику пассажиров, называвших его кто пнем, кто столбом — кому как понравится.

Кто-то потянул его за рукав.

Рядом с ним стоял Борис.

Алексей Палыч почти не удивился: в последнее время много незаконных и тайных дел связывало его с Борисом. Не было ничего странного в том, что сообщник оказался рядом.

— Я тебе сказал оставаться дома, — молвил Алексей Палыч, больше для порядка.

— Так я вас и бросил, — заявил Борис.

— Как же ты меня нашел?

— Нашел! — фыркнул Борис. — Да я все время был рядом: в электричке — в другом вагоне, в автобусе — сзади, и около школы, и около милиции. Вы зачем в милицию ходили?

— Это ты прятался за углом?

— А кто же еще!

Алексей Палыч взглянул на табло. Оставалось тринадцать минут. Может быть, и не эта электричка... Но рисковать нельзя. Однако чем рисковать и что нужно делать, Алексей Палыч пока не знал.

Объяснять Борису долго не пришлось: он ведь тоже был специалистом по контактам. Алексей Палыч рассказал ему все в двух словах.

— Ну, я ей рога обломаю, — с угрозой сказал Борис.

— Боря, тут совсем другое.

— С мальчишкой-то справлялся!

— И она совсем другая. Ты ведь понял, что ее знают у нас. Ну может, не ее, а копию, но ведь это не объяснишь.

— Эх, Алексей Палыч, говорил я вам — не нужно было с ними связываться...

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — на рассуждения времени нет. Или что-то делать, или ехать домой. Нет, домой нельзя. Если они не вернутся, я никогда себе не прощу.

— Ехать с ними.

— Может быть, и так. Беги на перрон, поищи, в какой электричке.

Борис скрылся.

Алексею Палычу, которому Борис так неожиданно помог принять решение, стало совсем тоскливо. Попал он между двух жерновов: с одной стороны Космос, с другой — жена. Еще когда тянулась история с мальчиком, заподозрила она, что Алексей Палыч скрывает какого-то ребенка, разумеется, не космического. Такие подозрения никогда полностью не рассасываются, они затаиваются, ложатся на дно и всплывают при первой возможности. Как же теперь объяснить свою отлучку? И сколько будет длиться эта отлучка? Как быть со школой, где он не закончил экзамены? Теперь-то, конечно, он мог бы все рассказать жене. К чему это приведет, Алексей Палыч знал точно: к подозрению в подлых поступках прибавилась бы уверенность, что он помешался.

Много бы отдал Алексей Палыч за то, чтобы все можно было закончить сейчас, сию же минуту. Возник у него в голове даже мысленный диалог:

— Отдай руку, — сказал ему некто, — и все кончится.

— На, — ответил Алексей Палыч.

— Нет, лучше ногу.

— Бери, бери, только быстрей.

Когда люди начинают проигрывать в уме такие разговоры, то недалеко уже и до того, чтобы заговорить вслух или начать кукарекать. Но видно, у Алексея Палыча был большой запас прочности. Это обычно для людей, которые не умеют злиться всерьез и подолгу.

Подбежал Борис:

— В шестом вагоне, одиннадцать тридцать пять.

Это была та самая, ближайшая электричка.

Алексей Палыч пошел к кассе.

— Берите и на меня.

— Ты поедешь домой, — строго сказал Алексей Палыч.

— Тогда я поеду бесплатно.

— Боря!.. — еще строже произнес Алексей Палыч.

— Я только провожу и вернусь. Надо же знать, где вас искать.

В последних словах был смысл. Осуждая самого себя, Алексей Палыч взял два билета, один — туда и обратно. Поскольку, куда «туда», он не знал, пришлось брать до конца.

Теперь оставалось пять минут. Алексей Палыч бросился к окошечку почты. Взяв бланк, он быстро написал на нем несколько слов и попытался... Очередь угрожающе, по-шмелиному, загудела.

— Товарищи, поезд уходит, — сказал Алексей Палыч, стараясь казаться ничтожным и жалким.

Алексею Палычу объяснили, что он на вокзале и поезда уходят у всех. Тогда Алексей Палыч сунул бланк вместе с рублем единственному человеку, который молчал, и быстро удалился. Молчаливый хотел что-то сказать, но было уже поздно.

Врать Алексей Палыч не любил. Можно даже сказать, почти не умел. Тем более, врать телеграфно. Но времени у него не оставалось, и в несколько секунд он открыл истину, до которой древние добирались веками: чем крупнее ложь, тем легче тебе поверят.

Телеграмма была составлена по этому принципу:

«ВЫЕЗЖАЮ МОСКВУ НЕДЕЛЮ ДРУГУЮ ВЫЗЫВАЮТ МИНИСТРУ
АЛЕКСЕЙ»

Обратного пути нет

В наше время все куда-то торопятся.

Во времена не столь отдаленные из Петербурга в Москву добирались на лошадках недели за две. И никто никуда не опаздывал. Даже на войне не слишком спешили. Некоторые крепости осаждали по году и по два. Солдаты не спеша строили избы для командиров, рыли землянки для себя, разводили под стенами крепостей огороды и даже женились в непосредственной близости от неприятеля. Для тренировки они подходили иногда к стенам и обменивались с осажденными неприличными выражениями.

Сейчас из Ленинграда в Москву самолет летит час. Но это многим не нравится: долго. А уж если вылет задержится на тридцать минут, то пассажиры начинают нервничать, проклинать погоду, синоптиков, а заодно и скептически отзываться об авиации.

Даже пенсионеры, которых впереди не ждет ничего интересного, тоже куда-то несутся.

Вот и Алексей Палыч начал спешить, едва попал в Город. Он заторопился уже в школе, в милицию бежал рысью, а на вокзале времени ему просто не хватило даже на телеграмму.

В электричку они с Борисом вскочили уже под объявление: «Осторожно, двери закрываются».

Сели они в пятый вагон, чтобы до поры до времени себя не обнаружить. Несколько остановок проехали вместе, а затем Борис отправился в шестой вагон в качестве наблюдателя. Алексей Палыч считал, что это вполне безопасно, так как Лжедмитриевна видела его лишь мельком.

Минут через десять Борис вернулся.

— Ну что?
— Поют.
— И она поет?
— Вроде поет. А может только рот разевает. Она ко мне спиной сидит.
— А что поют? — спросил Алексей Палыч, скорее машинально, ибо не в этом была сейчас его главная забота.
— Про «зеленое море тайги»... А сейчас «Буратино».
— Выходить не собираются?
— Вроде нет пока.
— Присядь на минутку.
Борис сел рядом и хмуро прочертил взглядом вдоль противоположной скамьи. Паренек в форме речного училища спал, прислонившись к стене вагона. Молодая женщина объясняла своей девочке, что нехорошо называть бабушку «паршивой старухой».
— Боря, — шепотом сказал Алексей Палыч, — мне кажется... Ну, не то чтобы кажется... А вдруг она искусственная?
Борису никогда ничего не нужно было разжевывать.
— Робот, что ли?
— Что-то в этом роде.
— А если робот, то тогда и говорить не о чем. Вызовем ее в тамбур... Двери эти, если поднажать, открыть можно. Какой она там ни робот, а грохнется об рельсы — все винтики разлетятся.
— Ты с ума сошел! Я ведь только предполагаю...
— Давайте проверим. Я сяду сзади и уколю ее чем-нибудь. Закричит или нет?
— Ерунду говоришь, — поморщился Алексей Палыч. — Если ОНИ умеют посылать своих... представителей... через Космос, да еще мгновенно, то уж никакие уколы для них не страшны. А потом — ты, наверное, не читал — могут быть люди-роботы. В некоторых странах ученые, если их так можно назвать, занимаются этим. Они ищут препарат, который делает человека послушным и бездумным. Единственная радость для такого человека — выполнить приказ: вскопать огород или убить, для него безразлично. Он — человек, но он — робот. Хотя девица эта выглядит довольно разумной... Когда я говорил «искусственная», я имел в виду искусственный мозг. И очень хотелось бы знать, что сейчас в этом мозгу. А на винтики разбирать ее не стоит. Скорее всего, их там нет. Это тебе не кружок «Юный техник».
— Ну ладно, — согласился Борис, — я ляпнул. Ну, вот они выйдут... Что мы будем делать?
— Пока не знаю, — вздохнул Алексей Палыч.
Электричка начала замедлять ход перед станцией.
— Иди, — сказал Алексей Палыч.

Борис исчез и не появлялся еще остановок десять.

Вагон понемногу пустел. Стена леса за окном все реже прерывалась полянами и просеками. Исчезли грибнички-старички, бредущие вдоль полотна дороги. Конечная станция приближалась неумолимо.

Алексей Палыч думал, думал напряженно. В голове его проносились мысли-картинки: вот он хватает Лжедмитриевну за руку и тянет в станционный милицейский пикет... что это? Похоже на хулиганство. Да и группа не даст ее в обиду. Или уговаривает ее, умоляет. На коленях, что ли? Не поможет: «мадам»-то железная. И опять же группа. Алексей Палыч дошел даже до того, что мысленно украл у ребят рюкзаки, но не представлял себе, как это сделать.

В вагон заглянул Борис.

— Собираются!

Это была последняя станция.

Алексей Палыч и Борис вышли на платформу, уже не скрываясь. Но заметили их не сразу. Ребята побросали рюкзаки возле домика станции. Лжедмитриевна зачем-то зашла вовнутрь. Ребята побежали в пристанционный ларек пить лимонад, оставив одного караульного.

Алексей Палыч огляделся. Тихо и пусто. В кронах тополей, высаженных вдоль платформы, суетились какие-то беззаботные птички. Железнодорожная курица, замызганная, как швабра, копошилась в куче мусора. Даже странно было, что в такой приветливый солнечный день может случиться что-то плохое.

Туго набитые рюкзаки ребят притягивали взгляд Алексея Палыча, и взгляд этот постепенно принимал хищное выражение.

— Боря, отвлеки дежурного, — вполголоса произнес Алексей Палыч.

И опять Борису долго объяснять не пришлось. Он подошел к дежурному и поманил его за угол со словами:

— Иди сюда, чего покажу.

Дежурный окинул взглядом окрестность, но, кроме Алексея Палыча, который стоял отвернувшись, поблизости никого не было.

— Ну чего? — спросил он небрежно.

— Иди, смотри.

Дежурный сделал два шага за угол. Борис сунул ему под нос запястье, на котором блестели часы.

— Ну и что? — спросил дежурный.

— Водонепроницаемые! Видал?

— Сто раз видал.

— Да ты смотри!

Борис сунул руку в бочку, стоявшую под водостоком.

Алексей Палыч между тем не терял времени. Короткой перебежкой он рванулся к рюкзакам, схватил два из них за лямки и поволок

под платформу. Ребятишек, видно, бог не обидел силой: рюкзаки были неподъемными, и похититель двигался не так быстро, как хотелось.

За углом в этот момент дежурный увидел, что пространство между стеклом и корпусом часов заполняется коричневой жижей.

— Дурак, — сказал он и вышел из мертвой зоны. Выражение его лица тут же изменилось. Он увидел Алексея Палыча, который закатывал рюкзаки под платформу.

— Э-э-эй, — заорал дежурный, — ты чего делаешь?

На этот вопль из ларька выглянул один из ребят, крикнул что-то, и тут же весь табун выплеснулся на привокзальную площадь. Группа неслась на выручку решительно, хотя пока не знала, кого и от чего нужно спасать.

Алексей Палыч, багрово краснея, стоял возле краденного. Борис уже был рядом с ним. Но дежурный один против двоих воевать не решился, он ждал поддержки.

Группа, угрожающе дыша, обступила жуликов полукольцом. Объяснять ничего было не нужно: рюкзаки, ясно было, скатились под платформу не сами.

— Ты кушать хочешь? — ласково спросил Бориса паренек с косынкой на шее.

Борис промолчал: не объяснять же, что воровали ради их же спасения.

— Концентратов захотелось? Сейчас мы накормим...

— Это не он, — сообщил дежурный, — он только отманивал. А главный вот этот, в очках.

— Сейчас будет без очков!

И быть бы Алексею Палычу без очков, а может быть, и с синяками, если бы Борис вдруг не бросился бежать. Группа устремилась за ним. Бежали молча, но молчание это было нехорошим.

Алексей Палыч понимал, что Борис поступил правильно: пусть уж лучше бьют одного, чем двоих. Он всей душой желал Борису удрать, но все же почему-то было за него неловко.

Однако в бегстве Бориса постепенно вырисовывался какой-то смысл. Он пробежал вдоль станции, свернул за пакгауз и на какое-то время скрылся из виду. Когда он появился, между ним и ребятами сохранялось примерно то же расстояние. Ребятишки были спортивные, но штормовки и свитера против рубашки и джинсов Бориса уравнивали шансы.

После пакгауза Борис повернул и побежал с другой стороны станции. Караульный заколебался: он мог перехватить беглеца, но оставить рюкзаки не решился.

— Бегите, Алексей Палыч! — крикнул Борис.

«Куда?» — мысленно спросил Алексей Палыч.

А Борис обогнул конец платформы и снова побежал к станции, теперь уже по шпалам. Увидев, что Алексей Палыч стоит на месте, он остановился, залез на платформу и подошел к Алексею Палычу. Караульный бросился на него, сжал в объятиях, совсем не дружеских. Борис не сопротивлялся.

Алексей Палыч увидел, что к ним идет Лжедмитриевна.

Ребята тоже увидели ее, и это спасло грабителей от расправы.

Сначала Алексей Палыч удивился, что она не удивилась, увидев его. Но тут же удивился, что удивился: «мадам», она и есть «мадам» — что может быть для нее необычного на нашей слаборазвитой планете?

— Елен Дмитна, — сказал паренек с платком на шее. Кажется, он был главным в этой компании. — Они рюкзаки украли! Дать им или в милицию?

— И не дать, и не в милицию, — спокойно ответила Лжедмитриевна. — Я их хорошо знаю. Просто я просила их проверить вашу внимательность.

«Значит, врать она все-таки умеет», — подумал Алексей Палыч.

Не слишком убедительно прозвучали слова Лжедмитриевны. Да и говорила она на этот раз ровно и бездушно, словно переводила с иностранного.

— Елена Дмитриевна, — сказал Алексей Палыч, с трудом и отвращением выговаривая имя и отчество, — мне нужно с вами поговорить.

— Подождите немного, — сказала Лжедмитриевна ребятам и снова зашагала к станции. У вокзального домика она остановилась. — Слушаю вас, Алексей Палыч. Только, пожалуйста, недолго.

— А вы мне не указывайте, — строптиво сказал Алексей Палыч. — Или у вас так принято — наводить на чужих планетах свои порядки? Может быть, вы скажете, что этот поход тоже не вмешательство?

— Если даже скажу, то вы не поверите.

— Теперь тем более не поверю: я убедился, что вы способны на ложь. Я имею в виду «проверку внимательности».

— Но ведь и вы способны, Алексей Палыч. Я имею в виду слежку за нами.

— А я повторяю: вас не просили устанавливать свои порядки на чужих планетах! — решительно сказал Алексей Палыч.

— Только не надо насчет порядков, — заявила Лжедмитриевна. — У вас уже давно пишут о преобразовании других планет. Вас об этом просили? Вы сначала свою преобразуйте. Хотя бы на ней наведите порядок.

— Да?

— Да.
— А ваше какое дело?
И тут Алексей Палыч, будучи человеком образованным и отчасти интеллигентным, с ужасом осознал, что затеял базарный разговор с Космосом. Лжедмитриевна — еще полбеды; она же не человек, она — формула. Но ведь наверху всё слышали...
— Вот что, — строго сказал Алексей Палыч, — о преобразовании планет у нас пишут фантасты. Но даже они не имеют в виду планеты цивилизованные. А вот вы вмешиваетесь.
— Мы не вмешиваемся, — в который уже раз повторила Лжедмитриевна. — Да и не такие уж вы цивилизованные. Но спорить я с вами не буду. Что вы хотите сейчас?
— Отмените поход.
— Это уже невозможно. Можно было отменить до отправления электрички. Сейчас поздно.
— Что это значит?
— Вы не поймете или не поверите.
— Чего ты из себя воображаешь? — спросил Борис, до сих пор молча стоявший рядом.
— Боря, — тем же ровным голосом сказала Лжедмитриевна, — если ты хочешь со мной поссориться, то это бесполезно. Я ссориться не умею.
— Ну и давай лети домой.
С платформы донесся скандированный крик:
— Е-ле-на Дми-три-ев-на! Е-ле-на Дмит-рев-на!
— Мне пора.
— Я иду с вами, — решительно заявил Алексей Палыч. — И не подумайте возражать!
Елена, железная, Дмитриевна и ухом не повела, и глазом не моргнула.
— Теперь это неизбежно, — сказала она.
Алексей Палыч, ожидавший сопротивления, слегка пошатнулся: груз, который он намеревался сдвинуть большим усилием, оказался неожиданно легким.
— Боря, — сказал Алексей Палыч, доставая обратный билет, — ты отправишься домой следующей электричкой.
— Боря тоже пойдет с нами.
— Может, я не хочу, — сказал Борис, который только этого и хотел.
— Оставайся. Но что ты будешь делать на этой станции? Вернуться ты уже не сможешь.
— Как это понимать? — спросил Алексей Палыч.
— Дело в том, — хладнокровно сообщила «мадам», — что раз вы

сели в эту электричку, то вернуться уже не сможете. До окончания похода, разумеется.

На этот раз Алексей Палыч поверил сразу и без колебаний.

— И это у вас называется «не вмешиваться»? — спросил он голосом, вдруг охрипшим.

— Да.

— А родители Бори... А мои родные, друзья... Где они нас будут искать?

— Вас не будут искать, — сказала Елена, трижды проклятая, Лжедмитриевна. — Но больше я и сама ничего не знаю.

Она повернулась и пошла к ребятам, которые, видя, что разговор окончен, принялись надевать рюкзаки.

— Алексей Палыч, чего будем делать? — спросил Борис.

Алексей Палыч беспомощно пожал плечами.

— Идти, наверное. Там посмотрим.

— Ну, теперь-то я ее с обрыва какого-нибудь столкну! — заявил Борис. — Посмотрим, какие у нее внутри транзисторы и конденсаторы.

Честно говоря, теперь и Алексей Палыч не прочь был расправиться с инопланетной нахалкой, но оба понимали, что возможностей для этого сейчас нет никаких.

Через десять минут группа была уже далеко от станции. Вернее, две группы. Впереди, по тропке, тянущейся вдоль железной дороги, шли за ненавистной Еленой четыре мальчика и две девочки. Сзади брели Алексей Палыч и Борис.

Километра через два группа свернула в лес.

Привет полуботинкам

Группа шла цепочкой.

Поначалу ребята переговаривались, слышался смех. Но постепенно, как это всегда бывает в первый день, рюкзаки становились все тяжелее. Разговоры сбивали дыхание, и скоро они прекратились сами собой. Ребята шли молча и сосредоточенно — работали.

Погода в июне этого года, кажется, решила в очередной раз пошутить с метеорологами.

Чего-то они там не учли — то ли лунного притяжения, то ли солнечного затмения, но обещанной прохлады не было, а стояла незапланированная жара. Потом, конечно, напишут — «впервые с 1882 года», но сейчас от этого не легче.

Первые комары, веселые и настырные, спешили выполнить свой долг перед природой и своим племенем. Больше всего им полюбился Борис, одетый в легкую рубашку-полурукавку. Алексей Палыч шел позади него и видел, как он выворачивает руки за спину, пытаясь достать зудящие места под лопатками.

Теперь уже не просто неприязнь, а прямо-таки злость поднималась в нем. Лжедмитриевна прекрасно видела, что они не подготовлены к такому походу. Могла бы предупредить. Ведь знала, наверное, заранее, проклятая!

Да и сам Алексей Палыч теперь, когда шли уже не по тропе, а напролом, чувствовал свою неуместность в лесу. Пиджак, галстук, обычные брюки, полуботинки — были здесь столь же не к месту, сколь не к месту туристские одежды в театре. Галстук вскоре был сдернут и засунут в карман. Но полуботинки, которые дома вели себя вполне прилично, здесь вдруг начали натирать

ноги; штанины норовили зацепиться за каждый гнилой сучок; ворот пиджака охотно оттопыривался, чтобы принять порцию хвои или другой мусор.

Во всем этом несоответствии было что-то вынужденное, нелепое, унизительное.

Постепенно Алексей Палыч втянулся и шел вперед монотонно и упрямо, как лошадь. Но в отличие от лошади, он мог на ходу думать. Если раньше его занимало только одно — прекратить нелепый эксперимент, то теперь у него было время подумать: зачем? Для чего все это делается, понять он не мог и решил прижать Лжедмитриевну при первой возможности.

А Лжедмитриевна и ребята о них, казалось, вовсе не думали. Во всяком случае, никто не оборачивался.

— Алексей Палыч, — сказал Борис через плечо, — почешите мне, пожалуйста, спину.

Алексей Палыч догнал Бориса и на ходу почесал. Останавливаться было опасно: группа не сбавляла темпа.

— Быстро они идут, — заметил Алексей Палыч. — Просто как заведенные.

— Думаете, тоже роботы? — спросил Борис. — Да нет. Обыкновенные. Я таких видел. Компас — в зубы, и шлепают, пока не свалятся.

— Надеюсь, что ждать недолго, — сказал Алексей Палыч. — У меня такое ощущение, что если мы свалимся, то они даже не остановятся.

— Остановятся, — уверенно сказал Борис. — Это у них закон. Они просто мечтают кого-нибудь спасти.

— Откуда ты-то знаешь?

— У нас, что ли, нет таких придурков, — небрежно заметил Борис, который ко всем сверстникам, увлекавшимся не радиотехникой, а чем-либо другим, относился без уважения.

Впереди посветлело. Густой ельник сменился редким мелким сосняком. Под ногами захлюпало: сосняк рос на подболоченной поляне. Полуботинки Алексея Палыча приняли в себя положенную меру коричневой жижи. Кеды Бориса промокли. Но группа, теперь видная вся целиком, по-прежнему перла прямиком, словно посуху.

«Неужели нельзя обойти?» — подумал Алексей Палыч. Специалистом по туризму он не был, хотя в лесу бывал не так уж редко: в Кулеминске только безногие по грибы не ходили. Но и не специалист может понять, что только очень неумный инструктор позволит группе промочить ноги без крайней нужды.

«Или неопытный... — подумал Алексей Палыч. — Но почему никто не возразил? Может быть, они под гипнозом?»

Все на свете кончается, кончилось и болото. Идти стало полегче в том смысле, что земля уже не стремилась засосать и стянуть туфли с Алексея Палыча. Но в туфлях хлюпало, ноги в них скользили, подвертывались, и вообще все было противно и мерзко.

Борису было полегче, не говоря уже о том, что он просто-напросто моложе.

А группа все шла и шла... Хоть бы кто-нибудь обернулся... Отсюда, снизу даже ребячьих голов не было видно, а так — рюкзаки с ногами.

Алексей Палыч начинал уже сердиться всерьез. То, что ими не интересовались ребята, вполне можно понять: плетутся сзади два чудака и пускай себе плетутся, пока им не надоест. Но ведь подлая Лжедмитриевна знала всё. И то, что они раздеты, и то, что разуты, и то, что у них не было ни крошки еды.

Перевалив через вершину гряды, группа стала спускаться по противоположному склону. Не доходя опушки леса, ребята остановились и сбросили на землю рюкзаки. Лжедмитриевна сказала им что-то, указывая рукой, и еще двое мальчиков побежали к лесу.

«Они еще могут бегать», — подумал Алексей Палыч. Он присел на обомшелый камень. Борис плюхнулся рядом, на землю. Обоим почему-то хотелось оттянуть момент встречи. Но чем больше затягивалось ожидание, тем глупее все выглядело. Ни та, ни другая сторона уже не могли делать вид, что существуют сами по себе.

От группы отделилась девочка и подошла к преследователям.

Алексей Палыч внимательно смотрел на нее, отыскивая признаки гипноза. Борис сделал вид, будто ничто окружающее его не интересует, и демонстративно принялся чесать накусанную спину.

Девочка была как девочка: раскрасневшаяся, с капельками пота у висков, со свежими расчесами на лбу, длинноногая и легкая в движениях. Она сразу почувствовала молчаливое сопротивление Бориса. Почувствовала, но никак этого не проявила. Точнее, проявила, но небрежно и элегантно, как это умеют делать девочки. Просто она не заметила Бориса и обратилась к Алексею Палычу:

— Вас зовут.

Девочка побежала вниз вприпрыжку, словно танцуя. Это был боевой танец, предназначенный для Бориса.

Алексей Палыч и Борис нехотя побрели вниз. Оба понимали, что в своих одеждах выглядят в этой обстановке нелепо, как будто они, а не Лжедмитриевна свалились с другой планеты. Но только она и могла им помочь, если, конечно, захочет.

Ребята сидели разутые. Кеды и шерстяные носки, разложенные на камнях, дымились под жарким солнцем.

— Познакомьтесь, — сказала Лжедмитриевна, — это Алексей Палыч и Боря.

Ребячьи ступни от хождения в сырой обуви слегка посинели, кожа на них сморщилась. Алексей Палыч искоса глянул на ступни Лжедмитриевны. Они были точно такими же. И комары Лжедмитриевну тоже кусали: на ее шее и на кистях рук виднелись свежие волдыри. Впрочем, это еще ничего не значило: робота можно сделать и не такого.

— Они пойдут с нами, — сказала Лжедмитриевна.

Никто не возразил. Никто не обрадовался. Ребята молча разглядывали жалкую парочку. Пускай даже похищение рюкзаков было проверкой. Проверяющие тоже обычно симпатий не вызывают.

— А в чем они пойдут? — спросил паренек с косынкой.

— Не знаю, — сказала Лжедмитриевна с видом если не равнодушным, то вполне безмятежным.

— Так и пойдем, — мрачно сказал Борис.

Ребята дружно засмеялись. Борис насупился. Ему-то было не до смеха. Алексей Палыч, помня о своем учительском положении, потихоньку ежился от неловкости, мучительно подыскивая какие-то нужные слова, и не мог их найти.

Но смех немного разогнал облака неприязни. Ребята почувствовали свое превосходство и от этого стали добрее.

— У меня есть запасной свитер. Только он «хебе», — девочка, которая приходила за ними, покопалась в своем рюкзаке и перебросила свитер Борису.

Борис ловить не стал. Свитер мягко ударился о его грудь и упал на землю.

— А у меня кеды, — сказал паренек в темных очках.

Связанные шнурками кеды мелькнули в воздухе и опустились возле ног Алексея Палыча. Он машинально нагнулся, взял кеды и посмотрел на подошву, где был оттиснут размер.

— Подойдет?

— Спасибо, — сказал Алексей Палыч, и все почему-то опять засмеялись.

Лжедмитриевна внимательно и серьезно за всем наблюдала. Чувств на ее лице было не больше, чем на лунном диске.

Подбежали двое посланных к лесу. Они принесли фляги с водой.

— Нашли родник! Вкусная! — выпалил один, и оба уставились на чужаков.

— Гы-гы. — Что это выражало, было неясно, и выяснить не удалось, потому что они тут же плюхнулись на землю. — Есть хочется — жуть!

Остальным больше хотелось пить. Обливаясь и вкусно чмокая, ребята пили. Дошла очередь и до Алексея Палыча. Он послушно засунул горлышко в рот. Впервые в жизни он понял, что ничего не

бывает вкусней прохладной чистой воды.

«Теперь буду пить только такую, без варенья, без сахара...» — подумал Алексей Палыч и тут же поперхнулся. Но не от воды, а от шепота.

— Зачем этого старика взяли? — спрашивал один из водоносов. — Рассыплется ведь по дороге.

В свои сорок пять Алексей Палыч стариком себя не считал, даже не задумывался над этим. Но сейчас пришлось смириться. Это был тот случай, когда утопающий вцепляется в горло своему спасителю. Не виноват был мальчишка, не знал он, что стоит на краю гибели.

Борис пить не стал, но остаток воды вылил себе на макушку.

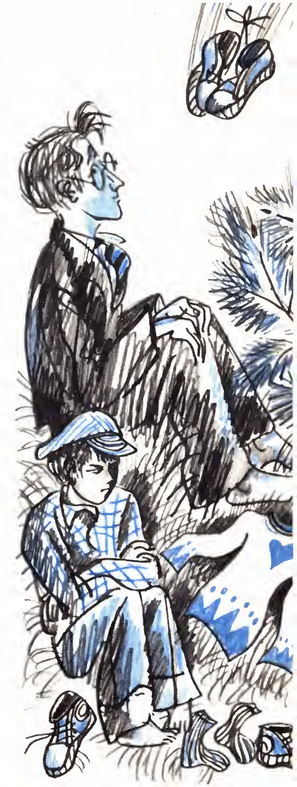
— В следующий раз сам за водой пойдешь, — сухо заметил паренек с косынкой.

— Собака охлаждается через язык, а я через голову, — дерзко отозвался Борис. На самом деле ему вовсе не хотелось ссориться. Ребята ни в чем перед ним не провинились. Но и Борис был не виноват в том, что напрашивался в компанию, ему бросали свитера, словно нищему. Просто грубость помогала крепче стоять на ногах.

— А он умный... — сказал паренек с косынкой. — Да, Елена Дмитриевна? Нам бы таких умных побольше.

Лжедмитриевна юмора не оценила.

— Да, — сказала она, — он умный. Ты, Стасик, можешь не сомневаться.

Тем временем из рюкзаков достали три пачки печенья и плитку шоколада. Каждому досталось по три штуки и по одной дольке.

Алексей Палыч попытался проявить благородство.

— Не нужно. Мы ведь ничем не можем с вами поделиться. Мы не взяли продуктов. Забыли... я хочу сказать — потеряли... Когда мы купим...

— Вы ничего по пути не купите, — сказала Лжедмитриевна.

Алексей Палыч, хоть и сидел, мысленно подпрыгнул на месте. Что же, они всю дорогу так и будут объедать ребят? Нет, он этого не допустит, он будет экономить предельно. А несколько дней можно вообще ничего не есть. Вот только Борис...

Алексей Палыч незаметно опустил печенье в карман.

Борис не стал есть печенье по другой причине. Он был человеком самолюбивым и не хотел так быстро сдаваться. Долька шоколада почти растаяла в его ладони. Это не осталось незамеченным.

— Ешь, — сказал Стасик, — ты не у папы с мамой. У нас никого не уговаривают.

Борис неопределенно мотнул головой.

— Ешь, — повторили ему. — У нас выделяться не положено. Дисциплина существует для всех.

Но Борис еще пробовал сопротивляться.

— Ты что, командир?

— Он заместитель руководителя группы, — сказала хозяйка свитера.

— А тебя, Мартышка, пока не спрашивают, — отозвался Стасик.

— А ты руководи поменьше.

В эту перебранку, которая, впрочем, была беззлобной и как будто привычной, Лжедмитриевна не вмешивалась. Она молча переводила взгляд с одного говорившего на другого.

— Боря, нужно съесть, — это уже Алексей Палыч, перешедший в ряды противника, начал понемногу предавать своего верного друга.

— Ешь, Боря, — почти ласково сказала Мартышка.

Выслушивать дальше уговоры было уже просто глупо. Борис сунул одну печенину в рот и раскусил ее с такой силой, словно на зубах у него была эта самая Мартышка.

После еды все принялись обуваться. Носки и кеды на камнях просохли, а у водоносов они почти высохли на ногах.

Алексей Палыч натягивал кеды, которые были на размер меньше, чем нужно. Стасик заметил и это.

— Выкиньте стельки, — посоветовал он.

— Спасибо, — послушно отозвался Алексей Палыч.

Стасик усмехнулся. Алексей Палыч понял, что начинает попадать в зависимое и подчиненное положение. Этого допускать было нельзя.

Только он да Борис знали об опасности, и только они могли ее предотвратить. Если, конечно, могли...

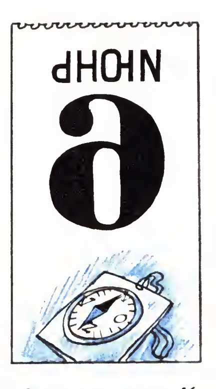
«Нужно держаться увереннее, — подумал Алексей Палыч. — Ведь управляюсь я с такими же в школе».

Между тем группа уже навьючилась рюкзаками и зашагала к лесу.

Алексей Палыч с сожалением взглянул на полуботинки, нежившиеся под солнцем на макушке камня. Почти новенькие, натуральной кожи, не купленные, а «достанные» его женой путем мелких унижений и крупных знакомств. Теперь эти полуботинки с молчаливым упреком смотрели на своего хозяина, словно понимали, что расстаются с ним навсегда.

Алексей Палыч махнул рукой и направился вслед за группой.

Борис шел за ним, волоча по земле свитер,— это была последняя попытка сопротивления, увы, никем не замеченная. Свитер цеплялся за сухие веточки вереска, и спустя минуту Борис перекинул его через плечо. А когда комары, радостно завывая, бросились в очередную атаку, он окончательно смирился и натянул свитер поверх рубашки.

Не спасай кого не надо

Спустившись с гряды, группа вошла в веселый березовый лес.

Листва уже набрала полную силу, но была по-юному свежей, поблескивала на солнце и оттого лес казался приветливым и дружелюбным. Трава еще не вытянулась во весь рост — идти было легко. В новых кедах Алексей Палыч ощущал даже некоторую упругость в ногах. Исчезла одышка, свободнее стали движения. Неожиданно возникли воспоминания о давно забытой волейбольной молодости, студенческих кроссах и зачетах по физкультуре.

«Еще не поздно, — подумал Алексей Палыч. — Вернусь, куплю костюм, буду бегать. Теперь многие бегают... Основа жизни — движение».

Тут Алексей Палыч обо что-то споткнулся и грохнулся грудью о землю. Физкультурные планы разом вылетели из него: для того чтобы бегать кроссы, нужно было еще вернуться домой.

Теперь Борис и Алексей Палыч шли рядом.

— Как ты думаешь, Боря?.. — спросил Алексей Палыч. — Куда мы все-таки идем?

— По компасу шпарит, — отозвался Борис. — Вы разве не видели: у нее на шее компас подвешен?

Алексей Палыч вспомнил: на груди Лжедмитриевны болталась плексигласовая пластинка со встроенным в нее компасом.

Алексей Палыч вздохнул.

— Первый день на Земле и уже все знает...

— Другая рассказала. Она ведь тоже шпионка. У них, может, кругом шпионы. А может, все на Земле — шпионы, одни мы с вами нормальные?

Черный юмор Бориса носил слишком общий характер. Сейчас Алексея Палыча интересовали дела более конкретные.

— А ребята, как они тебе?

— Нормальные. Мартышку сразу видно — противная. Значит, настоящая.

— Надо выработать какую-то линию поведения, — сказал Алексей Палыч и снова грохнулся на землю. Свою мысль он закончил уже лежа: — Иначе мы ничего не сможем сделать. Я знаю о твоей нелюбви к девочкам. Придет время, ты изменишь свою позицию...

— Вот еще! — возмутился Борис, глядя на своего учителя сверху вниз.

— Не будем спорить. Во-первых, нельзя ссориться с ребятами. Во-вторых, — продолжал Алексей Палыч, поднимаясь на четвереньки, — нужно как-то делить с ними трудности — взять на себя часть груза и так далее...

Последние слова учителя находились в таком противоречии с положением его тела, что Борис, впервые за весь день, улыбнулся.

— Ничего смешного нет! — рассердился Алексей Палыч. — Я впервые за двадцать лет надел кеды.

— В кедах-то легче...

Смех распирал Бориса. Он отвернулся и взглядом поймал группу. Последний рюкзак едва заметно маячил между стволами.

— Уходят!

Ученик и учитель побежали. Борис бежал сзади, равняясь по слабейшему. Через десяток метров Алексей Палыч, к великому своему изумлению, опять спикировал и приложился к земле.

— Шнурок завяжите! — крикнул Борис, перепрыгивая через своего учителя, как футбольный нападающий через вратаря.

Борис не остановился. Он побежал дальше, давясь на ходу смехом. Как у всех юных граждан нашей планеты, несчастья близких вызывали у него приступы оптимизма. Алексей Палыч об этом знал. Самый смешной случай, например, в кулеминской школе состоял в том, что дворник, скалывая лед, спланировал с крыши в сугроб и сломал руку.

Алексей Палыч, отплевываясь сухими травинками, встал на колено, завязал шнурок, распустившийся чуть ли не на всю длину, и, приняв низкий старт, пустился догонять Бориса.

Больше в этот день он не падал.

И снова двое шли вслед за группой.

Расплавленные до белесого свечения небеса нависли над ними. Что думали о них в этих небесах? Может быть, хихикали, удивляясь медлительности путешественников, несовершенству людей, которых природа снабдила ногами вместо гусениц или двигателя на воздушной

подушке? Может быть, ТАМ, наверху, какой-нибудь очкастый уже сочинял книгу о нашей цивилизации; книгу, в которой есть глава: «Туризм как способ переноски тяжестей».

Наверное, они уже отметили нелогичность в поступках людей. Ведь дай какому-нибудь гражданину сто рублей и попроси его отнести двадцать килограммов груза за пятьдесят километров — и он, ни секунды не раздумывая, наплюет на вас и на ваши деньги. Но тот же гражданин может истратить свою кровную сотню, закупить на нее те же килограммы, взвалить их себе на плечи и нести не за пятьдесят, а за двести километров. Притом, чем хуже, тем ему лучше. Вместо газовой плиты — костер. Вместо чая с лимоном в стакане с подстаканником — железная кружка. Вместо магазинных бифштексов — подгорелая перловая каша. Вместо асфальта, наконец, нехоженый лес с буреломом.

Обросший, как дезертир, пробирается этот чудак из пункта «А» в пункт «Б», оставив за спиной семью, личный автомобиль и неоконченную диссертацию.

И он счастлив.

Наверное, не могли понять этого в небесах. Потому и направили очередного шпиона в туристскую группу. Но тогда — почему в детскую? Разве поступки детей определяют правила и порядок нашей жизни?

Размышляя таким образом, Алексей Палыч немного увлекся. Мысли мыслями, но и ноги переставлять надо. Борис уже с нетерпением оглядывался на него. Группа неслась во всю свою молодую мощь, не обращая внимания на перегрузки.

Теперь Лжедмитриевна шла позади. Но направление сохранялось. Алексей Палыч, как физик, приблизительно знал поправки на широту и на время года. По тому, как перемещалось за спиной июньское солнце, он понимал, что они идут примерно на север. Но карту области он представлял плохо. А ему очень нужен был какой-нибудь населенный пункт, хотя бы для того, чтобы послать телеграмму родным Бориса. Да и продуктов купить не мешало.

При мысли о продуктах пустой желудок проснулся: в нем стало посасывать.

Решив, что три печенины не спасут группу, Алексей Палыч достал их из кармана и сунул Борису.

— А вы?

— Это лишние, — туманно сказал Алексей Палыч.

Борис прекрасно знал, что это благородная ложь, и полторы штуки вернул обратно.

Желудок, получив эти жалкие крохи и более ничего, буквально взвыл от негодования. Но тут уж Алексей Палыч ничего поделать не

мог. Не обращая внимания на угрозы, он продолжал вышагивать дальше.

— А может, они и правда роботы? — проворчал Борис. — Несутся как угорелые.

Размышление это осталось без ответа: у Алексея Палыча сил на разговоры уже не было; тут дай бог не упустить из виду Лжедмитриевну, то и дело норовившую скрыться за стволами деревьев.

Внезапно группа исчезла, словно сквозь землю провалилась. Подбежав ближе, заговорщики увидели, что так оно примерно и было: лес обрывался к реке крутым песчаным склоном. В воздухе еще висела пыль, поднятая ребятами при спуске.

Алексей Палыч подошел к воде, с наслаждением умылся. Даже струйки воды, стекавшие ему за шиворот, под гостеприимный пиджак, доставляли удовольствие. Не нравилось другое: и он, и Борис опять оказались как-то в стороне от группы; не физически в стороне — на крохотном пляже все были рядом, — а просто сохранялось прежнее отчуждение. Никто с ними не заговаривал, да и у них как будто не было повода лезть в беседу.

Алексей Палыч твердо решил сегодня же наладить с ребятами какие-то отношения. На ходу это было невозможно. Разве на ночлеге?.. Лжедмитриевна волновала его сейчас меньше: она знала всё, знала, что он тоже всё знает; если она молчит, значит, это в ее интересах. Но ведь должна же была она хоть как-то объяснить группе появление двух нахлебников...

Алексей Палыч и Борис уселись на песок рядом. Взъерошенные и неприкаянные, они напоминали пару скворцов под дождем.

Ребята раздевались: они собирались сначала искупаться, а потом наладить переправу. Две девочки и Лжедмитриевна побежали в кусты — переодеваться в купальники.

«Откуда у нее купальник?» — подумал Алексей Палыч. — Неужели тоже ОТТУДА?»

Трое мальчиков уже влезли в воду. Теперь они уже не выглядели такими солидными и целеустремленными; они брызгались водой, подныривали друг под друга, хохотали — все это мало походило на игры молодых роботов.

Паренек в темных очках остался на берегу.

— А ты что не купаешься? — спросил его Алексей Палыч.

— А вы?

— Мне уже не жарко. Поберегу силы на переправу. Моста, как я понимаю, искать вы не будете...

— Вот еще!

— Так ты иди купайся, мы покараулим.

— Тут не от кого караулить.

— Вот и иди.
— Паренек снял очки. Взгляд его казался серьезным и умным. Он кивнул в сторону рюкзаков:
— Проверки внимательности больше не будет?
— Нет. Даю слово! — сказал Алексей Палыч несколько горячей, чем ему бы хотелось.
Паренек быстро стал раздеваться.
— Тебя как зовут?
— Гена.
— Скажи, пожалуйста, Гена, почему вы не обошли болото?
— Вы разве не знаете? Вы тоже не обошли.
— Я как-то это... забыл... — промямлил Алексей Палыч.
Гена продырявил Алексея Палыча своим умным взглядом.
— Мы ведь не просто группа, мы идем на разряд. Девиз похода: «Север». Идем строго на север, никуда не сворачивая.
— Это-то я знаю, — схитрил Алексей Палыч и почувствовал с другой стороны дырявящий взгляд Бориса. — Но там обойти нужно было совсем немного.
— Девиз есть девиз, — лаконично ответил Гена и с разбегу плюхнулся животом в воду.
Из кустов в купальниках вышли две девочки и Лжедмитриевна. «Мадам» выглядела вполне по-человечески: руки и ноги росли у нее как положено; слегка загорелая кожа тоже была сделана не из пластика; фигурка — стройная, как и положено молодому кандидату в мастера спорта. Конечно, Алексей Палыч не надеялся, что джинсовый костюм скрывает какие-то панели или рычаги управления, но хотя бы ничтожный намек... Намека не было.
Лжедмитриевна подошла к Алексею Палычу.
— Вы будете купаться?
Алексей Палыч хотел сказать, что он уже вышел из возраста, когда бросаются в воду с поросячьим визгом, но тут же осекся: именно возраст мешал ему сейчас подружиться с ребятами.
— Мне уже не жарко.
— А Боря?..
— А мне уже холодно, — сказал Борис.
Никогда еще Борису так не хотелось купаться. Но он понимал, что дурачиться с ребятами в воде он не сможет, не настало еще время для таких отношений.
Девочки и мальчики веселились в воде. Если судить по количеству дружеских затрещин и подводных пинков, в группе царила полная демократия: девочки за слабый пол не считались. Это, впрочем, можно было понять и раньше: рюкзаки были у всех одинаковые.
Лжедмитриевна не присоединилась к ребятам, а отошла чуть

в сторону. Она стояла у воды как будто в нерешительности, что было на нее совсем непохоже.

Вполне мирная, небыстрая речка текла у ее ног. Вода чуть коричневая: наверное, речка питалась из ближних болот.

Что-то смущало Лжедмитриевну, но ведь не цвет воды. Может быть, ее поддельная кожа могла промокнуть, а спрятанные внутри шарики и ролики проржаветь?

Она зашла в воду по колено. Поплескала водой на лицо и шею. Затем двинулась дальше. Пока все было по-земному. Затем она зашла по грудь. Белые ромашки на ее купальнике стали коричневыми. Она разгребла руками воду, но не поплыла, а осталась на месте.

А затем случилось непонятное.

Она качнулась вперед, ладони ее сжались и разжались, словно пытались ухватиться за воду. Она по-прежнему стояла на дне, но теперь лицо ее было видно наполовину: рот под водой, глаза наверху. И по этим глазам Алексей Палыч понял, что Лжедмитриевна тонет. Они не выражали, как пишется, смертельного ужаса и не умоляли о помощи. Просто они смотрели на учителя неотрывно и, как ему показалось, безнадежно.

Где-то на дне был небольшой уступ. Она соскользнула с него, но подняться назад не могла: течение, хоть и слабое, все же мешало; ноги на такой глубине не имели опоры.

Лжедмитриевна, железобетонная инопланетчица, кандидат в мастера спорта, молча и тихо тонула в двух метрах от берега.

Это был прекрасный, необыкновенно счастливый случай, чтобы избавиться от нее и всего, что еще предстояло. Но об этом Алексей Палыч подумал позже, гораздо позже.

Первой его реакцией, как и у большинства нормальных людей, было броситься на помощь. Впрочем, тут и бросаться-то особенно нечего. Он подбежал к берегу и протянул руку. Даже Борис сначала ничего не понял.

Лжедмитриевна вылезла на берег.

— Спасибо, — сказала она таким тоном, будто ей не жизнь спасли, а уступили место в автобусе.

— Вы не умеете плавать? — спросил Алексей Палыч.

— Кажется, так.

— Зачем тогда лезть в воду?

— Я об этом не знала, — «мадам» даже пожала плечами, словно и объяснять тут нечего.

Алексей Палыч понемногу возвращался в прежнее состояние.

— Хотел бы я знать, о чем вы еще не знаете? — спросил он. — То вы ведете группу в болото, то выясняется, что руководитель не умеет плавать. Что будет дальше?

— Все равно изменить ничего нельзя.

— А если бы вы утонули?

— Это другое дело.

— Ну, тогда тоните, — предложил Алексей Палыч. — Больше я вас не буду спасать.

Лжедмитриевна впервые взглянула на Алексея Палыча с интересом.

— Ну, — замялся Алексей Палыч, — возможно, и буду. Даже скорее всего буду. Но не от большого желания. Это что-то вроде инстинкта: мало кто может равнодушно смотреть, когда гибнет... — тут Алексей Палыч запнулся, ибо точно не знал, кто стоял перед ним, — что-то живое, — закончил он не слишком определенно.

— Вы хотите сказать, что разум заставляет вас желать моей гибели, а что-то другое заставляет меня спасать? Но что может быть сильнее разума? Мне это не понятно.

— Подозреваю, что вам многое непонятно, — сказал Алексей Палыч, понемногу возвращаясь в агрессивное состояние.

— Конечно, — согласилась Лжедмитриевна, — иначе я была бы не здесь, а дома.

— Вот и возвращайтесь домой! А мы выведем группу обратно.
— Попробуйте им об этом сказать.

Алексей Палыч мысленно сплюнул и вернулся к Борису, О том, чтобы говорить с группой сейчас, не могло быть и речи.

— Чего вы с ней там — за ручку? — спросил Борис.
— Да так... еще раз попробовал уговорить вернуться. Не вышло.
— И не выйдет. Рука-то у нее хоть настоящая?
— То есть?..
— Человеческая?
— Вполне, — со вздохом сказал Алексей Палыч.

После купания ребята начали организовывать переправу. Все оказалось очень просто. Стасик, зажав в зубах конец веревки, переплыл на ту сторону и обвязал веревку вокруг ствола. Другой конец закрепили повыше, на этом берегу. Рюкзаки, подвешенные на карабинах, переехали через реку. Ребята, Алексей Палыч и Борис — им все же пришлось раздеться — переплыли сами.

Алексей Палыч ожидал посрамления лжекандидата в мастера спорта. Оно не состоялось. Скорее наоборот. Под предлогом проверки снаряжения «мадам» села в петлю, прикрепленную карабином к веревке, и лихо, чуть ли не под аплодисменты, скользнула на ту сторону.

Обманутый Алексей Палыч, натягивая брюки прямо на мокрые трусы, уже сожалел о своем благородном поступке.

Изобретение огня

После купания идти стало легче, но ненадолго. Затаившаяся на время усталость быстро вернулась. Алексей Палыч чувствовал некоторую слабость в ногах; пустой желудок взвыл с новой силой.

Группа форсировала небольшой овражек, поросший ольхой и тощим березняком. По дну овражка струился ручей, впереди начинался чистый сосновый бор.

Стасик, шедший впереди, остановился.

— Привал? — спросил он, обращаясь к Лжедмитриевне.

— Решай сам.

— Привал! — скомандовал Стасик.

— И ночлег, — добавила вторая девочка. — Место хорошее, а что там впереди — неизвестно. Да, Елена Дмитна?

— Решайте сами.

Теперь видно было, что ребята тоже устали. Но никто не настаивал на ночлеге. Однако когда Гена предложил «сделать» еще несколько километров, ему дружески посоветовали «закрыть пасть». Гена охотно послушался и первым скинул рюкзак на землю.

Алексей Палыч считал, что в таких случаях решать должен руководитель похода. Но лжекандидат в мастера только наблюдала, хотя и внимательно. Отсюда следовало, что она была урожденной демократкой и не хотела приказывать по мелочам, или... или просто не знала, что нужно делать.

Ребятишки работали четко. На них было просто приятно посмотреть. Поделовому и без суеты они расшнуровали рюкзаки, достали спальные мешки, колышки-уголки для растяжек.

Появились палатки-душегубки — низкие, двухместные; в них можно было только лежать, но зато они занимали мало места.

Лжедмитриевна натягивала свою палатку одна. Расстелила ее на земле, растянула дно на колышках, затем поставила стойки и принялась за растяжки. Получалось у нее вполне прилично. Наверное, тренировалась у себя дома на каком-нибудь полигоне.

Наблюдая за всей этой разумной суетой, Алексей Палыч томился без дела. В походах он не бывал, и сейчас до всего ему приходилось доходить своим умом. Наконец его осенило.

— Очевидно, потребуются дрова? — сказал он в пространство.

Его услышали.

— Очевидно, — отозвался Стасик.

— Сейчас, сейчас, — обрадовался Алексей Палыч. — Боря, идем.

Алексей Палыч и Борис направились к лесу.

— Эй, эй! — крикнули им сзади.

Блеснув на солнце остро заточенным лезвием, топорик ударился о землю совсем рядом.

— А если бы чуть левее? — задумчиво сказал Алексей Палыч.

— Я же говорю — придурки, — отозвался Борис.

— Ну, это ты зря... Ребята хорошие, мне они нравятся.

— У вас все хорошие. А так не бывает. Что в ней хорошего?

Алексей Палыч без труда понял, что речь идет все о той же Мартышке. Конечно, в ней все было отвратительно: и то, что она подошла, и то, что улыбнулась, и что обратно бежала вприпрыжку, и что несла тяжелый рюкзак в то время, когда Борис шел налегке. Даже купальник был у нее мерзкий — совсем новенький, красный в белый горошек.

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — в своей неприязни к девочкам ты становишься однообразным. Это не оригинально. Конечно, многие проходят эту стадию... Но пора из нее выходить. Все-таки женщины — половина человечества. Даже говорят — лучшая половина.

Одно из достоинств Бориса заключалось в том, что он был человеком практическим. Он сразу увидел, что учителя понесло, что тот замедлил шаги и даже собирался остановиться.

— А дрова? — спросил Борис.

— Что дрова? Ах, дрова... Действительно, нас же ждут.

Они шли по лесу, отыскивая сухие, тонкие сосны. Борис надрубал их топором, Алексей Палыч обламывал. Скоро набралось по два хороших пучка стволов. Взвалив пучки комлями на плечи, друзья поволокли их к месту стоянки.

Тут нет никакой оговорки. Алексей Палыч и его ученик Борис на самом деле были друзьями. Разница в возрасте компенсировалась общим увлечением и общими хлопотами. Увлечение — электроника. Общие хлопоты — с предшественником Лжедмитриевны. Десять дней

уверток и риска, обманов и бескорыстия, мелких хищений и благородных поступков скрепили их дружбу, как десять лет. Они стали сообщниками. Возможно — предателями нашей планеты, возможно — благодетелями чужой.

Оба они были связаны одной веревочкой, и веревочка тянулась в Большой Космос.

Как бы только не запутаться в этой веревочке.

Возле палаток, выстроившихся по одной линии, уже окопали кострище; две рогульки с перекладиной поддерживали котелок и бидон вместо чайника.

Паренек, бывший караульным у станции, на горсть белого мха положил тонкие веточки, на них — потолще, из принесенных дров.

— У кого спички?

— Елена Дмитна, должны быть у вас.

«Мадам» заглянула в рюкзак, порылась в нем, затем обшарила наружные карманы.

— У меня нет.

— Вы разве не покупали?

— Кажется, я поручала кому-то.

— Кому? — спросил Стасик, грозно оглядывая ребят.

Никто не откликнулся, но все принялись обыскивать свои рюкзаки и карманы. Результат тот же.

— Вы не курите?

— К сожалению... — вздохнул Алексей Палыч.

— А ты?

— Еще не научился, — ответил Борис.

— Ну и зря, — нахмурился Стасик. — Что же делать, Елена Дмитна?

— Решайте, — сказала Лжедмитриевна, уставившись на ребят немигающим взглядом экзаменатора.

Наступило молчание, прерываемое лишь шлепками по лицу и рукам: комары еще не отправились на ночлег и торопились получить свою каплю молодой крови.

— Когда-то огонь добывали трением... — вспомнила вторая девочка.

— Чего об чего тереть?

— Я не знаю.

— Это бессмысленно, — вмешался Алексей Палыч. — Ничего не выйдет. Такие опыты ставились. Получается раз из сотни, да и то не у всех.

— А что смысленно? — спросил Стасик.

Алексей Палыч взглянул на солнце, которое уже собиралось зацепиться за верхушки деревьев.

— Завтра мы могли бы что-нибудь придумать, — Алексей Палыч умышленно сказал «мы», а не «я». — Сегодня солнце уже слишком низко. Можно сложить стеклышки от часов, заполнить их водой и обмазать по краям — получится лупа.

— Как в «Таинственном острове»! — обрадовалась вторая девочка. — Я как раз недавно читала.

— «Таинственного острова» я уже не помню, — сказал Алексей Палыч, — но ведь я все-таки физик...

— Вы физик?! — обрадовался Стасик. — Тогда в чем же дело? Расщепите какой-нибудь атом, и порядок. Нам ведь не нужен большой взрыв, нам хотя бы искру.

Ребята повеселели. Кое-кто засмеялся. Не так уж их пугал ужин всухомятку. Просто ночевать в лесу без костра неинтересно. Так можно спать и дома.

— Стоп! — вдохновился Алексей Палыч. — Ты сказал «искра»... А это идея. Искру мы можем добыть. Я думаю, что можем. Нужен напильник, желательно плоский...

Напильник нашелся, но трехгранный.

— Ничего, — сказал Алексей Палыч, — теперь нужен кремень. Я думаю, в ручье можно найти подходящий камень. Боря, ты знаешь, как выглядит кварц, сходи, покажи ребятам.

Двое мальчиков и Борис побежали в ложбину. Лжедмитриевна между тем сидела на том же месте и наблюдала за всем своим немигающим, рыбьим взглядом.

Ребята вернулись с камнями.

Алексей Палыч выбрал один с заостренными краями и желтовато-бурыми вкраплениями кварца.

— Теперь дело за малым, — сказал Алексей Палыч. — Нужен трут — кусочек ваты или мягкой веревки. Но он должен быть обожженным...

Вата нашлась в аптечке. Но она была бела, как снега Антарктиды.

— А так не загорится?

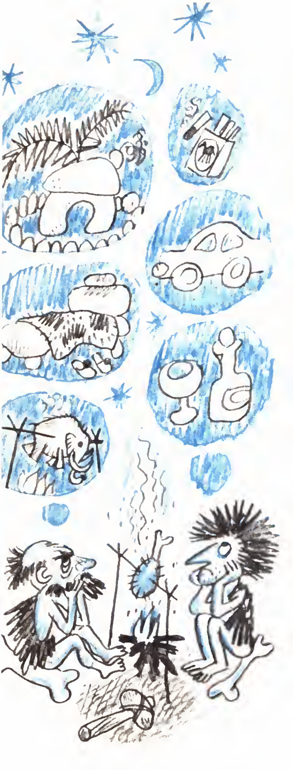
— Попробовать можно.

Алексей Палыч приложил кусочек ваты к кремню и несколько раз ударил напильником вскользь по острому краю. Несколько искр соскочили с кремня и утонули в пушистом комочке.

— Ура! — прошептал кто-то из ребят, обступивших Алексея Палыча.

Учитель понимал, что сейчас решается судьба не только горячей похлебки. Решалась и их с Борисом судьба. Но до «ура» было пока далеко.

— Хоть бы небольшой уголек... — сказал Алексей Палыч. — Вату можно натереть.

— Чижик! — заорал вдруг Стасик. — Ты же весной на сборе горел! Давай твой спальник.

Слова эти были обращены к парнишке небольшого роста, от которого за весь день Алексей Палыч не слышал ни одного слова.

Чижик вышел из круга и степенно, вразвалочку, этаким самостоятельным мужичком, двинулся за спальником.

— Ты побыстрей не можешь?

Ответа не последовало.

— Чижик у нас — король переходов, — сообщил Стасик Алексею Палычу. — Утром не поднимешь, вечером не остановишь. Вынослив и неприхотлив. Питается осиновой корой и молодыми побегами.

Доверительные слова Стасика можно было понять и так, что Алексея Палыча принимают в компанию. Уж теперь-то огонь надо было добыть хоть лопни.

На чехле спального мешка вырисовывалась довольно большая заплата.

— Снимай чехол.

Под чехлом, на материи тоже оказалась латка.

Стасик вынул из кармана складной нож и уже собирался вспороть латку в центре. Чижик молча взял нож из его рук и стал аккуратно подпарывать латку с края. Он запустил внутрь два пальца и вытащил темно-коричневый комочек подпаленной ваты.

Это было то, что нужно.

После нескольких ударов напильника о кремень вата затлела. К ней добавили еще ваты, затем в

ход пошел сухой белый мох, тончайшие веточки. Спустя несколько минут костер горел как положено.

Огонь, добытый таким трудом, был для ребят не просто огнем. Это не спичкой чиркнуть. Огонь был почти священный. Как в древности. И, как в древности, ребята исполнили в честь него небольшой танец.

Впрочем, неизвестно, танцевали первобытные люди возле огня или нет. Может быть, они просто сидели вокруг, грелись и в их косматых головах плавали стандартные мысли о будущем, когда для каждого выстроят однокомнатную пещеру с отдельным ходом и можно будет отделиться от взрослых детей, которые отнимают самые вкусные кости. И может быть, они не были такими косматыми, какими их рисуют в сильно исторических повестях... С дубинками ли, без дубинок; в шкурах или в бикини; молодые и старые... У всех — грива. Да побойтесь бога, художники! Были тогда лысины, были! «Не может быть, чтобы не было», — думал Алексей Палыч, поглаживая себя ото лба к затылку.

Вот до каких размышлений способен довести человека успех, даже временный. Сотворитель огня Алексей Палыч гордился своей победой. Он сидел у созданного им костра, и в голове его бродили мысли совсем бесполезные для дела спасения группы. Впрочем, начались они с воспоминаний о том, что, по словам Лжедмитриевны, ТАМ, в Космосе, живут какие-то шустрые ребята, которые слишком много знают, но не знают чего-то, что знаем мы, хоть мы для них, может быть, что-то вроде первобытных людей.

Ребята, отплясав, подошли к Лжедмитриевне.

— Ай да мы! Правда, мы молодцы? Да, Елен Дмитна?

— Вы быстро справились.

— Теперь будем хранить огонь? — спросила Мартышка. — Понесем угольки? Ой как интересно! Кто будет хранителем?

— Не нужно, — сказал Алексей Палыч. — Мы сделаем настоящий трут. Надо только следить, чтобы не отсырел.

Безымянная пока для Алексея Палыча девочка помешивала в котелке. Гречневая каша из концентрата уже не булькала, а солидно пыхтела. Обманутые комары пикировали в котелок и оставались в нем навеки. Но это никого не пугало. После того как в нее вывалили банку тушенки, в воздухе поплыли волны невыносимо вкусного запаха.

На разостланном лоскуте полиэтилена появились пластмассовые миски, деревянные ложки и железные кружки — по одной на каждого, исключая нахлебников.

Тем не менее первая миска досталась Алексею Палычу. Ее подал Стасик.

— Ешьте, ешьте, — засмущался Алексей Палыч, — я в последнюю очередь.

— Если бы не вы, мы вообще бы на хлебе и воде сидели, — сказал Стасик. — Это уж точно. Я вам на двоих положил. Я могу прямо из котелка.

— Чтобы больше досталось, — заметил бывший караульщик.

— Шурик, — заметил Стасик, — я человек благородный. Мои чувства измеряются не жратвой, а совсем другими вещами.

— Тогда тебе и котелок мыть.

— Посуду я вымою, — сказал Борис. Это было его первое обращение к ребятам. Никто не удивился.

— И завтра — тоже, — уточнил Шурик. — У нас дежурство по суткам.

Борис молча кивнул. Пора длинных речей для него еще не настала.

Ложек заговорщикам не досталось. Очевидно, походное гостеприимство не распространялось на сугубо личные вещи. Но и щепочками у них получалось неплохо. Правда, даровая каша сильно смущала Алексея Палыча. Но тут уж ничего не поделаешь: чтобы бороться, надо жить, а чтобы жить — надо питаться хоть время от времени.

Лжедмитриевна сидела рядом со всеми и молча поглощала кашу. Она вообще была удивительно немногословна для руководителя. Умение не торопиться, не контролировать каждую мелочь — хорошее качество. Но должна быть и разница между руководителем и наблюдателем. «Мадам» вела себя скорее как наблюдатель. Алексей Палыч удивлялся, что ребята пока этого не замечают.

После чаепития Борис сложил посуду в котелок и понес ее к ручью. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал. Хотелось свалиться на землю и лежать хоть неделю, хоть две. А ведь ребята еще несли рюкзаки... Но и Борис не шел налегке: он знал то, чего не знали ребята. Он тоже нес свой груз, и еще неизвестно, чья ноша была тяжелее. Это была та самая нервная усталость, которая одинаково поражает и детей и родителей, но родители почему-то считают, что в их океане волны выше и круче.

Когда Борис возвратился, ребята вслух размышляли над тем, как устроить ночлег приблудной парочке.

— А как вы думаете, Елена Дмитна?

«Мадам» произнесла свое традиционное «решайте сами».

Предложение «разбросать» гостей по палаткам было отвергнуто: палатки не банки, люди не кильки.

— А чем плохо на воздухе? — спросил Алексей Палыч.

— А вы согласны?

— Не в нашем положении выбирать. Кроме того, ночь теплая.

— А комары?
— Есть мазь, — влез в разговор Шурик.
— Где аптечка?
Аптечка — ее не успели убрать — лежала рядом. Мази в ней не оказалось.
— Валентина, — строго сказал Стасик, — сейчас мы будем тебя немножно вешать.
— Я все положила! — возмутилась вторая девочка. — Там список. Я по списку проверяла. И тюбики помню. Зелененькие такие, там еще елки нарисованы. Пять штук тюбиков.
— Куда они делись?
— Откуда я знаю. Я коробку при всех доставала.
— Да не такая уж важность — комары, — вмешался Алексей Палыч. — Мы с Борей накроемся моим пиджаком. Не съедят.
— Дайте им чехлы от спальников, — посоветовала Мартышка. — Все равно жарко. Я лично в мешок не полезу, только подстелю. Боря, возьмешь мой чехол.
Сказано было по-дружески. Даже слишком. Девочка чувствовала волну сопротивления, исходившую от Бориса. Это ее и притягивало. Препятствие нужно преодолеть для себя лично, для своего самолюбия.
Но противник у Мартышки оказался не из легких. Отношения Бориса с девочками отличались удивительной простотой: никаких отношений не было. Такие ребята, когда придет время, влюбляются без разбора, в первую встречную.
— Ничего мне не надо, — мрачно сказал Борис.
Мартышка не настаивала. Даже улыбнулась: она не забыла, что на плечах Бориса ее свитер.
Чехлы все-таки сняли — Стасик и Чижик.
Борис принял благодеяние наполовину. Он не полез в чехол, а лег на него и тут же уснул.
Алексей Палыч уснуть не мог. Человек немолодой и нетренированный, он находился в той степени переутомления, когда невозможно заснуть именно от усталости. В палатках копошились ребята, воюя за квадратные сантиметры. Скоро все стихло. Борис спал, подложив руку под голову. Комары спокойно паслись на его лице.
Алексей Палыч укрыл голову Бориса пиджаком и залез в чехол. Лежа на спине, он смотрел в посеревшее небо и думал о том, что за последнее время мальчик, лежавший рядом, стал для него очень близок. Он понимал, что все это временно: Борис вырастет и уйдет. Но сейчас это было важно: у Алексея Палыча, в его сорок пять, имелось множество хороших и нехороших знакомых, а вот друзей не было ни одного.

Еще он думал о ребятах, спавших рядом в палатках. Они ему нравились. Было в них что-то особенное. Неужели это те самые ребята, которые в школе хулиганят, изводят учителей, издеваются над слабыми и неумелыми? Многолетний учительский опыт подсказывал, что — те самые. Сегодняшний опыт говорил прямо противоположное...

Думал и о Лжедмитриевне. О ее странной фразе: «...раз вы сели в эту электричку, то вернуться уже не сможете». Что значит не смогут? Если бы они не пошли в лес, то до конца жизни, что ли, сидеть им на станции? На станции Алексей Палыч смутился, но тогда у него не было времени для размышлений. Сейчас время было. Но никаких чудес пока не случилось...

«Увидела, что выследили, и решила забрать с собой».

На такой мысли Алексей Палыч успокоился. При этом не следует забывать, что в русском языке глагол «успокоиться» имеет смысл — «успокоить себя». Другого-то выхода просто не было.

Алексей Палыч уже засыпал, когда услышал — или ему показалось — под боком чье-то дыхание. Он разлепил веки и увидел — или ему почудилось — нечто мохнатое и живое.

— Спи, собака, спи... — пробормотал Алексей Палыч и повернулся на другой бок.

— Подъем! Подъем! Подъем!

Вот тут, когда не нужно, Лжедмитриевна старалась вовсю. Она расхаживала между палаток и постукивала по ним прутиком. Ее палатка была уже свернута, рюкзак упакован.

Ребята задним ходом выползали из палаток, протирали глаза кулаками, потягивались и по-стариковски кряхтели; вчерашней живости в них не замечалось.

Вылезая из чехла, Алексей Палыч почувствовал, что кости в нем расположились отдельно от мяса. Болело все, кроме ушей.

Борис пришел в себя гораздо быстрее.

Вспомнив, что он дежурный, Борис подошел к Стасику.

— Варить будем?

— Спроси у Елены Дмитрины.

— Спроси лучше ты.

— Елена Дмитна, варить будем? — крикнул Стасик.

— А ты как думаешь?

— Нужно съесть колбасу, а то испортится.

— Тогда зачем спрашивать?

На этот раз лаконичность «мадам» не понравилась и Стасику.

— Кого же мне еще спрашивать?

— Больше самостоятельности, — посоветовала Лжедмитриевна.

— Это мы могём, — сказал Стасик. — Тогда будем пить чай. Алексей Палыч, ваша «пушка» работает?

— Должна, — сказал Алексей Палыч. Еще с вечера он скрутил из ваты фитиль, обжег его и засунул в корпус своей шариковой ручки, вынув стержень. Сегодня все пошло быстрей, чем вчера: фитиль — вата — бумага — костер.

Пока Борис ходил за водой, ребята свернули палатки. Чай вскипел быстро, его разлили по кружкам; Алексей Палыч и Борис прихлебывали из мисок.

Целая палка колбасы была разделена на девять частей. С утра есть не очень хотелось. Жевали лениво, понимая, что нужно, иначе днем быстро выдохнешься.

— Ой! — вскрикнула вдруг Валентина и поперхнулась. — Со... Со... Со...

Чижик деловито врезал ей кулаком по спине. Она выплюнула кусок колбасы в ладонь.

— Не жадничай, — посоветовал Шурик.

— ...бака... — закончила Валентина, указывая рукой.

Неподалеку от них, вытянув передние лапы, лежала на брюхе собака. Нос ее страстно втягивал в себя колбасные запахи; глаза, все понимающие, смотрели на ребят пристально и выжидательно. «Позови, — говорили эти глаза, — и я сразу приду. Я приду к тебе на всю жизнь, если ты согласишься».

— Собачка, как тебя зовут? — спросила, почти пропела, Валентина.

Собака почувствовала интонацию и встала. Хвост ее закрутился со скоростью вертолетного ротора. Она уже понимала, что гнать ее не будут, и ждала указаний.

Это был вполне современный поселковый пес. Не большого и не маленького роста. Типичная помесь забалованных дачных терьеров и деревенских дворняжек. Современность его складывалась из небольшой бороды и шерсти голубовато-серого цвета. Ну, борода одинаково модна сейчас и для хозяев, и для собак. До голубого цвета бород сами хозяева еще не докатились, но голубых терьеров очень уважают в больших городах.

Валентина бросила кусок недожеванной колбасы. Возможно, поселковый пес впервые в жизни видел такой замысловатый продукт, но уговаривать его не пришлось.

— Ну, иди к нам, — позвала Валентина.

Пес, конечно, знал эти слова. Он сорвался с места и на радостях сделал круг около костра, взбрыкивая задними ногами. Затем отбежал в сторону, полаял на север и на восток, как бы сообщая, что кругом затаились враги, но он здесь и никому не позволит обижать своих новых друзей. Потом подпрыгнул на месте и только после этого подошел к ребятам и уселся, склонив голову набок. Весь вид его говорил: ну как, вам понравилось? Вы поняли, что я ваш, я хороший; я преданный и неизбалованный; я вовсе не из тех собак, которые по утрам лежат с сигаретой в постели, а хозяин подает им кофе и бутерброд с ветчиной.

Этот маленький спектакль зрители оценили.

В артиста полетели кусочки колбасы и хлеба.

Он не отказался.

Никто даже и не заикнулся о том, что пес пойдет вместе с группой. Об этом все уже знали и так. Оставалось выяснить его имя.

— Шарик... — Наклоном головы пес выразил свое согласие.

— Жулик... — Против этого тоже не было возражений.

— Джульбарс...

— Акбар...

Пес внимательно слушал. Уши, обросшие длинной шерстью, шевелились. Шерсть с живота и хвоста свисала щеточкой. Такой собакой хорошо было бы, наверное, вытирать пол.

— Он похож на веник, — сказала Валентина. — Веник, ко мне.

Пес подбежал к ней, уперся лапами в колени и лизнул в нос.

Так он и остался Веником.

Когда стали укладываться, Борис подошел к Стасику.

— Давай я тоже понесу что-нибудь.

— Сейчас придумаем, — сказал Стасик. — Только вот что... Я вчера весь день хотел спросить: как вы к нам попали? Раньше нам Елена ничего не говорила.

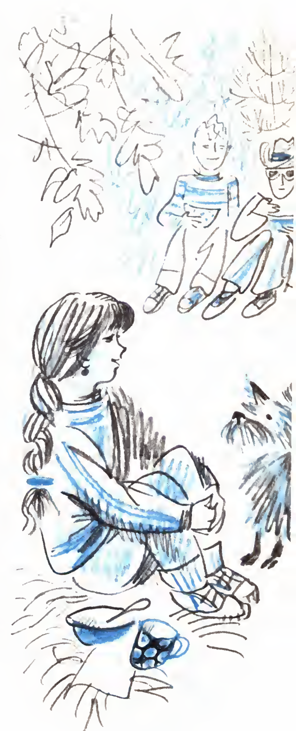
— Так получилось. Не знаю, как объяснить...

— А ты попробуй, я умный.

Борис кивком головы указал на Лжедмитриевну.

— Вы давно ее знаете?

— Вообще-то давно. Она ведь в нашей школе училась. А идем

с ней в первый раз. В прошлом году она с другой группой ходила. А ты давно ее знаешь?

— Сутки, — сказал Борис.

— Тогда почему тебя взяли?

— Понимаешь... трудно все объяснить. Я не хочу тебе врать. Только ты никому не говори.

— Договорились.

— Понимаешь... она... Она вроде преступницы, а мы с Алексеем Палычем за ней следим.

— Та-ак... — протянул Стасик, — умней ты ничего не придумал?

— Вот видишь, — сказал Борис, — а я еще не всю правду, а только кусочек...

— Ладно. Понесешь палатки, все нам будет полегче.

— А ты никому не скажешь?

— Ты хочешь, чтобы еще и меня за идиота считали?

Из этих слов можно было понять, что один идиот уже есть. Но то, что Лжедмитриевна «преступница», это еще, как говорят, семечки, Вот им бы настоящую правду сказать! Нет, видно, ТАМ рассчитали неплохо, наверное, ТАМ знали — люди верят в чудеса только тогда, когда в них нуждаются.

Борис принялся скатывать палатки в тючок.

Алексей Палыч тоже потребовал свою долю.

— Не нужно, — сказал Стасик. — Вы будете подавать научные идеи. Вперед, орлы и вороны!

И снова группа вытянулась в цепочку. Веник задержался на стоянке, подбирая колбасные шкурки. Когда пес пристал к их компании, у Алексея Палыча возникла надежда, что он как-то разоблачит неземное происхождение или электронное нутро Лжедмитриевны — заворчит или облает. Но этого не случилось даже тогда, когда собаку Лжедмитриевна нахально погладила. Видно, она была подготовлена всесторонне. Борис шел позади всех. Тючок нести было неудобно: приходилось перекладывать его с одного плеча на другое. Во время одной из остановок Борис услышал шорохи за спиной — Веник догонял группу. В зубах он нес что-то светлое, не то кость, не то палку. Борис протянул руку. Веник доверчиво положил на его ладонь светло-зеленый тюбик. Борис отвернул колпачок. Горлышко тюбика было запечатано металлической пленкой. Это означало, что мазью не пользовались и, следовательно, доставать ее из коробки было незачем.

Впереди Алексей Палыч остановился, поджидая соучастника.

Борис протянул ему тюбик.

— Веник нашел на стоянке.

— Это еще ни о чем не говорит, — сказал Алексей Палыч. — Могли случайно выронить.

— Все пять?

— Могли случайно не положить.

— Один положили, а четыре нет? — спросил Борис. — Это она... зуб даю, это она, Алексей Палыч!

— Я у нее спрошу.

— Ха! — сказал Борис. — Так она вам и ответит.

Группа уходила. Алексей Палыч молча потянул к себе сверток с палатками. После короткой борьбы он остался у Бориса, и оба бросились в погоню.

Ребята шли так же целеустремленно, как и вчера. Утром Алексей Палыч думал, что свалится на первом километре, но сейчас было заметно легче, чем вчера. Боль в мышцах постепенно исчезла, в них ощущалась приятная теплота и упругость. Жить было можно. В других обстоятельствах Алексей Палыч, человек в общем-то сдержанный и дисциплинированный, может быть, и порадовался бы, что так вот сорвался с места и нарушил привычный порядок жизни. Впервые за последние двадцать лет он встретил рассвет в лесу, впервые переплыл реку и спал на земле, впервые видел таких ребят. Обыкновенных, пожалуй, ребят, но в школе они не такие. В общем, шагая вперед, он возвращался назад, в свою молодость. И это было прекрасно.

Непрекрасным было то, что на завтра назначен экзамен по физике в десятом классе. Конечно, его заменят... Но выдумка с министром уже не казалась удачной. Директор школы в нее не поверит. Да и никто не поверит, пожалуй! Двадцать лет жил министр без Алексея Палыча и еще пятьдесят перебьется. Разве что оглушит слегка телеграмма и пройдет какое-то время, пока очухаются.

Но главное — Борис. Его отца Алексей Палыч знал. Человек широкой души, он был сторонником спартанского воспитания. Принцип воспитания: столкнуть свое дитя со скалы в море и смотреть — выплывет или нет; выплывет — молодец, нет — туда ему и дорога. Все это в переносном, конечно, смысле. В прямом — паники поднимать он не будет. Пока. Но мать поставит на ноги всех.

Почта нужна была позарез.

Между тем со вчерашнего дня никто пока им не встретился.

Туристы на то и туристы, чтобы избегать людных мест. Но все же и не пустыня раскинулась вокруг. Лес был не такой уж глухоманью, да и места эти не так далеко от Города. Начало июня — время, подходящее для первых грибов. Странно, что не было грибников. В эту пору обалдевшие за зиму горожане забирались на колесах в такие места, куда и на танке не проберешься. Но дороги тоже не встречались.

Мест этих Алексей Палыч не знал, но полагал, что населенные пункты должны попадаться. Правда, маршрут мог быть проложен в обход. Хорошо бы посмотреть карту.

Ребята шли не быстрей, чем вчера. Но и не медленней. Борис все чаще перекладывал тючок с одного плеча на другое. Наконец Алексей Палыч догадался: он сломал небольшую ольшину, очистил ее от веток — получился шест. Тючок подвесили на шест и понесли вдвоем. Но и здесь оказались свои хитрости: если шли в ногу, тючок начинал раскачиваться все сильнее и сильнее, уводил носильщиков в стороны. Алексею Палычу, идущему сзади, все время приходилось менять шаг. Он то семенил, то шагал широко, и Веник, прибежавший подгонять отстающих, никак не мог к этому приноровиться и раза два уже получил по зубам пяткой.

Пес не обиделся. Наверное, он соскучился по людям. Он делал вид, что понимает, будто это игра, и игра ему нравится. Притворно сердясь, он норовил цапнуть Алексея Палыча за штанину, так сладко пахнувшую человеком.

— Веник, отстань, — попросил Алексей Палыч.

Веник понял и умчался вперед. При таком количестве хозяев ему всегда было с кем поговорить.

— Интересно, как он здесь оказался? — спросил Алексей Палыч.

— Дачники... Возьмут собаку, поиграют, а потом выбросят.

— Собака-то не городская, — заметил Алексей Палыч. — К нам все породистых привозят. А у Веника какая порода?

— Подзаборная, — отозвался Борис. — Эти еще умнее бывают. У нас к соседям сейчас на дачу дог приехал. Семьдесят килограммов, а дурак. Все грядки истоптал — за скворцами гоняется. А одна сорока специально прилетает его дразнить. Сядет рядом, он — на нее, она отлетит. Он — снова. Пока язык не вывалится. Другая бы давно сообразила...

Веник впереди залаял. Подойдя поближе, заговорщики увидели, что ребята собрались в кружок. В центре кружка, довольный всеобщим вниманием, сидел Веник. Возле него лежал серый игольчатый клубок. Пес потянулся к нему носом, клубок подпрыгнул и зафукал. Веник припал на передние лапы и заворчал, предупреждая, что шутить не намерен. Впрочем, злился он не всерьез. Возможно, у этого пса была душа артиста. Встретив ежа в одиночку, он не обратил бы на него внимания. Но сейчас, при публике, он продолжал выступать.

Пока Веник, к удовольствию ребят, разыгрывал сцену смертельного поединка, Алексей Палыч отозвал Лжедмитриевну в сторону.

— Я хотел бы знать наш маршрут, — сказал Алексей Палыч.

— Я сама его точно не знаю, — беззаботно отозвалась «мадам».

— То есть как? Должна быть карта или схема...

— Карты нет.

— Забыли взять? — с подозрением спросил Алексей Палыч.

— Рюкзак укладывала не я.

— Куда же вы ведете группу?
— На север.
— Мне не понятно. Почему на север, а не на восток или на запад?
— Так было намечено.
— Кем? Вами или вместе с ребятами?
— Еленой Дмитриевной.
— Той Еленой, которая в отпуске?
— Да. Ребята об этом знают.
— Что она в отпуске?
— Что девиз похода — «север».
— А если встретится непроходимое болото или лесной пожар?
— Это интересно, — сказала Лжедмитриевна. — Критическая ситуация.
— Слушайте, передайте ТУДА, — заявил Алексей Палыч и ткнул пальцем в небо, — что это безобразие! Губить ребят я не позволю!
— Они и так слышат.
— Если слышат, пускай хотя бы пошлют телеграмму родителям Бориса. Текст я напишу.
— Они не могут этого сделать. Вступать в контакт им нельзя.
— А вам можно?
— До известных пределов.
— Почему же вам такое доверие?
— Я выполняю задание.
— Существуют наемные убийцы! — запальчиво сказал Алексей Палыч. — Они обычно тоже выполняют задание.

Произнеся эту тираду, Алексей Палыч почувствовал, что перегнул. Оскорблять Лжедмитриевну не следовало хотя бы потому, что это никак не могло помочь делу. Но наверное, «мадам» все же была скроена из особого материала. Она не обиделась.

— Напрасно вы сердитесь. Бориса искать не будут.
— Если я пошлю телеграмму.
— Я не против. Но я не уверена, что нам встретится какой-нибудь поселок.

Семь раз ненавистная Лжедмитриевна была трижды права: в лес уходят не для того, чтобы искать почту. Ребята не поймут и не согласятся.

— Но вдруг мы увидим... Я забегу...
— Хорошо, — согласилась Лжедмитриевна.
— И вы меня обождете! — с нажимом сказал Алексей Палыч.
— Конечно. Теперь мы не можем вас бросить. Ни живого, ни мертвого.
— Что?! — Алексей Палыч мысленно взвился вверх метра на три. — Еще намечаются и мертвые?!

— Вряд ли, — сказала «мадам» спокойно. — Не думаю...

Представление на поляне закончилось. Кольцо разомкнулось. Веника отозвали, но еж не торопился подняться. До сих пор он не встречался ни с собаками, ни с людьми и думал, что мир населен только улитками и ежами.

От ребят не укрылся тайный разговор Алексея Палыча и Елены. На их глазах такое происходило уже в третий раз.

— Боря, — спросила Мартышка, — почему твой отец все время шепчется с Еленой?

Еще утром выяснилось, что Мартышку зовут Мариной, но для Бориса она по-прежнему оставалась Мартышкой.

— Он мне не отец.

— А кто?

— Никто.

— Боря, почему ты все время грубишь? Я тебе не нравлюсь? — спросила Мартышка, и голос ее был чист и невинен, как чириканье лесной птахи.

На такие вопросы Бориса отвечать не учили. Да и не задавали их в кулеминской школе. Наверное, в Городе все было иначе.

— Отстань ты от меня, — сказал Борис скорее с тоской, чем со злостью.

Мартышка засмеялась, мотнула головой. Светлые волосы хлестнули ее по щекам, улеглись на спину. Серые глаза весело смотрели на Бориса. Нет, против такой девочки невозможно было устоять.

Невозможно?

Возможно, что невозможно...

Но не для Бориса.

— По тебе клещ ползет, — сказал Борис.

И сразу потухли Мартышкины глаза, исчезла улыбка; она повернулась и зашагала прочь от Бориса.

Борис стоял в недоумении. Но не в полном. Наполовину. Атака Мартышки была отбита, но удовольствия это не доставляло. А что он такого сказал? Ничего. Клещей тут полно — на всех садятся, не на одну Мартышку. Правду сказал человек, на что обижаться? Говорят, что у девчонок загадочные натуры... Вот пусть их разгадывают любители кроссвордов. А нам и так хорошо, верно, Борис? Нам их кроссворды — до лампочки.

Если бы еще на плечах Бориса не лежал свитер Мартышки, то было бы совсем ничего. А так Борис чувствовал себя слегка виноватым, хотя и не знал, в чем. Но конец жерди уже опирался на его плечо. Алексей Палыч, которому краткая передышка вовсе не пошла на пользу, сопел сзади.

Группа по-прежнему шла строго на север.

Врать надо умеючи

Близился к концу второй день похода.

Если в безостановочном движении имелся какой-то смысл, то Алексей Палыч его не улавливал. Ну — вперед, а дальше что? Вот у однодневных туристов, заполнявших окрестности Кулеминска по воскресеньям, была цель — посидеть у костра, выпить и закусить на природе...

Ребята казались туристами настоящими. Север севером, но Алексей Палыч не понимал, как они могут идти без карты. А если что случится? Кто-то заболеет, поранится... Надо же знать, куда выйти за помощью. Или Лжедмитриевна что-то скрывает?

Алексей Палыч и Борис шли в прежней связке.

Ребятам, хоть и нагруженным тяжело, идти было легче — они шли по одному. Заговорщикам, скрепленным шестом, приходилось действовать согласованно.

Ветви кустарника, пропустив Бориса, распрямлялись за его спиной, цеплялись за тючок; распрямившись во второй раз, они норовили хлестнуть Алексея Палыча по лицу, и это им удавалось.

В общем, группа, несшаяся к своей погибели, чувствовала себя неплохо, а вот спасателям приходилось туго.

Да и от чего нужно спасать, было совершенно неясно. У постороннего наблюдателя мог бы даже возникнуть вопрос: кого нужно спасать, не самих ли спасателей?

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — кажется, я вел себя совершенно неправильно.

— А как правильно, если тут все неправильно? А что?

— Я пытался доказать правду, а нужно было придумать какую-то ложь, но реальную.

— Вы же думали, что отзовут ее...

— Ну, в милиции я уже этого не думал.

— Я говорил Стасику, что она вроде преступницы, а мы за ней следим.

— Да?! — оживился Алексей Палыч. — Ну и что?

— Ноль, — сказал Борис. — Идиотом обозвал. Она у них в школе училась.

— Но ведь не она, а другая!

— А вы им докажите.

— Да, — согласился Алексей Палыч, — я не вижу никакой возможности объяснить ребятам. С ней, по-моему, разговаривать бесполезно: она на задании.

— А почему вы думаете, что их нужно спасать? Прут как лошади. Они и сами куда-нибудь выйдут.

— Я не то, чтобы... — Алексей Палыч пожал плечом. На правом лежал конец шеста. — Просто надеюсь, что при мне она не осмелится... сам не знаю, на что. Ведь у нас есть кое-какие заслуги перед НИМИ.

— Плевали они на нас!

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — ты не забывай, что нас слышат...

При этом Алексей Палыч забыл, что недавно сам критиковал братьев по разуму.

— Пускай слышат, — отозвался Борис. — Я и сам бы на них плюнул, да не знаю, в какую сторону.

Небеса молчали. Видно, очкарики той планеты были не слишком самолюбивы. Может быть, они сейчас тихо наслаждались, извлекая какую-то свою пользу от земных трудностей, неприятностей и нервотрепки. А может быть, шумно радовались своей удаче, которая складывалась из неудач Алексея Палыча и Бориса; радовались и чокались бокалами со змеиным ядом, придумывая новую экспедицию...

Разговор на ходу несколько утомил Алексея Палыча. Некоторое время он шел молча, пока не восстановилось дыхание. Но мыслям — в основном беспокойным — было тесно в его голове. Они просились на свежий воздух, требовали собеседника.

— Боря, — начал снова Алексей Палыч. — Вот ты говоришь, что ребята в помощи не нуждаются... Пока — да. Но я подумал — что-то много набирается странного. Мы, конечно, кое к чему с тобой привыкли, но все-таки... Почему мы с тобой вернуться не могли? Что это значит?

— Врет.

— Зачем? Почему нужно выдумывать такую невероятную и сложную ложь?
— Откуда я знаю.
— Думай. Ведь только мы с тобой можем что-то понять.
— Почем я знаю, что у нее в голове?
— А я полагаю, что она сказала правду. И все это имеет прямое отношение к нам.
— А верно! — Борис даже приостановился. Шест проехался по плечу Алексея Палыча и вырвал небольшой клин из пиджака. — Остальные пассажиры ей — до лампы.
Алексей Палыч скосил голову набок, оглядел дыру и вздохнул. Мысленно он простился с костюмом еще вчера, но все же надеялся дотянуть до конца похода.
— Затем она сказала, что тебя не будут искать. Как это понять?
— Успокаивает, чтобы ей нервы не трепали.
— То есть — опять лжет?
— Вроде этого.
— А у меня ощущение, что она говорит правду. Хотя я ей и не верю. Я чувствую — что-то происходит... что-то необычное... непонятное нам.
— Вы же сами говорили: другой метод.
— Вот я и боюсь этого метода. Не думаю, чтобы нам хотели причинить вред. Просто могут чего-нибудь не учесть. Да и надоело мне: не агенты же мы с тобой какие-то.
Борис засмеялся.
— Алексей Палыч, они все слышат.
— Пускай слышат. Я бы тоже на них плюнул, если бы не ребята. Ребят мне жалко.
— Это нас надо жалеть. С ними все в порядке.
— Не совсем. Если собрать все вместе, то кое-что уже сейчас мне не нравится. Тебе не кажется странным, что руководитель похода забыл спички? Ведь спички здесь не просто спички — это горячая еда и сухая одежда.
— Так вообще не делают, — сказал Борис. — Спички всегда распределяют — у одного подмокнут, у другого сухие.
— Вот видишь. И репеллент потерялся.
— Кто?
— Виноват, — сказал Алексей Палыч. — Мазь от комаров. Или жидкость. Все это репелленты. От латинского слова «репеллентис» — отгоняющий. Я когда-то метеорологию изучал, там много латыни. Ты извини...
— Ничего, я понимаю, — сказал Борис. — Мазь от комаров — кому она нужна? А вот репелленты можно и свистнуть. А Веник

нашел. Там, наверное, все пять лежали. Нужно нам было вернуться. Точно, Алексей Палыч, это она.

— Я не уверен, — сказал Алексей Палыч, — но всё вместе... И карты у нее нет, я спрашивал. Ты этих мест не знаешь?

— Откуда? Я еще с ума не сошел — с рюкзаками бегать.

— Ну, они бы тебе сказали, что с ума не сошли схемы паять, как мы с тобой. Каждый по-своему с ума сходит. Важно, чтобы сходили, а не сидели по углам, как тараканы. Впрочем, сейчас и это неважно. Ребят надо выводить из леса. Ты согласен?

— Мне это дело с самого начала не нравится. Но ведь ребятам нравится — бегут как ошалелые. Они бегут, а она молчит... Как будто и ни при чем...

— Ага, ты заметил! На руководителя она непохожа. В чем тут дело: не может, не умеет, не знает, не хочет?

— Дура! — сказал Борис.

— Не считай противника глупей себя.

Эту книжную мудрость Алексей Палыч изрек просто так, чтобы ответить. Если не считать жены, дочери и учеников, в жизни его противников почти не встречалось. Но в кругу семьи побеждать ему не удавалось.

Теперь уже второй день он находился в состоянии конфликта с Космосом. Алексей Палыч возмущался и пытался действовать. Космос молчал и продолжал гнуть свое. Не было ничего реального, осязаемого, во что можно было бы вонзить шпагу. Разве что в Лжедмитриевну. Но она была живая и теплая. Земное воспитание не позволяло Алексею Палычу лишить ее жизни.

— Если бы кто-нибудь из них заболел... — сказал Борис. — Или ногу сломал... Должны же они его вынести.

— Куда? — спросил Алексей Палыч.

— Назад! На станцию.

— А это идея! — оживился Алексей Палыч. — Только зачем из них? Можно из нас. Специально мы, конечно, ломать ничего не будем. Это все-таки больно. Но можно притвориться.

— Кто будет притворяться? — по-деловому спросил Борис.

— Могу я... попробую...

— Не пойдет, — уверенно сказал Борис. — Вы обманывать не умеете.

— Еще как умею, — заявил Алексей Палыч с некоторой даже гордостью, — последнее время только этим и занимаюсь.

— Не умеете. Я бы вас сразу разоблачил. Тут не просто обманывать, а нахально врать надо. Нахальства у вас совсем нет, Алексей Палыч.

— Да есть же, уверяю тебя! Я в детстве даже на скрипке играл.

Борис не согласился, и Алексей Палыч сдался, посопротивлявшись для видимости.

Неизвестно, как будут выглядеть грядущие контакты с иными планетами... Может быть, следующая встреча пройдет под аккомпанемент рок-группы или ансамбля скрипачей. Может случиться и так, что гостей будет развлекать хор юных пионеров или мозик-холл на мотороллерах. Гости и хозяева станут обмениваться поцелуями через фильтры, чтобы не оставить друг на друге дружественных микробов. Все будет празднично, открыто и честно.

Но пока для Алексея Палыча и Бориса контакты шли по кривым дорожкам. Раньше приходилось врать во имя гуманности, чтобы защитить инопланетного мальчика. Теперь приходилось спасать своих, земных ребятишек, и опять же путем нечестным.

Итак, шест сейчас несли два симулянта — симулянт-консультант и симулянт-исполнитель.

Обмануть семь человек — это вам не градусник нащелкать. Приходилось шевелить извилинами. Переломы сразу отпали. Почему — ясно, а кому неясно, пускай попробует сам. Сильные ушибы и вывихи проявляют себя опухолями и синяками, если они настоящие. А ненастоящих вывихов не бывает.

Оставалось поискать в том, что скрыто внутри человека. Те восемь-десять болезней, которые временами открывала у себя жена Алексея Палыча, не вполне подходили. Те пятьдесят—шестьдесят, которыми болели знакомые и знакомые знакомых, чаще всего нельзя было не только понять, но и выговорить. Нужно что-то серьезное, но простое, известное ребятам.

— Аппендицит! — обрадовался Алексей Палыч.

— А где он? — спросил Борис.

— В животе. Воспаление аппендикса. Срочная операция... В общем, то, что нужно.

— А что говорить?

— Говори, что сильные боли в животе. Пульсирующие. Впрочем, они не поймут, хотя наверняка слышали.

Симулянты сбросили шест. Алексей Палыч устремился догонять ребят. Борис улегся на спину. Делать это ему было противно. Но он жалел Алексея Палыча. Уж очень ему не хотелось, чтобы тот извивался и гримасничал, изображая страдания. Да и не уверен был Борис, что учитель выдержит до конца. Когда учителю приходилось выкручиваться во время похождений с мальчишкой, Борису временами было за него стыдно... Казалось, все должны видеть, что он говорит неправду. Но Алексея Палыча спасала многолетняя репутация честного человека. А вот Бориса совесть не грызла, вранье для дела он считал враньем честным.

Первым примчался Веник. Изнемогая от дружелюбия, он с ходу облизал Борису лицо, поелозил бородой по шее и тявкнул: «Вставай!»

Затем подошли ребята и Лжедмитриевна — без рюкзаков: наверное, Алексей Палыч кое-что объяснил им в дороге. Стасик сразу спросил:

— Сильно болит?

— Прилично.

Борис ответил довольно спокойно. Кривляться он не считал нужным.

— Зачем же ты пошел, больной?

— Он не знал, — вмешался Алексей Палыч. — Такие приступы всегда начинаются внезапно.

Валентина присела возле Бориса на корточки. Она была хранительницей аптечки и, значит, находилась ближе всех к медицине. Платком она вытерла с лица «больного» слюни Веника. Борис покраснел.

— У него жар, — отметила Валентина.

— Так и должно быть, — сказал Алексей Палыч.

— Валентина, дай ему какого-нибудь лекарства от живота, — посоветовал Гена.

— Или кусок колбасы, — сказал Шурик. — Самое лучшее лекарство. Я, когда долго не ем, у меня всегда болит.

— От аппендицита лекарства нет. Единственное средство — срочная операция, — заявил Алексей Палыч довольно уверенно, ибо на сей раз в его словах не было ни буквы неправды.

— Что будем делать, Елена Дмитриевна? — спросил Стасик.

— Решайте.

— Ну уж нет, сейчас я решать ничего не буду!

— Что делать, что делать!.. — вмешалась Мартышка. — Как маленькие! В больницу его надо!

Впервые на лице Лжедмитриевны появилась озабоченность. Она с беспокойством взглянула на Алексея Палыча. Но тот помогать ей не собирался.

— Хоть в ближайший населенный пункт, — твердо заявил Алексей Палыч.

— А где ближайший?

— Елена Дмитна, карта у вас?

— Карты нет.

— Я сам клал ее в карман вашего рюкзака, — сказал Гена.

— Я смотрела еще вчера.

Наступило молчание. Ребята переваривали новость, пока еще не связывая ее со спичками и комариной мазью.

В этот момент Борис шевельнулся. На лице его появилось напряженное выражение, будто он вслушивался в то, что происходило внутри его.

— Очень больно? — спросила Мартышка.

— Терпимо, — ответил Борис.

— Сам идти можешь?

— Подумаю.

Алексей Палыч с тревогой взглянул на Бориса. Уговора думать не было. По сценарию Борису полагалось быть совершенно беспомощным.

И тут в разговор вступил Чижик, не произнесший за два дня ни одного слова. Едва он заговорил, Алексей Палыч понял, что заставляло его молчать: с такими ребятами он встречался. Как правило, это были надежные ребята — говорили они мало, но дело делали.

— У м-меня б-был а-ап-пендицит, — сказал Чижик.

Все головы повернулись в сторону Чижика. Видно, ребята тоже знали, что понапрасну рта раскрывать он не станет.

— Н-нужно н-нести.

— Куда?

— Я п-помню к-к-а-арту. Впереди ж-ж-ж-е-елезка.

— Будем делать носилки, — решил Стасик. — Да, Елена Дмитна?

— Боря, тебе на самом деле так больно? — спросила Лжедмитриевна. — Придется прервать поход, а ребята готовились к нему целую зиму.

«Придется, придется, — не без ехидства подумал Алексей Палыч. — Хоть вы там и развитые,

но и мы кое-что соображаем. Молодец, Боря, давай добивай ее, действуй».

— Мне уже лучше, — сказал Борис, как бы даже со стоном.

Тон его голоса находился в полном противоречии со словами, поведение тоже. Он морщился, пальцы рук его, вытянутые вдоль тела, сжимались и разжимались. Алексею Палычу казалось, что Борис только вошел в роль и играет страдание совершенно естественно. Но как это совместить со словами? И зачем тогда притворяться?

Но все объяснилось просто. Борис не актерствовал, он на самом деле страдал.

Из ста пятидесяти миллионов квадратных километров, составляющих сушу нашей планеты, начинающий симулянт умудрился выбрать именно тот клочок, по которому проходила тропа муравьев. Прикрытая вереском, невидимая сверху дорога пролегала примерно под поясницей Бориса.

Рыжие шустрые солдатики быстро отыскали ходы под рубашку, под пояс, в штанины и рукава. Они разбрелись под одеждой, и ползание их уже само по себе было невыносимо. Но возможно, они собирались проникнуть и внутрь Бориса, ибо местами пробовали кожу на зуб.

Некоторые время Борис продержался на самолюбии. Начав играть роль обезноженного страдальца, он не мог вскочить сразу. Нужно было хоть немного потянуть, чтобы «боль» в животе успокоилась. Конечно, можно попросить, и его передвинут, и снимут одежду, и вытрясут ее. Борис представил себе эту картину, покосился на Мартышку и понял, что это исключено.

Муравьи продолжали вгрызаться в кожу. Уже не хотелось спасать ни группу, ни себя, ни даже планету. Единственным желанием было убежать в лес, раздеться догола и вытрясти одежду.

— Прошло, — сдавленным голосом произнес Борис и медленно поднялся на ноги.

Сначала, чувствуя на своей спине взгляды ребят, он шел не спеша, но потом не выдержал и побежал.

Алексей Палыч стоял в растерянности и изумлении. Из всех он один не понимал, что случилось. Остальные поняли, но по-своему.

— Значит, не аппендицит? — спросил Славик, обращаясь к Чижику.

Чижик молча кивнул, развернулся и направился в глубь леса, туда, где были оставлены рюкзаки.

— Жрать надо меньше, — заметил Шурик, ни к кому не обращаясь персонально.

— Дурак! — сказала Мартышка.

— А что, пошутить нельзя?

— Заткнись, — посоветовал Славик. — Валька, у тебя есть что-нибудь от живота?

— От живота, от живота... — пропела повеселевшая Валентина, раскрывая аптечку. — Ты думаешь, я наизусть помню? Тут у меня список. Вот. От живота — фталазол.

Валентина протянула Алексею Палычу две таблетки.

— Потом еще дам.

— Большое спасибо, — растерянно сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна решительно — и это надо непременно отметить — приказала:

— Идемте, ребята.

Во взгляде, который она напоследок бросила на Алексея Палыча, был такой нехороший прищур: не то презрение, не то подозрение.

«Иди, иди, не щурься, — мысленно сказал ей Алексей Палыч. — Я еще не то выдумаю». Однако это было пустой похвальбой. Алексей Палыч прекрасно понимал, что второй раз ребят в эти игры играть не заставишь. Разве что — ломать ногу по-настоящему...

Вернулся Борис, злой и насупленный.

— Что они говорили?

— Кажется, они не поняли, — виновато ответил Алексей Палыч. — Просто решили, что у тебя было расстройство желудка.

— Еще не лучше!

— Почему ты убежал? Ведь главное уже было сделано.

— Посмотрите.

Борис раздвинул кустики вереска. Рыжая дорожка струилась у его ног.

— Рыжие — самые кусачие, — мрачно заметил Борис.

— Разве нельзя было передвинуться? — спросил Алексей Палыч, стараясь придать своему голосу максимум деликатности.

— Они в штаны набились. От своих штанов я убежать не могу.

Алексей Палыч вздохнул.

— Да-а... Не везет.

— Пока только нам не везет, — уточнил Борис. — И вообще — в гробу видал я эту планету. Одних спасай, других спасай... Мы что, на спасательной станции работаем?

Борис погрозил кулаком в небо.

— Эй вы, забирайте свою физкультурницу!

Таким разъяренным Бориса Алексей Палыч еще не видел. Винил он во всем себя и старался придумать что-то, что могло бы отвлечь компаньона. Придумалось почему-то не самое умное.

— Вот, тебе таблетки оставили, — сказал Алексей Палыч.

Таблетки полетели в траву.

— А ребята хорошие, — примирительно сказал Алексей Палыч. — Ты заметил, они сразу согласились тебя нести?

— А я ничего не говорю, — остывая, пробубнил Борис. — Это я вроде дурачка.

— Не ты один, — уточнил Алексей Палыч. — Пойдем, а то отстанем.

— Подождут. Огонь-то у нас.

Борис оказался прав. На сей раз группа ждала их.

— Больше не отставайте! — крикнул Стасик. — Мы и так опаздываем.

— Интересно, куда? — буркнул Борис. — На кладбище, что ли?

Черный юмор Бориса и на сей раз не был оценен, ибо услышал его только Алексей Палыч, а он по природе был оптимистом.

Рыбаки ловили рыбу

Алексей Палыч проснулся незадолго до восхода солнца.

Вчера вечером они с Борисом оборудовали ночлег по всем правилам — нарубили елового лапника, сделали подстилку; спать было не хуже, чем в палатках. С вечера все намазались мазью, найденной Веником, даже и ему нос намазали, но он все слизал и остался в недоумении — почему так мало и так не вкусно?

Борис объяснил всем, как достался ему тюбик, и при этом оба заговорщика изучали выражение лица Лжедмитриевны. Но ребята по-прежнему грешили на Валентину. Та еще пять раз поклялась, что все проверяла по списку. Лжедмитриевна молчала, что было с ее стороны достаточно подло. Если, конечно, мазь украла она. Во всяком случае, мазаться она отказалась. Это говорило в ее пользу, если она хотела хоть как-то загладить вину. Но это же говорило против нее, ибо, значит, имелось что заглаживать. В общем, подозрения, разбавленные сомнениями, остались: все могло выйти случайно, но уж слишком много случайностей.

Вчера произошло еще одно событие, облегчившее душу Алексея Палыча. Он известил родителей Бориса. Не полностью известил, а процентов на восемьдесят: таков примерно был, по его мнению, коэффициент честности жителей родной области.

Вскоре после неудавшейся симуляции группа пересекла обещанную Чижиком «железку». Две пары рельсов уходили влево и вправо, безнадежно теряясь в сужающейся вдали просеке. От полотна несло жаром. Было и тихо и пусто, стрекотали кузнечики. Дорога выглядела необитаемой. Почему-то

вид этой пустынной дороги, накаленное полотно и даже кузнечики показались Алексею Палычу нереальными; ему захотелось проснуться и увидеть себя и Бориса в родимом Кулеминске, где-нибудь в районе бочки с прохладным квасом. Но мечтать было некогда: группа уже спустилась с насыпи и сходила в лес.

Алексей Палыч достал записную книжку, вырвал из нее листок и написал на нем стерженьком шариковой ручки послание в никуда.

«Уважаемый товарищ! Убедительно прошу Вас отправить по указанному адресу телеграмму: «Ваш сын Борис выехал мною Москву вызову министра выставку достижений. Мухин».

Деньги на телеграмму оставляю».

Затем он вынул два рубля, положил их вместе с листком на шпалу и придавил камнем. Полюбовавшись на свою работу, он заменил один рубль на трешку, чтобы «уважаемому товарищу» осталось, как в старину говорили, «на чай».

Конечно, Алексей Палыч не надеялся, что кто-то из-за четырех рублей спрыгнет с поезда или остановит состав. Просто он знал, что на свете существуют путевые обходчики. Ведь до сих пор бросают в океан бутылки с записками. По сравнению с океаном полотно железной дороги, все равно что почтовый ящик.

Алексей Палыч как в воду глядел. Часа через два записку обнаружили. Ее внимательно прочитали и положили в карман. Еще часа через два нашедший очутился на ближайшей станции. Но телеграфа там не было.

Обо всем этом Алексей Палыч не знал и теперь был спокоен за Бориса на те восемьдесят процентов, о которых уже говорилось.

Алексей Палыч, извиваясь, как гусеница, вылез из своего чехла.

В палатках еще спали. Спал и Борис. Сейчас он не казался таким решительным и суровым, как днем, — обыкновенный мальчишка, с припухлыми, еще детскими губами. Скоро, очень скоро он подрастет и уедет из Кулеминска на учебу. Алексей Палыч надеялся, что Борис не станет учиться на официанта или продавца мяса. Распространилась в последнее время в Кулеминске такая эпидемия. Прослышали некоторые молодые о большой деньге, супермагнитофонах и светской жизни. Вслух десятиклассники об этом не кричали, но кое-что удавалось понять из родительских сообщений. Город забирал их — сравнительно невинных и малоопытных. Забирал навсегда. Возвращал он их только проездом, богатыми до неприличия. В джинсах «Made in Canada», с транзисторами «Made in Japan» они подкидывали родителям внуков, сотворенных в России, и неслись на юга, опыляя прохожих своими новенькими «жигулями».

Кулеминские родители такую жизнь не вполне понимали, но вполне одобряли. Конечно, они бурчали в подушки кое-что насчет

«нашего времени» и своей молодости. Но в глубине души считали, что если дети живут лучше их, то они правы. А если кому не повезло или его судьба сноровкой обидела, то пускай поступает в институт.

Отдувались за всех, как всегда на Руси, — женщины. В данном случае — выпускницы кулеминской средней школы. Они оставались в Кулеминске продавщицами или отправлялись в Город учиться на инженера.

Вот такие мысли вызвал у Алексея Палыча спящий Борис. И тут же Алексей Палыч поклялся, что, если им удастся вылезти из этой истории, он посвятит всю свою жизнь тому, чтобы из Бориса получился ученый.

Стараясь не хрустеть коленками, Алексей Палыч направился к берегу.

Вчера они остановились на берегу озера — не слишком широкого, но конца его не было видно ни справа, ни слева. Сегодня предстояла переправа. Обходить озеро никто, конечно, и не подумает: это противоречит девизу. Хорошо хоть, что встретилось озеро, а не море...

Над озером стелился туман. Где-то в тумане плавало только что взошедшее солнце — в той стороне было светлее. Над зеркальной поверхностью воды туман струился, расслаивался — день опять намечался жаркий.

Алексей Палыч снял пиджак, рубашку и майку, засучил брюки и вошел в прозрачную воду. Облачка ила вспыхнули и начали медленно оседать у его ног. Тут же неизвестно откуда взявшиеся мальки атаковали его ступни. Они тыкались между пальцами, щекотали. При малейшем движении стайка согласованно отскакивала в сторону, но сразу возвращалась.

Похлопывая себя по тощей груди, Алексей Палыч набирался решимости. Он плеснул водой в лицо и провел мокрыми ладонями по плечам. Что-то давно забытое, какое-то давнее и доброе воспоминание пришло к нему. Он решительно зачерпнул воды ладонями и храбро плеснул на шею, на грудь и на спину. Мелькнула даже шальная мысль — искупаться. Но в мокрых трусах ходить ему не хотелось.

Умывая лицо, Алексей Палыч ощутил отросшую за двое суток щетину на подбородке. Его давно интересовал вопрос — почему борода, над которой ежедневно измываются при помощи бритвы, растет как ни в чем не бывало, а прикрытие головы неуклонно редеет? Сам он решить эту задачу не мог, а мнение науки на этот счет еще не дошло до Кулеминска. Во всяком случае, вид у него сейчас должен быть вполне неприличный и с каждым днем будет ухудшаться.

Слева что-то тихо шлепнулось в воду. За мыском прибрежного тростника Алексей Палыч увидел полголовы и конец удилища.

Надеясь расспросить обитателя здешних мест, он направился в ту сторону.

Шел он осторожно, почти на цыпочках: знал, что рыбаки шума не любят.

Рыбак сидел у самой воды, на гнилом чурбаке. Поплавок, впаянный в озеро, застыл у кромки тростника.

— Доброе утро, — сказал Алексей Палыч.

Рыбак обернулся. Это был Гена.

— Тише, — прошептал Гена.

— Клюет? — тоже шепотом спросил Алексей Палыч.

— Нет.

— Тогда почему — тише?

— Скоро клюнет.

— Почему ты так думаешь?

Гена молча ткнул рукой в сторону озера. На поверхности воды, минуту еще назад совсем гладкой, расходились круги.

— Играет, — сообщил Гена.

— Да-да, — подтвердил Алексей Палыч.

Рыбалкой Алексей Палыч не увлекался, но теоретически кое-что знал. Каждый второй в Кулеминске был рыбаком. Все они жаловались, что рыба теперь пошла образованная, зазнавшаяся, презирала обычные приманки и обмануть ее было почти невозможно. Рыбаки изобретали какие-то особые снасти, похищали у жен серебряные ложки и выклянчивали старинные монеты, чтобы изготовить из них серебряные блесны. Червей они подкармливали спитым чаем, поливали валерианкой и конопляным маслом и только что не мариновали. Они готовы были перелопатить тонны земли в поисках каких-либо особо вкусных личинок. Копались они, к возмущению жен, где угодно, только не в своем огороде. Покидали семьи по пятницам и возвращались в воскресенье. Уезжали километров за сто, а то и за двести. Для этого требовался, как минимум, мотоцикл. В общем, рыбалка стоила таких денег, что на них можно было бы обеспечить семью рыбными консервами — единственный вид рыбы, попадавший в Кулеминск, — на годы вперед.

Гена, кажется, вознамерился поймать что-то бесплатно. Наверное, рыбе это не нравилось. Во всяком случае, она не клевала.

— Туман, что ли, мешает?.. — сказал Гена.

— Возможно, — согласился Алексей Палыч.

— Или ветер не тот...

Но ветра не было. Подобно всем рыбакам, Гена искал причины во внешних влияниях. Однако Алексей Палыч отметил, что Гена поднялся еще раньше его. Значит, сидело в нем то самое шило тихой, но настойчивой страсти. Это качество в людях Алексей Палыч ценил.

— Где же ты взял удочку?
— Удилище срезал, жилка и поплавок с собой были.
В тростнике что-то тяжело шевельнулось. Алексей Палыч внезапно ощутил легкое трепетание.
— Бросай туда!
Гена снисходительно пожал плечами:
— Щука...
— Вот и хорошо! — сказал Алексей Палыч.
— На шитика она не возьмет.
— На кого? — спросил Алексей Палыч.
— На ручейника.
— Это червяк такой?
Гена передернул плечами, что могло бы означать «отстань», в крайнем случае — «отстаньте, пожалуйста». Настоящие рыбаки не любят ни пижонских советов, ни пижонских вопросов. Но у Алексея Палыча был такой заинтересованный вид, по-честному заинтересованный...
Гена показал на небольшую ямку, выкопанную рядом, у самой воды. Там шевелились, медленно ползали в сырости какие-то трубочки. Гена взял одну трубочку, разломил; показалась половинка маленького желтоватого червячка, который быстро съежился и втянул голову в плечи. То есть плечей у него не было, но именно так это все выглядело.
— На дне живут, — пояснил Гена. — Я их руками наловил. На них хорошо клюет. А червей здесь нет.
— Очень интересно, — сказал Алексей Палыч. — Но почему все-таки не клюет?
— Погода...
— Но погода как раз отличная.
— В этом все и дело.
Последнее замечание Гены вызвало у Алексея Палыча цепочку туманных воспоминаний. Знакомые рыбаки, возвратясь без улова, нередко жаловались на погоду: то слишком хорошую, то слишком плохую. В случае переменной погоды жаловались на переменную.
Сзади зашелестело. Алексей Палыч обернулся. Осторожно ступая, подошел Веник. Он понимал, что шуметь не следует. Веник потряс бородой, чихнул, погладил лапами искусанный комарами нос, зевнул и уселся. Проследив, куда устремлены взгляды его друзей, он с умным видом уставился на поплавок.
На воде по-прежнему расходились круги, и по-прежнему не клевало.
— Можно мне попробовать? — нерешительно попросил Алексей Палыч.
— А вы умеете?
— Нет. Но я слышал, что новичкам везет.

— Сейчас, проверю наживку.

Гена поднял удилище, поймал рукой леску и добрался до крючка. Поправил что-то, добавил еще одного ручейника и забросил.

— Кажется, надо на наживку плюнуть?

— Держите, — сказал Гена. — На всех шитиков слюны не хватит.

Алексей Палыч взял удилище обеими руками: он понимал, что такого доверия он не заслужил. О большой рыбе он не мечтал и был согласен на любого малька.

Поплавок улегся на воду и снова застыл.

— Погода... — вздохнул Гена. — Хоть бы ветерок небольшой. Она нас видит.

— А она там есть? — шепотом спросил Алексей Палыч.

— Куда же ей деваться...

Но видно, и вправду существует на свете пижонское счастье. Поплавок вдруг шевельнулся... Это «вдруг» описано уже миллионы раз. Но тут ничего нельзя изменить, из песни слова не выкинешь: такое, даже для опытных рыбаков, зубы съевших на этом деле, всегда случается вдруг. Итак, все-таки вдруг...

— Дайте заглотать, — прошептал Гена.

Внизу кто-то продолжал облизывать наживку.

— Пора? — спросил Алексей Палыч. Мир перестал существовать для него. Всеми мыслями он был сейчас там, под водой.

Поплавок резко и отвесно нырнул. Алексей Палыч дернул так резво, словно тащил больной зуб. Снасть выдержала. Выдержала и рыбья губа. Серебристой запятой блеснула в воздухе рыба и приземлилась рядом с Алексеем Палычем. Она лежала, подрагивая плавниками, и цвета ее были еще живые, незамутненные: темная спинка, брюшко не жемчужное, чешуя не серебристая. Все было похожих цветов, но гораздо чище. Это были краски природы, ни с чем не сравнимые. Ее удлиненное и округлое тело не походило конечно же на торпеду, как часто пишут о рыбах. Оно походило на ее собственное тело. Не стоит забывать, что природа изобрела рыбу на два миллиарда лет раньше, чем человек изобрел торпеду.

С такими сравнениями надо обходиться осторожно. Тут все дело в том, кто раньше кого. Вот сравнивают дирижабль с сигарой. Возражений нет. Сигара появилась раньше дирижабля. Но попробуйте заявить, что сигара похожа на дирижабли, и вас вежливо не поймут. Или: очень милое, но слегка устаревшее — «щеки девушек алели, как маков цвет». Но никогда цветок мака не светится девичьим румянцем: маки на земле алели задолго до того, как появились первые девушки.

И вообще — сравнение обратной силы не имеет.

— Елец! — Гена сказал шепотом, как будто что-то еще могло испугать эту рыбу.

Елец ожил, оттолкнулся хвостом, подпрыгнул и передвинулся поближе к воде. Проще всего было подтянуть его за леску, которая торчала изо рта. Но то была первая в жизни рыба Алексея Палыча...

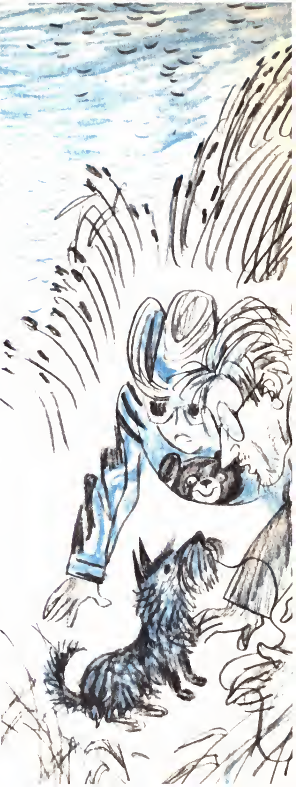
Алексей Палыч повалился на бок и попытался накрыть рыбу ладонью. В этот момент она снова подпрыгнула и забилась, приближаясь к воде с каждым движением. Все произошло так быстро, что Гена не успел вмешаться. Алексей Палыч извивался на песке, молотя ладонью по берегу, а рыба уходила.

Этого Веник вытерпеть не мог. Он прыгнул и схватил рыбу у самой воды. Поначалу у него не было никаких дурных замыслов: он просто хотел помочь удержать то, что не имело права убегать от хозяев. Сначала он держал рыбу поперек туловища и преданно помахивал хвостом. Но постепенно язык его ощутил съедобность ельца.

Обычно собаки сырой рыбы не едят. Нормальные собаки и в нормальных условиях. Но кто знает, сколько дней голодал Веник. Да и от ребят ему пока перепало немного. В общем, Веник понимал, что добыча не его, но голод оказался сильнее совести. Слегка отвернувшись, делая вид, что все свершается помимо его желания, он развернул рыбу языком и дослал ее в пасть.

— Отдай! — закричал Гена.

Веник все понял, но выбрал середину. Не проглотил и не от-

дал. Конец жилки торчал из пасти; вид у Веника был как у человека, который набрал в рот воды и почему-то стесняется ее выплюнуть.

— Говорят — отдай! — снова крикнул Гена. — Ты же крючок проглотишь, дурак!

Веник, сжав челюсти, молотил хвостом по земле. Весь вид его говорил о том, что он готов к услугам, но не понимает из-за чего такой шум. Конечно, тут было что-то такое блестящее... Но куда оно делось? Гена подбежал к собаке и попытался разжать челюсти. Веник заворчал, намекая на то, что дружба дружбой, но лазать руками в рот не положено. Кому какое дело, что у собаки внутри.

— Кусит, — предостерег Алексей Палыч.

— Ну да... — отмахнулся Гена. — Он знает, что не его.

Веник наморщил нос, обнажив клыки. Но хвост по-прежнему совершал дружелюбные колебания. Видно, Веник понимал: тяпнуть-то всегда не поздно, а вот что будет дальше?

Челюсти собаки мелко дрожали, приоткрываясь.

Алексей Палыч потянул за жилку. Но рыба была заглочена головой вперед. Она встала поперек. Веник сделал судорожное глотательное движение и все вернулось на свои места.

— Тяните за хвост!

Не понимая, но подчиняясь, полагая, что есть какие-то особые приемы извлечения рыбы, Алексей Палыч дернул Веника за хвост. Челюсти сжались, пальцы Гены остались в собачьей пасти.

— Рыбу — за хвост!..

Встав на колени, обхватив одной рукой Веника за шею, Гена снова раскрыл челюсти. Алексей Палыч, мысленно простившись с рукой, сунул два пальца в глубину глотки.

Этого Веник уже не мог вынести.

— Х-ха, — произнес он, и несчастный елец вылетел из его пасти. Веник с укоризной смотрел на своих мучителей. — Ну что, жмоты, — говорил его взгляд, — добились? Жрите теперь сами...

Гена извлек крючок из многострадального ельца. Теперь елец не то что на уху, а и на показ не годился.

— Возьми, — елец шлепнулся возле собаки.

— Как бы не так, — сказал им собачий взгляд. — Понравилось в пасть лазать...

Затем Веник задрал над ельцом заднюю ножку и проделал обряд, который в переводе с собачьего означает «если не мне, то и не вам».

Потом Веник удалился. Хвост его уныло болтался.

— Еще будем ловить? — спросил Алексей Палыч.

— Хватит, наверное, — сказал Гена. — Наши уже встают.

— Слушай, Гена, я хочу тебя спросить: как вы готовились к походу? Это, наверное, очень серьезная подготовка?

— Обыкновенная. Сначала теория, потом учились ориентироваться, ходили по азимуту. Весной, на каникулах, были сборы. Соревнования: кто быстрей поставит палатку, разожжет костер...

— В общем, в лесу вы ориентироваться умеете?

— Элементарно.

— И сумеете выйти куда надо?

— А куда надо? — спросил Гена.

— Вот это и меня интересует.

— На карте было помечено. Только она пропала.

— Тебе это не кажется странным?

— Ничего, — сказал Гена. — Куда-нибудь выйдем. Не маленькие.

— Кто с вами занимался?

— Елена Дмитриевна.

— Вот эта самая?

— Какая же еще? Другой у нас нет.

Расспрашивать дальше о Лжедмитриевне Алексей Палыч не стал. Кажется, копия была сделана на совесть.

— А можно мне вас спросить?

— Пожалуйста, — сказал Алексей Палыч, догадываясь о чем будет вопрос.

— Как вы к нам попали?

— Просто прибились, как Веник, — попробовал отшутиться Алексей Палыч.

— Я серьезно... — сказал Гена.

— Лже... гм... Елена Дмитриевна нас пригласила.

— Зачем? Раньше она ничего не говорила.

— Знаешь, Гена, — сказал Алексей Палыч, стараясь придать своему лицу самое честное выражение, — твои вопросы вполне справедливы. Но у меня на них нет ответов. Или скажем так: они есть, но лучше бы их вообще не было. Тебя устроит такое объяснение?

Гена пожал плечами:

— Не хотите говорить, не надо.

— А ты спроси у Елены Дмитриевны, — нашелся Алексей Палыч.

Это была неплохая идея. Правду Лжедмитриевна тоже сказать не может, вот пускай сама и выкручивается. Во всяком случае, сочинять для этих ребятишек какую-то легенду Алексею Палычу не хотелось.

— Неудобно, — сказал Гена.

— А у меня удобно?

— Нормально, — сказал Гена, — ребята к вам хорошо относятся, хоть вы и старый.

— Неужели я такой уж старый? — якобы небрежно спросил Алексей Палыч.

— Для такого похода, — уточнил Гена.

Алексей Палыч уже не слегка, а вполне серьезно встревожился, ибо дело касалось проблемы, которой до сих пор он не замечал. Среди своих знакомых он считался вполне молодцом, а в Кулеминской бане его даже часто просили: «Подвиньтесь, молодой человек».

— Прости, пожалуйста, — сказал Алексей Палыч, — но я кое-что читал и мне известно, что Жак Кусто до сих пор ныряет с аквалангом. А ведь ему около семидесяти лет.

— Я тоже читал, — сказал Гена.

— Интересно, — без всякого интереса сказал Алексей Палыч, — а сколько, ты думаешь, мне лет?

— Тоже, наверное, вроде этого.

— А сколько лет твоему отцу?

— Откуда я знаю...

— Странно, — сказал Алексей Палыч. — У вас дома справляются дни его рождения... Наверное, бывают гости... поздравляют... Ведь говорят, сколько ему лет?

— Откуда я знаю... Меня за стол не сажают.

— Но все-таки: тридцать пять или сорок?

— Наверное, сорок...

— А мне сорок пять! — заявил Алексей Палыч с тихой гордостью.

Но Гену это не поразило: в своем прекрасном возрасте разницу между сорока и семьюдесятью он не осознавал — не по недостатку воображения, а потому, что эта проблема его не волновала.

— К вам ребята хорошо относятся, — повторил он. — А почему вы у нас — разговорчики разные.

— А Борис?

— Борис ничего. Но вас мы понимаем, а его не очень.

— Борис просто очень устал, — сказал Алексей Палыч. — Я, Гена, не могу тебе объяснить...

— Да ничего не надо объяснять, Алексей Палыч. Мы идем, все нормально... Не хотите — не надо...

— Я бы очень хотел, — сказал Алексей Палыч, — но это невозможно. Ты мне должен просто поверить.

— Я вам верю, — сказал Гена, и в голосе его Алексей Палыч почувствовал какое-то прощение, отпущение грехов, которых не было. — Мне вообще кажется, что все немножко не так...

— Что именно?

— А все, — сказал Гена. — Объяснить я не могу. Чувствую...

— Ты правильно чувствуешь, — вздохнул Алексей Палыч. — Ты понимаешь, я оказался в положении собаки, которая все знает, но объяснить не может. У нас с тобой странный разговор — откровенность

без откровений... Но я, Гена, не виноват... Пойдем на стоянку. Если у тебя будут вопросы, спрашивай в любое время, не стесняйся.

Гена пошел вперед и стал подниматься на склон.

Алексея Палыча вдруг осенило.

— Стоп, — сказал он. — Гена, ты — ее помощник?

Гена обернулся. Волнений на его лице заметить не удалось.

— Кого? — спросил он.

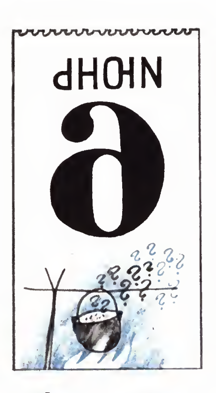
— Елены Дмитриевны.

— Конечно, — сказал Гена. — И я, и все остальные тоже.

Алексей Палыч не стал его останавливать. Мысли его сейчас бродили по разным каналам, но в одном из них сейчас возникло подозрение, что Гена знает больше, чем говорит.

Не тайный ли он помощник Лжедмитриевны?

Нет. Будущее покажет, что не тайный.

Из чего варят кашу

Когда Алексей Палыч и Гена поднялись наверх, там уже все проснулись. Ребята обувались, ежась со сна. Веник бродил между ними, жаловался, старался рассказать о происшествии на берегу, но его не понимали.

Шурик сидел на корточках возле вчерашнего костра, пытаясь разыскать тлеющие угли. Ничего из этой затеи не получалось.

— Алексей Палыч, давайте вашу пушку.

Хотя история с пропавшими спичками по-прежнему не нравилась Алексею Палычу, она имела и хорошую сторону: конструктор «пушки» оказался небесполезным человеком в походе. Вот только Борис не принес еще ощутимой пользы. Он и сам это понимал. Дежурить сегодня была не его очередь, но он сходил за водой, за ветками и только потом пошел умываться к озеру.

Лжедмитриевна уходила с берега последней. Возле Бориса она задержалась.

— Как ты себя чувствуешь?

— А что?

— Вчера тебе было плохо...

— А сегодня хорошо.

— Боря, не надо на меня злиться, — сказала Лжедмитриевна. — Вы сами захотели пойти с нами.

— А я вот возьму и скажу ребятам, кто ты такая.

Лжедмитриевна не испугалась.

— Не стоит. Себе же хуже сделаешь. Я ведь никому не говорю, что ты вчера притворялся.

— А ты докажи! — вскинулся Борис.

— Мне достаточно того, что ты сам это знаешь. У ВАС так быстро не выздоравливают.

— А у ВАС? — спросил Борис, не зная, чем бы еще кольнуть Лжедмитриевну.

— У НАС вообще не болеют, — спокойно сказала Лжедмитриевна.

— Тогда зачем же ты сюда прилетела?

— Я не узнаю тебя, Боря. Откуда в тебе столько недружелюбия? Раньше ты был другим...

Борис понял, что речь идет о мальчишке.

— Он человек, а ты — машина.

— Даю тебе честное слово, что я не машина.

— Так я тебе и поверил.

— А этому ты поверишь?

Лжедмитриевна подняла с берега острый камушек и провела им по предплечью. Показалась кровь.

— Тебе не больно, — заявил Борис.

— Больно. И прошу тебя, не разговаривай со мной таким тоном. Ничего изменить сейчас не можем ни ты, ни я. И называй меня, пожалуйста, на «вы». Иначе ребята не поймут, а объяснить ты не сумеешь. Не сумеешь ни сейчас, ни потом. Это и тебе самому ясно.

Да, это было ясно. Так же как и то, что никакая она не машина. Просто для Бориса было удобней так думать: с машиной можно не церемониться, можно испортить ее, разломать. С живым человеком такого не сделаешь, а если сделаешь, то это уже называется не «разломать», а совсем по-другому.

Пока Борис размышлял на тему о неуязвимости Лжедмитриевны, на берег спустилась Мартышка. Что-то, видно, притягивало ее к Борису. Возможно, строптивость этого парня. Вроде того, как иногда хочется погладить дикое животное: не потому, что самому очень хочется, а потому, что животному этого не хочется.

— Боря, иди завтракать.

— Успею.

— У тебя здесь какие-то дела?

— Никаких.

— Ну, тогда иди. Я жду.

Она ждет! Не они, а персонально она. А кто она такая? Замаскированная под человека змея, как все девчонки. Почему она ждет его? Кто он для нее такой? Никто. Тогда при чем тут — «жду»? Не слишком ли много хитрости, если сам в ней начинаешь путаться?

В мозгу Бориса решалась сейчас несложная задача. Решалась она по двоичному коду: ноль — единица, да — нет, грубить — воздержаться. Грубить оснований не было, бросаться на шею — тоже. И все же витала в воздухе некая искусственность отношений. Нечто такое, что как бы их связывало, хотя на самом деле ничего не связывало.

Как бы нагрубить так, чтобы не нагрубить, но так, чтобы

разорвать невидимую нить биотоков, но так, чтобы к нему больше не приставали? А?

Все это проигралось в голове Бориса в не вполне четком виде, но проигралась неумолимо, ибо, сам не сознавая, он уже вступил в период, когда девочку можно не любить потому, что она тебе нравится.

— Сейчас, — сказал Борис.

С таким же успехом он мог бы сказать «сдаюсь».

Раздача каши уже состоялась. Сегодня была перловая. На сей раз котелок достался «спасателям». Пар у перловки был такой же вкусный, как и у гречи. Об этом совершенно откровенно заявил Веник. Он обходил ребят, присаживаясь около каждого, и гипнотизировал, глядя в рот. Просто совестно было проглотить кусок, не поделившись. При этом Веник ничего не просил и даже иногда отводил в сторону взгляд, притворяясь, что его интересует не пища, а сам процесс еды. Очень уж забавными казались ему хозяева, как они жуют-пережевывают, когда можно просто глотать.

Валентина, которая была главной хозяйкой Веника, ибо она дала ему кличку, заявила, что горячее есть собакам нельзя: от этого они теряют чутье.

— Можно, — с придыханием сказал Веник. Во всяком случае, так следовало понимать его зевок.

— Мы тебе оставим, — пообещала Валентина.

— Лучше не рисковать, — отозвался Веник опусканием левого уха.

— А из чего делают перловку? — спросил Шурик, у которого, как заметил Алексей Палыч, все, что относилось к еде, вызывало удвоенный интерес.

Вопрос застал группу врасплох. Многое знали ребята — о космической технике, о ядерных реакторах, о сверхзвуковых самолетах, некоторые могли объяснить разницу между лазером и разером. Гена знал даже кое-что о синхрофазотроне, но на крупе все споткнулись.

— Из муки? — предположила Мартышка.

— А мука — из хлеба, — сказал Стасик, но ирония его была не более чем самозащитой.

— Гречневая — из гречи, — задумчиво сказал Шурик. — Пшенная — из пшена. А вот манная...

Все снова задумались. Даже Алексей Палыч не мог ничего предложить, хотя у него имелся знакомый директор крупяного завода.

Взгляды обратились к Лжедмитриевне.

— Я этого не учила, — сказала она, и это было чистейшей правдой.

На том все и успокоились. Раз никто не знает, значит, не так это важно. Было бы съедобно.

Теперь каша достаточно остыла, и Веник получил свою долю на куске газеты. Отправив в рот первую порцию, он покосился на Гену.

Кажется, тот не собирался снова лезть к нему в пасть. Тогда Веник решил не торопиться. Сначала он аккуратно выбрал из каши волокна тушенки. Потом спокойно доел кашу и вылизал газету. На закуску он сжевал промаслившуюся часть бумаги. При этом он брезгливо морщился, но все же проглотил газету вместе с информацией.

Поняв, что надеяться больше не на что, Веник отошел в сторону и залег под кустом. Заснул он почти мгновенно, как засыпают собаки, которым нечего опасаться. Вскоре ноги его задергались: ему снился обычный собачий сон — кого-то он догонял или от кого-то удирал.

— Что будем делать, Елена Дмитна? — спросил Стасик.

— Надо как-то переправляться.

— Просто так не переплыть. Только на плотах. А плоты мы не проходили.

— Мы тоже, — сказала Лжедмитриевна.

— Сообразим как-нибудь. Вот только гвоздей у нас нет.

— Плоты на гвоздях не делают, — сказал Гена.

— На один раз можно и на гвоздях.

— Все равно же их нет.

Борис в разговор не вмешивался. Он молча собрал посуду, ложки и отправился мыть. Роль кухонного мужика ему не нравилась, но надо было как-то отрабатывать казенный хлеб.

— Алексей Палыч, — сказал Стасик. — Давайте идею.

— Я тоже никогда не строил плотов. Я могу попытаться... теоретически.

— Пускай теоретически.

— Что ж, — сказал Алексей Палыч, — плот — это в принципе конструкция, способная держаться на воде и нести какой-то груз. Конструкция в наших условиях может быть сделана только из дерева, если учитывать, что она должна обладать положительной плавучестью. Кроме того, она должна быть жесткой — все ее элементы должны быть жестко связаны между собой. Значит, их надо как-то скрепить. Ни одно бревно не имеет права двигаться относительно другого вперед-назад, влево-вправо и вверх-вниз. Если мы решим эту задачу, то построим плот. Но может быть, лучше обойти озеро кругом? Неужели так уж необходимо двигаться напролом?

— Нет, — вмешалась Лжедмитриевна, — условия нарушать нельзя.

— Но вы рискуете больше всех, — простодушно заметил Алексей Палыч. — Вы, единственная из всех нас, не умеете плавать.

Ребята с недоумением уставились на Алексея Палыча. Послышались смешки. Не могла инструктор Елена Дмитриевна, кандидат в мастера спорта, не уметь плавать. Без такого умения у них и простых туристов в поход не выпускали.

— Да ведь я не шучу, — настаивал Алексей Палыч. — Не верите?

Ему никто не ответил. Конечно, они не верили, но никто не хотел спорить с чудаком-теоретиком. За двое суток безропотный и покладистый сотворитель огня успел уже завоевать кое-какие симпатии. Умеет плавать Лжедмитриевна или нет — уплыл этот вопрос в туман, уже поднявшийся высоко над озером.

Теоретическую поэму о плоте и его конструкции не выслушал лишь один человек — Чижик. На середине речи он встал и удалился в лес. Там он что-то разыскивал, хрустя сучьями. На него не обращали внимания, поскольку знали, что Чижик зря ничего не делает. Так оно и вышло. Чижик вернулся с пучком гладких веточек и принялся раскладывать их на земле. Он выложил плотный заборчик из веток потолще, обломал концы там, где они выступали, — получился прямоугольник, похожий на плот. Поперек прямоугольника легли три ветки потоньше. Тыкая пальцем в места, где поперечные ветки пересекались с продольными, он произнес:

— В-веревка, в-веревка, в-веревка... Ясно?

— С-совершенно в-верно, — сказал Алексей Палыч и похолодел от испуга. Сказал он так машинально, без всякого желания передразнивать Чижика. Это получилось как раз оттого, что он слушал очень внимательно и невольно повторил интонацию парнишки.

Чижик по-взрослому хмуро взглянул на него.

— Прости, пожалуйста! — горячо произнес Алексей Палыч. — Это вышло абсолютно случайно! Прошу мне поверить!

Лицо Чижика слегка разгладилось.

— Я з-знаю, — сказал он, — это б-бывает.

Чижик подобрал топорик и пошел в лес.

— Я не нарочно... — еще раз попытался оправдаться Алексей Палыч, обращаясь к ребятам.

— Да мы понимаем, — сказал Стасик. — У нас в классе, когда он урок отвечает, даже учителя иногда начинают заикаться. Шурик, иди помоги Чижику. Сколько у нас еще топоров? Два? Гена, пойдешь со мной. А ты можешь? — вопрос был обращен к вернувшемуся Борису.

— У вас какое в Городе отопление? — спросил Борис.

— Батареи. А что?

— А у нас печное. За зиму восемь кубометров уходит.

— Ну и что?

— Дровами я занимаюсь.

— Молодец, — сказал Стасик. — Будешь у нас главным по дровам. Держи топор.

— Боря, я с тобой, — сказал Алексей Палыч.

Уже уходя Борис услышал очередное распоряжение Стасика:

— Марина, разберешь все веревки, какие есть.

Не понимая, откуда вдруг появилась какая-то Марина, Борис оглянулся.

— Ладно, — сказала Мартышка, — будет сделано, господин генерал.

У затухающего костра остались только Лжедмитриевна и Валентина.

Алексей Палыч и Борис медленно брели по лесу, выискивая подходящее дерево.

— Она догадалась, что я притворялся.

— Как же она реагировала?

— Никак. Сказала, что раньше я был вроде лучше. А я сказал, что расскажу про нее ребятам.

— Ну и что?

— Ноль внимания. Все доказывала мне, что она живая — специально руку расцарапала. Кровь пошла...

— В этом я уже не сомневаюсь, — сказал Алексей Палыч. — Сначала меня удивляла ее пассивность...

— А ребята как будто ничего не замечают. Неужели другая была точно такая же?

— А они не имеют возможности сравнивать. Я сегодня выяснил у Гены: другая занималась с ними подготовкой, но в поход не ходила. Может быть, они думают, что в походе руководитель должен вести себя именно так. И знаешь, что мне пришло в голову, — она вовсе не выглядит плохим руководителем. Со стороны она может показаться руководителем очень хорошим.

— Это почему?

— Мы с тобой знаем ее историю и потому подозреваем ее во всех грехах. А что увидел бы посторонний? А вот что: группа движется вперед, все идет нормально, без особых приключений. Руководитель не старается все сделать сам, не отдает пустяковых распоряжений. Ведь у хорошего руководителя подчиненные сами знают, что делать. Но так все в точности и у нас. Подумай об этом.

— Да вроде бы так, — согласился Борис. — Но я никак не могу забыть, что она ОТТУДА.

— В этом все и дело, — сказал Алексей Палыч. — Все идет нормально, если не считать того, что поход возглавляет инопланетянка и мы не знаем, что она собирается выкинуть.

Подходящее дерево оказалось найти не так просто. Нужно было сухое, не слишком тонкое, не слишком толстое, чтобы можно его было срубить маленьким туристским топориком.

Здесь следует заметить, что, вступив две недели тому назад на путь обмана всего человечества, Алексей Палыч и Борис продолжали

катиться по наклонной. На их счету уже числились: обман, мелкое воровство, симуляция и кое-какие другие проступки. Теперь они докатились до браконьерства.

Лес нельзя рубить. Никакой. Ни живой ни мертвый. Об этом написано на плакатах и щитах, расставленных у лесных опушек. Есть даже объявления в стихах, точнее, в одном стихе, столь часто встречающемся: «Не поднимай на лес руку — он служит тебе, сыну и внуку». Почему лес отказывается служить остальной родне — пока не выяснено. Но сам по себе призыв этот справедлив, и грамотные туристы не должны его нарушать. Именно об этом подумал Алексей Палыч, вонзая топорик в сухой ствол.

Сосна сопротивлялась и после смерти. От удара на Алексея Палыча обрушился дождь из сухой хвои, мелких веточек и даже каких-то букашек. Все, что не уместилось на голове, попало за шиворот и начало царапать шею и спину. Алексей Палыч ударил еще несколько раз, выпрямился и передернул плечами.

— Дайте мне, — сказал Борис. — Вы потом сучья обрубите.

Это не так просто — свалить сухое дерево толщиной в тридцать сантиметров, да еще тупым топориком. Раза четыре сменялись Борис и Алексей Палыч, пока на стволе не образовалось утоньшение, нечто вроде бобрового погрыза. Сосна начала легонько потрескивать.

— Ни одно дерево не может стоять вертикально, — заявил Алексей Палыч. — Давай посмотрим, в какую сторону его валить.

Он отошел немного в сторону и, прищурившись, начал прикидывать.

— Вон туда. А ты отойди в сторону, чтобы не зацепило.

— Да я быстрей вас отскочу.

— Не спорь. Главное не поспешность, а точный расчет. Подержи очки.

Алексей Палыч отошел на несколько шагов, слегка разбежался, вытянул руки вперед и ринулся в атаку. Почему-то в дерево он не уперся. Ладони его скользнули мимо ствола; наклонившись, с протянутыми вперед руками, он пробежал несколько шагов и грохнулся. Любимый ученик смотрел на все это и кашлял от смеха.

— Что смешного? — лежа спросил Алексей Палыч: была у него такая способность — много говорить в критических положениях.

— А вы бы не смеялись?

— Я бы — нет, — поднимаясь и отряхиваясь, сказал Алексей Палыч. — Его нужно не толкать, а раскачивать. Просто я хотел, чтобы первый толчок был сильнее. Дай очки.

Все же сосна наконец покорилась. Она улеглась на землю. Борис принялся обрубать сучья. Алексей Палыч вытряхивал мусор из своих одежд.

Прибежал Веник с инспекторским визитом. Описал возле Алексея Палыча мертвую петлю — видно, еще помнил об утреннем издевательстве.

— Не злись, — сказал ему Алексей Палыч, — для твоей же пользы все делалось. А то бы ходил с крючком в животе.

— Зато и с рыбой — ответил Веник, шаркнул задней ногой, послав в Алексея Палыча заряд лесного мусора, и удалился.

Очистив от сучьев и коры, сосну разрубили на две части. Перенося на берег первую часть, Алексей Палыч продолжил разрушение пиджака: клин из плеча выдрался еще больше и его пришлось отрезать.

Возвращаясь за второй частью, они прошли мимо стоянки. Там, над разбросанными прямо на земле банками, пачками, пакетами с продуктами, в задумчивости стояла Валентина. Веник был уже здесь и хотя еще издали узнал дровосеков, тявкнул на них, чтобы они не подумали, что все это продуктовое богатство находится без охраны.

Алексей Палыч услышал, как Валентина спрашивала Лжедмитриевну:

— А как все это распределять?

— Смотри сама.

— Я разложу по разным рюкзакам.

— Делай, как считаешь нужным.

«Лжедмитриевна в своем репертуаре», — подумал Алексей Палыч.

Он теперь уже не сомневался в том, что Лжедмитриевна не робот. И все же чем-то была она похожа на говорящую куклу: даже в беседах с ним, казалось, была она чем-то ограничена, словно затвердила урок — сколько-то там параграфов, но не более.

Когда каждая пара лесорубов принесла по две половинки, на берегу собрались все. Куски стволов стащили в воду и обвязали веревкой, пока на живую нитку, чтобы попробовать. На воде плот казался хлипким и несерьезным.

— Мало, — сказал Стасик.

Шурик и Гена разделись, легли поперек бревен. Плот выдержал, но почти полностью погрузился.

— Еще с-столько, — сказал Чижик.

Уже подмоченные, Шурик и Гена решили заодно искупаться. Остальных тоже упрашивать не пришлось. Стасик, Чижик и Борис раздевались, Алексей Палыч пока раздумывал. Прибежавший на шум Веник наблюдал, но слишком близко не подходил: с этим местом у него были связаны кое-какие неприятности, а у собак хорошая память.

Шурик отплыл метров на двадцать от берега. Внезапно он замолотил руками по воде и скрылся.

— Тону! — этот крик Алексей Палыч расслышал совершенно отчетливо. Он похолодел и стал раздеваться.

— Вы тоже купаться, Алексей Палыч? — спросил Стасик.
— Плывите туда... я сейчас... — забормотал Алексей Палыч, борясь со своими брюками. — Он же тонет!
— Пускай тонет, — спокойно сказал Стасик.
Наконец Алексей Палыч справился с брюками, но кеды снимать было уже некогда. Так он и бросился в воду — в кедах. В месте падения тощего учительского тела всколыхнулась волна, и из этой волны возник Шурик. Он вдохнул воздух и захохотал. Но смеялся он не долго. Тут же возле него очутились Стасик и Чижик. Стоя на дне, они надавили на голову и плечи Шурика, и тот снова исчез.
— Раз... два... три... — неторопливо считал Стасик, — четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять...
Из-под воды выходили пузыри воздуха. Их становилось все меньше.
— Он же задохнется, — сказал Алексей Палыч.
Стасик кивнул, показывая, что слышит, и начал обратный счет:
— Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!
Шурик ракетой вылетел из-под воды, вынеся на себе облако брызг. Глаза его были вытаращены. Выплюнув полведра воды, он часто задышал, хотел что-то произнести, но не смог выговорить ни слова.
«Да, — подумал Алексей Палыч, — хорошо бы на время вернуться в свое детство, но все-таки не в это мгновение».
Шурик понемногу отдышался, сообщил друзьям, что они «паразиты» и что он искупает их поодиночке. Ему объяснили, что такие шутки хороши дома, в ванне и с мамой, а не в походе, на озере и с товарищами.
— Из-за тебя человек кеды промочил, — добавил Стасик.
— Ничего, — сказал Алексей Палыч, — зато я искупался.
— Нет, — возразил Стасик. — Сейчас вы надевайте его кеды, а он пускай ходит в ваших, пока не высохнут.
— Не нужно. Сейчас не холодно.
— Дело не в этом, Алексей Палыч. Это — в воспитательных целях.
Но Алексей Палыч не хотел ссориться ни с кем из ребят, в том числе и с Шуриком.
— Размер не подойдет, — продолжал сопротивляться Алексей Палыч.
— А мы посмотрим. У вас Генкины? Генка, какой у тебя размер обуви?
— Сорок один, — донеслось с озера.
Стасик вылез из воды, подобрал кеды Шурика и посмотрел на подошву.
— А у него сорок два. Акселерат паршивый!

Шурик и вправду был выше всех в группе. Но Алексей Палыч от его обуви категорически отказался, подумав при этом, что не зря Стасика выбрали заместителем: есть в его характере решительность и справедливость.

Стасик тут же подтвердил это мнение, швырнув кеды Шурика в воду.

— Чтобы никому не обидно, — пояснил он.

К сожалению, в характере Стасика отсутствовало такое важное для руководителя качество, как дипломатичность. К сожалению потому, что это еще аукнется Алексею Палычу. По свойственной всем эгоистам логике, Шурик не умел обижаться на себя и не любил расплачиваться за свои ошибки.

После купания работать стало полегче, но опять же ненадолго. Комарье охотней липло к мокрому телу. Были истрачены остатки мази, но и она помогала плохо.

Вторая порция обрубков была снесена на берег к вечеру. Всем хотелось побыстрей закончить, потому работали без обеда. Протестовал только Шурик. Возможно, его быстро растущие ноги требовали больше калорий.

Уже было ясно, что сегодня переправа не состоится, но плот решили закончить. Его соорудили в два этажа, уложив один слой бревен поперек другого, обвязали веревками. Обвязывал Чижик.

После пробы оказалось, что плот выдерживал троих или двоих с двумя рюкзаками. Решили, что этого достаточно: озеро было шириной метров триста, и за несколько рейсов все переправятся.

Привязав плот к дереву, ребята отправились к стоянке, откуда вместе с дымом уже доносился запах очередной каши.

Чижик пока остался на берегу: ему нужно было еще обтесать два весла, вернее, подобие весел. Алексей Палыч тоже остался. Он считал неудобным на равных со всеми стремиться к каше. Остался и Борис. Втроем закончили обтесывать не так быстро, потому что Чижику пришлось переделывать работу Алексея Палыча и Бориса, а переделывать всегда труднее, чем начинать сначала. Но Чижик их не ругал. У него был на редкость ровный характер. А может быть, так казалось, потому что он все делал молча.

К стоянке все трое вернулись почти в темноте. У костра уже никого не было. Одна Лжедмитриевна сидела в сторонке и смотрела в небо: то ли просто задумалась, то ли советовалась со своим небесным начальством. Лицо у нее было привычное — застывшее, если так можно сказать про лицо с широко открытыми глазами. Словно говорящая кукла увидела что-то необычное в ночном небе...

— З-закончили, — сказал Чижик.

Лжедмитриевна не шелохнулась.

— Гм... — сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна по-прежнему смотрела в небо...

Алексей Палыч слегка встревожился: при всем своем немногословии Лжедмитриевна реагировала обычно мгновенно.

— Алло... — сказал Алексей Палыч первое, что пришло ему на ум.

Лжедмитриевна шевельнулась, тряхнула головой.

— Так вот оно что... — сказала она и посмотрела на подошедших, словно просыпаясь.

— А что? — спросил Алексей Палыч.

— Ничего, — сказала Лжедмитриевна. — Для вас оставили еду в котелке. Чай на костре, он еще не остыл.

О том, что в котелке была еда, она могла бы и не сообщать. Веник, почти упершись в котелок носом, гипнотизировал его и, кажется, о чем-то хотел с ним поговорить.

— Веника покормили, — сказала Лжедмитриевна.

Что-то необычное почудилось Алексею Палычу в ее тоне, какая-то мягкость. Вернее, не мягкость, а отсутствие жесткости. Это было так неожиданно, как если бы она вдруг запела.

— Спасибо, — сказал Алексей Палыч. Ничего другого не пришло ему в голову, а не ответить ему показалось невежливым.

После еды Борис полез в свой чехол. Вскоре он засопел. Алексей Палыч тоже прилег. Ему не спалось. Он лежал и думал о том, что узелок затягивается все туже, просвета никакого нет и не предвидится.

Со стороны Лжедмитриевны донеслись какие-то шорохи, хруст можжевельника. Алексей Палыч повернулся и при неверном свете ночного неба увидел, что Лжедмитриевна тоже не спит. Но этого мало. Она занималась делом довольно странным для такого позднего времени.

Сначала она вытряхнула на землю содержимое чьего-то рюкзака. Затем стала вынимать из других рюкзаков продукты и укладывать их в пустой.

Алексей Палыч приподнялся на локте, Лжедмитриевна повернулась к нему, и... ему стало неловко. Ему не хотелось, чтобы она подумала, что он подглядывает. Хотя, по совести говоря, так оно и было.

— Не спится, — сказал Алексей Палыч.

— Мне тоже, — ответила Лжедмитриевна, и снова слабые признаки какой-то человечности послышались Алексею Палычу в ее голосе.

Разговаривать с ней Алексею Палычу сейчас было не о чем. Не разговаривать казалось почему-то невежливым.

Алексей Палыч молча встал, собрал посуду и направился к озеру. Оно было спокойным, но это было не дневное спокойствие. Озеро жило. Откуда-то с середины доносились всплески; в камыше, ставшем угольно-черным, казалось, кто-то бродил; со всех сторон доносились лягу-

шачьи голоса — они не квакали, что впервые в жизни отметил Алексей Палыч, а пели; с той стороны отчетливо донесся пронзительный птичий крик — жертва кричала или охотник, понять было трудно.

Алексей Палыч присел на край плота. Он смотрел на нежно-зеленый отблеск зари на воде, вслушивался в непонятные ему ночные звуки, и в нем зрела мысль, что в предыдущей своей жизни он был обворован. Он никого не винил — только себя. Теперь он понимал неистовых фанатиков-рыбаков: даже вернувшись без рыбы, они привозили что-то в себе. И быть может, стоит пройти целый маршрут ради одного вот такого вечера у воды. Никто не запрещал Алексею Палычу этого раньше, а начинать сейчас было поздно. А если не поздно? Пускай только все кончится хорошо с походом, и тогда он...

Алексей Палыч собирался уже твердо наметить, какую жизнь он начнет потом, но не успел. Сзади послышались легкие шаги.

— Алексей Палыч, — сказала Лжедмитриевна, — мне нужно с вами поговорить.

Разговор по душам

Лжедмитриевна присела рядом с Алексеем Палычем. Он слегка отодвинулся, но тут же подумал, что это можно понять так, будто он боится. Тогда он придвинулся. Но Лжедмитриевна молчала.

— Слушаю вас, — сказал Алексей Палыч нейтральным голосом.

— Я вижу, что вы постоянно волнуетесь... — начала Лжедмитриевна.

— А вы нет.

— Разумеется. Прежде всего, это состояние мне незнакомо. К сожалению. Эмоции — прекрасное человеческое свойство. Но я пока ими не овладела.

— Но есть надежда?

— Возможно. Это будет мой конец как исследователя. Исследователь должен быть бесстрастным. Если на эксперимент влияет личность, эксперимент загрязняется.

— Все ценное на Земле создано личностями, — сказал Алексей Палыч торжественно, но не слишком уверенно. — А эмоции — основа любого творчества. Впрочем, извините, в теории творчества я не силен. Кажется, основой все-таки является труд. Итак, вы проводите чистый эксперимент. В чем он заключается?

— Точно не знаю. Я наблюдаю. Выводы делают другие.

— Те, которые ТАМ? — Алексей Палыч указал пальцем в небо.

— Сейчас они там, — Лжедмитриевна указала на землю.

— Мало нам небесных пришельцев, теперь еще подземные?!

— Над противоположной стороной Земли тоже небо.

— Извините. Я немного запуган и временами плохо соображаю, — с не-

которым уже раздражением молвил Алексей Палыч. — Но это не моя вина. Какова же все-таки цель эксперимента?

— Вам он ничего не даст. Он нужен нам. Тут я кое-что могу объяснить, но не полностью: я все-таки не машина.

— Это новость! — удивился Алексей Палыч. — У вас что же, машинная цивилизация? Управляют машины, а вы их только смазываете?

Лжедмитриевна слегка улыбнулась.

— Машины лучше информированы. Наши машины не смазываются. Да и вообще они не машины в вашем понимании. Это поля, и мы с ними взаимодействуем. Не требуйте у меня других объяснений, я не сумею вам объяснить.

Но Алексея Палыча заинтересовал сейчас не смысл слов Лжедмитриевны, он обратил внимание на ее гримаску, похожую на улыбку.

— Стоп! — сказал он. — Но вы сейчас улыбнулись. А ведь это — эмоция!

Лжедмитриевна как будто слегка встревожилась. На лице на этот раз никаких изменений не было, изменилась только манера речи.

— Разве я улыбнулась? — быстро спросила она. — Не может быть. Это просто невозможно. Неужели я так быстро заразилась?

— А сейчас вы встревожились. И это — эмоция.

— Ничего подобного, — сказала Лжедмитриевна таким тоном, каким люди произносят заведомую ложь. — Вы о чем-то спрашивали?

— Я спрашивал: какова цель эксперимента?

— Цель... Цель — выход из тупика, в котором мы оказались... но... Алексей Палыч, пойдемте спать, поговорим завтра. Я хотела успокоить вас, но, кажется, сделала что-то неправильно. Хотела с вами поговорить... Но кажется, сейчас я не готова к такому разговору.

— Какому такому?

— Я... не знаю.

Будь на месте Лжедмитриевны другая девица, Алексей Палыч скорее всего ничего бы не заметил. Но в отношении этой, на фоне общей ее железобетонности, глаз его подметил слабо уловимые изменения.

— Нет, — сказал Алексей Палыч, — спать я не хочу. На разговор вы меня вызвали сами. Если, как вы говорили, я имею кое-какие заслуги, то прошу ответить. Это будет только справедливо.

— Справедливо... — повторила Лжедмитриевна. — У вас, у людей, двойственное мышление: хорошо — не хорошо, справедливо — не справедливо... Трудно понять эту двойственность. Хорошо или справедливо то, что разумно. Остального не существует.

— А что разумно?

— То, что рационально.

— Игра словами, — сказал Алексей Палыч. — То, что разумно с одной точки зрения, не разумно с другой. Я помог вам выбраться из

воды. Не сделай я этого, поход бы прекратился. Но прекратить поход было главной моей целью. Следовательно, я поступил нерационально и неразумно. Это с вашей точки зрения. Но иначе поступить я не мог, потому что не могу спокойно смотреть, как тонут. Извините, я не в расчете на благодарность. Просто этот пример известен нам обоим.

— А вот я вам благодарна, — заявила Лжедмитриевна. — То есть я хочу сказать, что это чувство нам не известно... Если бы мы могли испытывать подобные чувства,то не посылали бы к вам исследователей.

— Но вы сказали, что благодарны...

— Я сказала... Но это ничего не значит... То есть значит, но только для меня. Простите, я говорю нелогично. Мне кажется... я... волнуюсь.

— Опять эмоция!

— Не знаю. Я работаю по заданию. Я ищу... Но мне все время что-то мешает, — сказала Лжедмитриевна, и голос ее звучал замедленно, как у поврежденного магнитофона.

— Что вы ищете? — жестко спросил Алексей Палыч, ибо подумал, что именно так и надо разговаривать с магнитофоном.

«Магнитофон», как ни странно, от этого оживился.

— Это я примерно знаю: страх, смелость, доброта, зависть, сочувствие, любовь, неприязнь — это ваши чувства. Для нас они не существуют: они нелогичны. Нам нужно понять нелогичность ваших чувств. Как ни странно, мы в них нуждаемся.

— Они нелогичны для машины. Правда, машины несовершенной. Можно создать машину, наделенную чувствами. Надеюсь, у человечества хватит ума не докатиться до этого, — заметил Алексей Палыч.

— Мы не машины, — сказала Лжедмитриевна. — Мы с ними только взаимодействуем. Мы мыслим самостоятельно. Но уже давно появилась категория мыслителей, которые мыслят над тем, зачем они вообще мыслят. Тупик. Мышление теряет смысл, так как нет цели. У нас нет болезней, наводнений, войн...

— Уж не за войнами ли вы сюда прибыли? — осведомился Алексей Палыч. — Можем поделиться. Забирайте хоть все.

— У нас не хватает эмоций, — ответила Лжедмитриевна. — У нас не умеют ни сердиться, ни радоваться, ни плакать, ни смеяться. Мы живем слишком спокойно. Даже не слишком — абсолютно спокойно.

— За этим вы сюда и пожаловали?

— В принципе — да. Отдельные наши наблюдатели, правда, у вас заражаются, но нужно разработать метод общего заражения.

— Что-то вроде прививки? — сыронизировал Алексей Палыч, но юмором, видно, планета Лжедмитриевны еще не была заражена.

— Нет, — серьезно ответила она, — одновременное воздействие на всех жителей. Чувства должны проявиться у всех сразу, иначе возникнет неравноценность.

— А вы не боитесь последствий? Если все одновременно, так сказать, прозреют... Взрыв эмоций населения целой планеты... Это, пожалуй, опасно.

— Надо попробовать. От порядка мы уже устали. Установление абсолютного порядка и абсолютной равноценности приведет нас к гибели — это доказано. Отсутствие трудностей вовсе не поддерживает жизнь, оно убивает ее.

— Значит, вам нужны беспорядки... — задумчиво сказал Алексей Палыч. — Ну что ж, тут мы бы могли вам помочь. Кое-что у нас есть: бездельники, жулики, пьяницы, просто хулиганы... Почему вам не пригласить к себе сотню — другую? Из добровольцев, конечно.

— Они будут уничтожены порядком. Нужна одновременность. И потом, нам нужны эмоции, а не хулиганы.

— Я пошутил.

— Я поняла. Вы не обижаетесь, что мне не смешно?

— Мне тоже не смешно, — сказал Алексей Палыч. — Но что же мне остается делать? Вы представляете целую планету, я — сам себя. Вы заботитесь о спасении цивилизации, я — о судьбе нескольких детей. Кстати, при чем тут дети? Почему вы выбрали их для наблюдений?

— Выбирала не я. Считается, что детей легче исследовать.

— Почему?

— Они более открыты, чем взрослые.

— Есть взрослые прозрачнее стекла...

— Да, — согласилась Лжедмитриевна, — такие, например, как вы. Но таких мало.

— Гм... — сказал Алексей Палыч, не зная, считать это комплиментом или оскорблением. Решив пропустить мимо ушей космическую оценку своей личности, он продолжал: — И есть дети скрытные, осторожные. Но откуда вы набрались этой премудрости?

— Я здесь не первая.

Наступило молчание. Лягушки угомонились, только одна продолжала ворковать приглушенным голосом. Возможно, ее головастики никак не могли заснуть и она их убаюкивала.

— У вас лягушки есть? — спросил Алексей Палыч.

— Были. Когда началось упорядочение планеты, они исчезли. Так же как и другие животные.

— Как же вы обходитесь без животных? — изумился Алексей Палыч. — Ведь они часть природы.

— Все началось с уничтожения микробов... Потом потянулась цепочка... Если удастся разрушить порядок, животных придется восстанавливать снова. Но где мы возьмем исходных?

— Лягушек мы вам с Борисом наловим, — предложил Алексей Палыч. — Давайте только прекратим поход и вернемся.

— Я не могу отдать приказ прекратить поход. Ребята не согласятся ни с того ни с сего. Не могу же я сказать: так хочет Алексей Палыч.

— Но есть какой-то примерный срок?

— Ориентировочный срок две недели. Если, конечно, критическая ситуация не возникнет до этого.

— Критическая ситуация — это обязательно?

— Желательно.

— Не хотите ли вы сами ее создать?

— Теперь, пожалуй, нет.

— Что значит «теперь»?

Лжедмитриевна промолчала.

— Слушайте, — сказал Алексей Палыч, — вы исследуете земную модель. Но ведете вы себя совсем не по-земному. Наш руководитель принял бы все меры для того, чтобы не было никаких критических ситуаций. В этом его главная задача как руководителя. Вы можете гарантировать, что с ними ничего не случится?

— Теперь могу.

— Вы во второй раз говорите «теперь». Разве что-то изменилось?

И на этот раз Лжедмитриевна промолчала.

— Тогда вот что, — заявил Алексей Палыч. — Я хочу вас предупредить. И ТЕХ, кто нас сейчас слышит. Я собираюсь применить силу.

Мне не нравятся эти самые ситуации. Мы с Борисом вас просто свяжем и заставим ребят свернуть по первой встречной дороге. Мне еще не приходилось выкручивать руки женщинам, тем более — инопланетным, но я уже к этому готов.

Лжедмитриевна выслушала эту речь совершенно спокойно.

— Не думайте, что я так уж беззащитна, — сказала она.

— Лучи с неба? — саркастически спросил Алексей Палыч.

— Нет. То, что я не умею плавать, — просчет. Об этом забыли потому, что у нас вода под землей. Но кое-что я умею.

— Например, терять нужные карты, — подсказал Алексей Палыч.

«Намека» Лжедмитриевна не поняла или не захотела понять.

— Хорошо, — сказала она, поднимаясь, — вы можете столкнуть этот плот в воду?

— Какое отношение... — начал было Алексей Палыч, но его прервали.

— Никакого. Это к вопросу о моей беззащитности.

Алексей Палыч с сомнением посмотрел на плот, вытащенный на берег наполовину. Затаскивали его всей компанией. Внутренний голос говорил ему, что попытка бессмысленна. Тот же голос, с противоречивостью, свойственной всем внутренним голосам, советовал попробовать.

Алексей Палыч зачем-то откашлялся. Затем зашел с кормы, присел на корточки и просунул ладони под веревки. Резкий рывок. Резкая боль в кистях. Ближайшая лягушка тихонько хихикнула.

«Нужно постепенно, — подумал Алексей Палыч. — Резкий рывок увеличивает инерцию».

Поехали постепенно. И дело как будто пошло. Наметилось какое-то движение вверх. Поддавался плот, совершенно очевидно поддавался! Если раньше коленки Алексея Палыча были на уровне верхних бревен, то теперь они переместились к нижним. Соревнование было почти уже выиграно, но в спине что-то хрустнуло, и Алексей Палыч выпрямился. Почувствовав в ногах некоторое стеснение, он глянул вниз и обнаружил, что голени ноги до половины ушли в мокрый песок. Алексей Палыч не учел принципа относительности движения и не заметил, что перемещался не плот, а он сам.

Песок неохотно выпустил ноги, промокшие сегодня уже во второй раз.

Лжедмитриевна, бесстрастно наблюдавшая за этой борьбой, подошла к плоту. Она легко приподняла край, столкнула плот в воду и тут же вытащила обратно.

— Не так уж просто будет меня связать, — сказала она.

— Я вижу, — согласился Алексей Палыч. — Я забыл, что вы кандидат в мастера спорта. Случайно, не по штанге?

Но сарказмы отлетали от «мадам», как шарики от ракетки.

— Алексей Палыч, — сказала она, — не нужно меня связывать. Вы только поставите себя в неловкое положение. Дело не в том, кто кого сильнее. Хотите, я даже не буду сопротивляться? Но посудите сами — группа идет в поход с руководителем, которого она хорошо знает...

— Очень хорошо... — язвительно заметил Алексей Палыч, присаживаясь на колоду, развязывая шнурки и стаскивая кеды.

— Так ребята, во всяком случае, думают. По дороге к ним присоединяются двое незнакомых. Они пытаются помешать походу и нападают на руководителя. Да еще хотят заставить куда-то свернуть и нарушить девиз. На чьей стороне будут ребята? Или их вы тоже будете связывать?

— Отстаньте вы от меня! — сказал Алексей Палыч, вытряхивая песок из обуви.

— Мне кажется, я объяснила логично.

— И рационально, а также разумно, — заметил Алексей Палыч, стаскивая промокшие носки. Несмотря на теплую воду, песок был холодным, и песчинки неприятно терли озябшую кожу.

Лжедмитриевна, словно Алексей Палыч был ей что-то должен, снова присела рядом с ним и спросила как ни в чем не бывало:

— Алексей Палыч, мне кажется, что вы сейчас сердитесь. Скажите, что вы при этом испытываете? Это неприятное состояние?

— Я не кролик! Нечего меня исследовать! — заявил Алексей Палыч. — Да и вообще — зачем вы пришли на берег? Я вас не звал.

— Я хотела вас успокоить.

— Вам же нужны эмоции...

— Мне кажется, что вы испытываете сейчас неприятное состояние. Это отрицательная эмоция? Как сделать ее положительной?

— С чего это вы вдруг стали обо мне беспокоиться?

— Мне кажется, что я должна это сделать.

— У нас есть поговорка: если кажется — перекрестись.

— Это как?

Алексей Палыч показал. Лжедмитриевна повторила.

— Помогло? — спросила она.

Алексей Палыч, хоть и продолжал потихоньку кипеть, не мог не улыбнуться.

— Помогло! — обрадовалась Лжедмитриевна.

— Идемте спать, — сказал Алексей Палыч.

Когда Алексей Палыч вернулся на стоянку, небо над головой уже начало заметно светлеть. Понимая, что сегодня вряд ли удастся заснуть, он все же залез в чехол и начал елозить ногами, пытаясь согреть одну ступню о другую.

Переправа

Утром разбудил всех Веник.

Он носился между палатками и лаял негодующе, с подвыванием, словно жаловался. Собрав достаточное количество зрителей, он храбро отбежал метров на двадцать от стоянки и взвыл.

Весь этот гнев был обращен против лосихи. Она стояла неподалеку от палаток, нюхала воздух и спокойно слушала собачью ругань. А Веник бушевал. Чувства, самые разнообразные, в нем не умещались: он побаивался крупного зверя, но притворялся хр-р-рабрецом; ему одновременно хотелось и броситься в атаку и укрыться за хозяйскими спинами. Но главным чувством, которое им сейчас владело, была ревность. Больше всего Веник боялся, чтобы хозяева не приняли этого зверя в свою компанию: он прекрасно понимал, сколько каши может съесть такое чудовище.

Валентина достала кусочек печенья и медленно двинулась к лосихе с протянутой рукой. Веник прямо-таки взорвался от возмущения. Теперь он лаял поочередно то на лосиху, то на Валентину и даже подпрыгнул, пытаясь выхватить печенье. Сделал он это, конечно, не из жадности, а просто в воспитательных целях.

Лосиха запрядала ушами, с отвращением потрясла головой: шумная компания ей надоела. Она развернулась и плавной рысью удалилась в сторону леса. Веник преследовал ее, держась на разумном расстоянии.

Далеко в лес он не пошел и скоро вернулся. Совершив возле рюкзака с продуктами круг победителя, Веник лизнул его и улегся рядом.

— У лося самое вкусное — язык и губы, — сообщил Шурик.

— А ты ел?
— Читал.
— Молодец, — сказал Стасик. — Когда продукты кончатся, будешь нам рассказывать вместо обеда. Елена Дмитна, после завтрака переправляемся?
— У тебя есть другие предложения?
— Нет.
— Тогда не спрашивай.
— Я в смысле переправы. Кто первый, кто последний...
— Решайте.
Стасик вздохнул. Ему не хотелось слишком много командовать. Могла бы и руководительница немного поруководить. Но видно, таков был ее стиль — полная самостоятельность.
После завтрака, мытья посуды и сборов начали составлять экипажи. Всем хотелось попасть в первый рейс. По этому поводу немного пошумели, но Стасик заявил:
— Вот что, дети мои. Так не пойдет. Вы сами выбрали меня, даже тайным голосованием...
— Все шесть голосов... — подтвердил Шурик. — Не такое уж и тайное это голосование.
— Можешь не намекать. Если я согласен быть заместителем, то почему я должен голосовать против себя?
— Логично, — сказала Лжедмитриевна.
— Я тоже так думаю, — согласился Стасик. — Если я не подхожу, то назначайте любого другого. Но в таких делах, как на корабле, командовать должен один человек.
— Ты, — сказал Шурик, но в тоне его чувствовалось сопротивление.
— Хочешь, чтобы ты? — спросил Стасик.
— Не хочу, я малограмотный.
— Тогда временно заткнись. Кто у нас плохо плавает? — Взгляд Стасика откровенно уперся в Алексея Палыча.
— В каком смысле? — спросил Алексей Палыч.
— Ну, с середины вы доплывете?
— А зачем?
— На всякий случай.
— Давайте лучше без случаев. Пускай помедленней, но осторожнее.
— Вы что, боитесь, Алексей Палыч?
— Не за себя.
— Тогда все в порядке, — сказал Стасик. — Остальные плавать умеют, водоворотов нет, шторма — тоже, вода теплая. Переворачиваться не обязательно.

— В-в-ветерок... — сказал Чижик.

— Встречный. Легче будет гнать плот обратно. Первыми поплывут: я, Шурик и Чижик. Заберем два рюкзака. Чижик пригонит плот обратно. Кто у нас самый толстый? Валентина? Поплывешь вторым рейсом с Чижиком и Геной: они самые тощие.

— Почему это я толстая! — возмутилась Валентина.

— Не знаю, — отрезал Стасик, — спроси у мамы.

— Нахал!

— Оскорбление при исполнении... — сказал Стасик.

За Валентину вступилась Мартышка: все-таки они были из одной стаи и принадлежали к лучшей половине человечества.

— Ты сам оскорбляешь, — сказала она. — Взялся командовать — командуй без глупых шуток.

Но, как было сказано, Стасика не зря выбрали заместителем. Он и сам уже понял, что заехал не туда и минута для шуток выбрана не самая подходящая.

— Приношу глубокие извинения, — сказал он. — С искренним уважением... Значит, Валентина переправляется с Геной и Чижиком. Плот обратно перегоняет Гена. Он забирает Алексея Палыча и Бориса. Борис, ты сможешь перегнать плот?

— Смогу.

— Гут, как говорят у нас в Японии. Борис забирает Елену Дмитриевну, Март... прошу прощения, Марину, Веника и остальное барахло. При переправе верхнюю одежду всем снять, нижнюю оставить. Кто против, прошу поднять руки.

Ребята принялись переносить имущество к плоту.

— А почему у меня такой тяжелый рюкзак? — застонала Валентина. — Шурик, ты камней наложил? Опять твои дурацкие шутки?

— Почему — я? — обиделся Шурик.

— Потому, что на сборе — ты.

— Это я, — сказала Лжедмитриевна. — Я решила переложить все продукты в один рюкзак. Валентине будет легче контролировать расход. Но понесу рюкзак я. Есть возражения?

Возражений не было.

Сегодня на озере дул ветерок. Легкая волна чмокала о бревна плота. Расстояние до противоположного берега за ночь слегка увеличилось — так показалось Алексею Палычу. Предстоящей переправы он особенно не опасался: плот был сделан надежно, да и ребята выглядели уверенно. Если кому и надо было волноваться, то это Лжедмитриевне. Но по виду ее понять ничего было нельзя — спокойная, как обычно, сдержанная, как всегда. Было в ней все-таки что-то от машины. Даже глаза, довольно красивые с человеческой точки зрения глаза, смотрели сейчас пристально и бесстрастно, словно два объектива.

«Неужели они ничего не замечают?» — подумал он про ребят.

Нет, ничего они не замечали. Для них Лжедмитриевна была такой, какой они ее видели, а не такой, какой ее знали Борис и Алексей Палыч.

Подошел Борис.

— Алексей Палыч, я с ней поплыву... Столкнуть ее, что ли?

— Как бы она тебя не столкнула, — сказал Алексей Палыч, вспомнив вечерние упражнения возле плота. — Да и за что ее топить?

— Как за что?!

— Да вот так. Объясни мне толком, что она такого сделала?

— А мазь?..

— Не доказано.

— Спички...

— Не доказано.

— Карта...

— Все это только предположения. Мы никак не можем избавиться от того, что знаем о ней. А ты попробуй взглянуть со стороны. Поход проходит нормально. Все сыты, здоровы, обуты, одеты. Даже нас с тобой приняли в компанию, хотя мы им совсем ни к чему. Переправа через озеро... Ну что ж, не такое это страшное событие, для ребят — даже интересно. Но если забыть обо всем этом... Ты бы смог смотреть, как она тонет? Она ведь живая!

— Я и не собирался ее топить по-настоящему. Просто я думаю: если начнет тонуть, ее «отзовут»...

— Я в этом не уверен, — вздохнул Алексей Палыч. — Другой метод... Видно, Боря, нам с тобой терпеть до конца. Только не знаю, когда и каким будет этот конец. Пойдем, поможем столкнуть плот.

Когда первая тройка уселась на плот и их оттолкнули от берега, оказалось, что волна, хоть и мелкая, заплескивает плот брызгами. Пришлось вернуться. Нарубили лапника, настлали, чтобы рюкзаки и одежда лежали повыше. О себе ребята уже не думали: все равно быть мокрыми.

Взяв по одному веслу, Стасик и Чижик гребли с обоих бортов. Встать было нельзя, гребли сидя. Плот удалялся от берега медленно. Шурик, на которого брызги попадали еще и с весел, сидел, обхватив голые плечи руками, и «продавал дрожжи» несмотря на ярко светившее солнце.

Алексей Палыч видел, как уменьшаются постепенно фигурки ребят, словно растворяются в озере. Сейчас затея с переправой уже не казалась ему такой безопасной.

— Надо было взять с собой надувные пояса, — сказал он, глядя между Борисом и Лжедмитриевной.

«Мадам» не откликнулась. Алексей Палыч мысленно сплюнул: совет был столь же мудр, сколь и бесполезен.

— Боря, — сказала Марина-Мартышка, — мы с тобой переправляемся вместе. Если я упаду в воду, ты меня будешь спасать?

— А ты меня?

— Буду, если попросишь. Но ведь всегда мальчики спасают девочек.

— Где это написано?

— Нигде. И так ясно.

— Мне не ясно. Ты меня не спасай, лучше сама спасайся. Я как-нибудь доплыву.

— А если у меня будет судорога?

Борис вздохнул вздохом совсем не детским. Но Мартышка вовсе не обиделась на Борисову холодность. Наоборот, она была довольна. На сей раз разговор с Борисом получился чудовищно длинным, и в этом заключалась ее очередная победа.

Труднее всего оказалось перегонять плот обратно. Чижик греб один, и ему приходилось все время переносить весло с борта на борт. После нескольких гребков с одной стороны плот начинало разворачивать, и его постоянно приходилось утихомиривать. Если бы не попутный ветер, то справиться одному было бы невозможно.

Плот уткнулся в песок возле берега.

— Ну как там? — спросил Алексей Палыч, отмечая про себя, что этот вопрос должна была бы задать Лжедмитриевна.

— П-п-порядок... — отозвался Чижик.

На плот положили еще два рюкзака. Валентина, Гена и Чижик отплыли.

Веник, видя, как постепенно, но неотвратимо уменьшается число хозяев, начал тревожиться. Он шастал по берегу, обнюхивал следы ушедших и, вытянув морду, ловил запахи с озера. Те, кто полагают, что собаки не умеют считать, напрасно так полагают. Собаки складывают не безликие числа, а запахи. Так же они и вычитают. Веник, например, абсолютно точно установил, что на пять родных запахов стало меньше, и прекрасно понял, куда они удалились. Он даже зашел по свои четыре колена в воду и тявкнул неодобрительно. Затем, вспомнив кое-что, вернулся на берег, подошел к Лжедмитриевне и обнюхал лежавший у ее ног рюкзак с продуктами. Убедившись, что главный запах пока не уплыл, Веник улегся возле него, и вид его, крайне решительный, недвусмысленно говорил: «Только через мой труп»...

Алексей Палыч и Борис отправились третьим рейсом вместе с Геной.

Борис и Гена гребли, Алексей Палыч сидел пассажиром. Вода хлюпала между бревнами, даже сквозь подстилку чувствовалось, как

они шевелились. Алексей Палыч смотрел на удаляющийся берег, на уменьшающиеся фигуры Лжедмитриевны и Марины. Он очень ясно представлял сейчас себя — торчащее над водой полураздетое существо с заросшим подбородком и тощей грудью. Очки в этой ситуации его никак не украшали, а, наоборот, делали еще более нелепым и неуместным.

Алексей Палыч представил себе, что его в данную минуту видит жена или кто-нибудь из кулеминских знакомых, и поежился. Они бы его не признали: положительный и скромный, деликатный и аккуратный, известный всему Кулеминску учитель болтался в жалком виде на жалком плоту, словно потерпевший кораблекрушение или еще похуже того.

Лжедмитриевна и Марина стали совсем маленькими, а Веник, тот вообще слился с берегом.

«Вот в чем выход! — подумал Алексей Палыч. — Нужно было забрать Марину, а Лжедмитриевну оставить. И никаких насилий и утоплений... Хотя нет, за ней все равно бы вернулись... Господи, чем же занята моя голова! В школе идут экзамены... директор волнуется... жена беспокоится. Мать Бориса уже, наверное, скандалит в моем доме, получив телеграмму... Чего ради? Ради этих ребят? Да, пожалуй, в этом и только в этом наше оправдание. Перед кем оправдаться — найдется, а вот чем?..»

Плот уткнулся в берег. Гена соскочил.

Алексей Палыч тоже хотел спрыгнуть бодро, по-спортивному, но в очередной раз ощутил, что сорок пять — это не пятнадцать. Он сидел на полусогнутых ногах, они затекли и распрямляться не слишком торопились.

— Алексей Палыч, давайте «пушку», сейчас мы вас отогреем! — крикнул Стасик.

— А почему, собственно, меня? — спросил Алексей Палыч, хрустя коленками. — Я как все. Мне не нужно никаких привилегий.

— Ну, все и погреются, — тактично заметил Стасик. — Борис, гони плот обратно. Да не забудьте Веника.

Не очень-то хотелось Борису перевозить своего врага и липучую Мартышку, но возражать он не стал: дело есть дело, а переживания его никому не интересны. Да и опять же — не объяснишь эти переживания, такая уж пошла полоса жизни.

Все же разговаривать с Лжедмитриевной он не был обязан.

— Я тоже буду грести? — спросила Мартышка. — Или Елена Дмитриевна?

— Бери весло.

— Какой ты суровый, Боря, — протянула Мартышка. — Просто настоящий капитан.

Уважения в ее словах было ноль целых и ноль десятых. У девочек, которым перевалило за шестнадцать, это называется кокетством. Марине еще не перевалило, но кокетничать она умела уже с семи.

Лжедмитриевна была все так же бесстрастна, как судья. Не спортивный судья, разумеется, а тот, который присуждает кого-нибудь к чему-нибудь.

Веник, решив, что его бросают, зарыдал. Собаки тоже умеют плакать. Некоторые собаки, как и некоторые люди, делают это молча. Но Веник был не из таких.

— Ай-ай-ай... — причитал он, — ай-ай...

В его голосе было столько обиды и жалости к самому себе, что никакого перевода не требовалось. Когда Лжедмитриевна перенесла на плот рюкзак с продуктами, вопли Веника стали еще тоньше, пока не перешли в область ультразвука. Теперь он кричал неслышимым криком, только нижняя его челюсть мелко дрожала.

— Веничек, — сказала Мартышка, уже и сама готовая пустить слезу, — неужели ты думаешь, что мы тебя бросим? Иди ко мне.

Веник заметался у края воды, шагнул вперед, покачался, примериваясь, и прыгнул на плот. Для собаки это был храбрый поступок. Примерно такой же, как для человека, впервые прыгнувшего с парашютом.

Когда все уселись, а Веник улегся на куртке Мартышки, Борис оттолкнулся веслом от берега.

Мартышка гребла довольно сносно, если не считать того, что весло часто выворачивалось в ее руках и поливало пассажиров прохладной водой. Лжедмитриевна принимала это с обычным своим спокойствием. Борис негодовал, но молчал, понимая, что сейчас ничего не исправишь.

Они уже доплыли до половины озера, уже хорошо различали ребят и Алексея Палыча, стоящих на берегу. Даже Веник поднял морду и начал нюхать ветер, почуяв что-то знакомое...

Волны чмокали возле носа плота; весла расплескивали воду; все это были постоянные и привычные звуки...

И вдруг Борис услышал посторонний шумный всплеск, будто кто-то плюхнулся в воду. Он повернул голову и увидел, что это не кто-то, а что-то.

Он еще успел увидеть зеленый бок рюкзака, никель пряжек, строчки на лямках — все отпечаталось в его глазах с необычной четкостью. Рюкзак погружался, не торопясь, но неуклонно, неотвратимо.

Это был рюкзак с продуктами.

Говорят, что в критическом состоянии организм человека как бы взрывается изнутри — быстрее начинает двигаться кровь, мышцы на время приобретают необычную силу, легче переносится боль; но глав-

ное — ускоряется мысль, решения принимаются почти мгновенно. Организм выбрасывает наружу резервы, скрытые в его кладовых. Так, например, рождаются рекорды, подвиги.

Борис ни о чем не успел подумать, как очутился в воде.

Перед этим он смог заметить, что Лжедмитриевна сидит в позе истукана и провожает тонущий рюкзак своим рыбьим взглядом. Увидел округлившиеся глаза Мартышки и рот, открытый для того, чтобы что-то сказать. Успел осознать — не подумать, не рассудить, не рассчитать,—что перебежать на другой борт нельзя: плот может сильно накрениться и тогда с него посыплется в воду и все остальное. Весь этот всплеск информации и решение длились меньше секунды.

Борис резко наклонился вбок и свалился в воду. Он нырнул под плот и разлепил веки. Пресная вода резанула по глазам, но он все же заметил зеленоватое расплывчатое пятно и пузырьки воздуха, струившиеся от него. Пятно удалялось и тускнело: вода в озере была коричневатой.

Борис изо всех сил заработал ногами, по-собачьи подгребая под живот ладонями. Ему удалось догнать рюкзак, и пальцы его вцепились в какой-то ремень. Он развернулся ногами вверх и попытался всплыть. В ту же сукунду у него зашумело в голове, словно заработал насос. Нестерпимо захотелось вздохнуть хоть один раз.

Рюкзак идти наверх не хотел. Правда, вниз он тоже не опускал-

ся — борьба между ним и Борисом шла на одном уровне. Но в отличие от Бориса, ему не нужно было дышать.

Перед закрытыми глазами возникли искрящиеся шарики — это был последний сигнал, и Борис его понял. Он разжал руки и заболтал непомерно тяжелыми ногами в последнем усилии. Он поднимался медленно, бесконечно долго, почти всю жизнь. Если бы ему сказали, что с момента падения рюкзака и до появления его очумелой головы на поверхности прошло всего девятнадцать секунд, он бы не поверил.

Когда круги перед глазами исчезли, а звон в ушах прекратился, Борис обнаружил, что Мартышки на плоту нет. Она болталась в воде возле плота, придерживаясь за него руками.

— Я ду...ма...ла... ты упал... — сказала Мартышка, дыша так же часто и отрывисто, как Борис.

Она часто моргала, и то, что текло по ее щекам, было очень похоже на слезы.

Веника на плоту тоже не было. Когда рюкзак, а за ним Борис и Мартышка плюхнулись в воду, Веник решил, что это уже слишком. Он прыгнул вслед за ними, но тут же раскаялся: ноги его болтались в воде, не ощущая привычной опоры, и он чувствовал себя беспомощным. Как и все собаки, плавать он умел от рождения, но это открытие ничуть его не обрадовало. Он и сам не знал, зачем прыгнул в эту жидкую, мокрую и холодную воду.

На поверхности от Веника оставались только кусочек хвоста и голова с ушами, торчащими словно малярные кисти. Увидев Бориса, он подплыл к нему и попытался на него взобраться, положив передние ноги на его плечи. Впрочем, можно было подумать, что Веник приступил к спасательной операции.

Стряхнув собаку, Борис уцепился за плот рядом с Мартышкой.

— Упустил... — сообщил он. — Чуть бы пораньше...

— Ты нарочно нырнул?

— Неужели нечаянно...

— Что же теперь делать?

— Будем помирать.

Лжедмитриевна протянула Борису руку.

— Влезай. Я тебе помогу.

Борис презрительно фыркнул в воду, нырнул под плот и вынырнул с другой стороны.

За время всей этой возни их снесло назад. Упущенные весла болтались недалеко от плота: их сносило медленнее. Борис поплыл за ними.

На том берегу все это видели, хотя и не понимали, в чем дело. К плоту уже плыли трое. Когда Борис прибуксировал весла, можно было различить Стасика, Гену и Чижика.

Борис закииул весла иа плот.

— Давай влезать одиовремеиио, — сказал он Мартышке. — По счету три. Раз...

Борис и Мартышка с противоположиых бортов, дрыгая ногами, втянули иа плот по половиике туловища. Веник заскулил. Он не то чтобы твердо решил, что его бросают: это было бы стопроцеитным предательством в таком положеиии, — он просто напомииал, что есть иа свете такая собака Веиик, которой не хотелось бы оставаться одной среди такого обширного и такого мокрого пространства.

Мартышка помогла Веиику взобраться иа бревиа. Ои тут же отряхнулся. Когда Веник вытряхивал последнюю мелкую водяиую пыль, около него возникло радужное облако. Лжедмитриевна получила свою порцию душа. Ее это не огорчило, а Бориса не порадовало, что непременно произошло бы в другой обстановке: сейчас было не до мелкой мести.

Подплывшие ребята окружили плот, ухватились за иего.

— Вы что тут кувыркаетесь? — спросил Стасик.

— Рюкзак упал, — сообщила Мартышка.

— Какой?

— С продуктами.

— Поймали?

Вопрос был излишним: все видели, что на плоту оставался только один рюкзак. Одиако для подобного разбирательства место было ие совсем подходящим. Плот продолжало сносить. Борис и Мартышка начали понемногу синеть, кожа их покрылась пупырышами. И только Лжедмитриевиа сидела неподвижно. Правда, на ребят она не смотрела, и можио было подумать, что она тоже переживает.

Приплывшим было пока не до переживаний: оии устали, да и переживать, иаходясь по горло в воде, не очень удобно.

— Гребите, — сказал Стасик, — мы вас будем подталкивать.

Прежде чем Мартышка взяла весло, его иеожидаиио перехватила Лжедмитриевна. Совесть ее, что ли, заела или что-то другое — Борис не понял. Но, как и обычно, ничего хорошего из этого не получилось. Лжедмитриевиа гребла, а неподвижная Мартышка мерзла все больше.

— Возьми весло, — сквозь зубы сказал Борис, увидев, как Мартышка потирает озябшие руки.

— Елена Дмитриевна, давайте я погребу, — попросила Мартышка.

— Замерзла?

— Ага.

— Накинь на себя что-нибудь.

Эта иеожидаииая заботливость возмутила Бориса.

— Я тебе говорю: возьми весло! — заорал он. Взрыв этот относился не к Мартышке, но она не поияла.

— Не кричи, — сказала она. — Ты еще молод на меня кричать.

Мартышка была старше Бориса примерно на полгода. Откуда она об этом знала — одному богу известно. Наверное, просто знала, и все. В другое время он бы возмутился. Он и сейчас слегка возмутился, но очень вяло. Все-таки Мартышка брякнулась с плота не зачем-нибудь, а для его же спасения. Конечно, спасти она никого не могла, но ведь хотела...

— Я не на тебя кричу, — пояснил Борис.

Мартышка снова не поняла. Обычно девочки гораздо лучше чувствуют психологические зигзаги. Мартышка не была исключением. Но в данную минуту ее интуиция находилась в замороженном состоянии.

— А на кого? — спросила она.

Вопрос остался без ответа. Лжедмитриевна внимательно взглянула на Бориса и передала Мартышке весло.

— Вы чего там ругаетесь? — спросили из воды. — Гребите сильней, мы замерзли.

— Плывите на берег, мы догребем, — посоветовал Борис.

— Точно?

— Точно.

Ребята отпустили плот и поплыли к берегу.

Тем временем Алексей Палыч нервно расхаживал вдоль кромки воды, то снимая, то надевая очки. Он постоянно справлялся у Шурика.

— Что там сейчас?

— Доплыли.

— А сейчас?

— Мартышка и ваш дружок залезли на плот.

— А сейчас?

— Плывут сюда.

— Никак не пойму: что там могло случиться?

— А ничего не случилось, раз не кричат. Может, просто решили искупаться на середине.

— Это по меньшей мере странно, — сказал Алексей Палыч.

— А вы-то что волнуетесь? Не вам отвечать.

— Странно ты рассуждаешь. За поход я не отвечаю, но есть еще такое понятие, как человеческая ответственность. Разве это не ясно?

— Все ясно. Только не стоит из-за ерунды шум поднимать.

Что-то в ответах Шурика не нравилось Алексею Палычу. Повинуясь нечетким еще своим мыслям, он неожиданно спросил:

— А почему ты не поплыл?

— Надо кому-то на берегу остаться... А почему вы не поплыли?

— Я об этом жалею.

— Ну вот, видите...

— Что я вижу?

— Что тоже не поплыли, — сказал Шурик. — Давайте костер разведем побольше. Сейчас приплывут — жрать захотят со страшной силой.

Последняя реплика не прошла мимо ушей Валентины, сидевшей подле костра.

— Скажи лучше, что сам хочешь.

— Ну и хочу. Ну и что? Нельзя?

— Не заработал еще.

— Не меньше тебя несу, — сказал Шурик. — Не больше тебя ем. Возражения есть?

— Хватит вам ссориться, — попросил Алексей Палыч.

— А мы и не ссоримся, — сказал Шурик. — Вполне нормальный разговор. Когда начнем ссориться, вы сразу поймете. Я вот, например, имею на вас зуб за кеды, но молчу: такой уговор — в походе ничего не выяснять.

— Мне кажется, что ты уже выясняешь? — сказал Алексей Палыч, стараясь придать своим словам форму деликатного вопроса. Он даже предоставил Шурику возможность для почетного отступления. — Или мне показалось?

Шурик возможностью воспользовался.

— Показалось. Все это — семечки.

Но Алексей Палыч, не чувствуя себя виноватым, все же понял, что Шурик не из тех, кто легко прощает обиды — как реальные, так и выдуманные.

Когда плот пристал к берегу, ребята собрались у костра. В суматохе тяжесть потери оценили не сразу, но постепенно до всех дошло, что это означает конец похода.

— Как это получилось? — спросил Стасик.

— Я не видел. Услышал, как плеснуло... только тогда...

— А ты?

— И я не видела, — сказала Марина. — Видела, как Боря нырнул. Я думала, он свалился.

— Может, плот сильно наклонили?

— Не наклоняли. Плыли спокойно. Мы ничего... мы не виноваты.

— Но ведь кто-то виноват? — заявил Шурик. — Так не бывает, чтобы никто не виноват.

— Мы гребли... — сказал Борис и кивнул в сторону Лжедмитриевны. — Она сидела... Она все видела.

Лжедмитриевна молчала, и на сей раз молчание ее было непонятно всей группе.

— Самый ценный рюкзак, — сказал Стасик. — Пускай бы любой другой. Я, конечно, тоже виноват. Но и вы могли сообразить — привязать!

— Любой другой сразу бы не утонул, — сказал Шурик. — А в этот, как нарочно, все банки напихали.

«А он нечаянно попал в точку, — подумал Алексей Палыч. — Не «как нарочно», а просто нарочно... Она сама уложила... А ведь по логике, при переправе самое ценное надо разделить, а не складывать в одно место».

Алексей Палыч понимал, что Лжедмитриевне придется прекратить поход и, значит, цель его будет достигнута. Но нельзя сказать, что он очень радовался в эту минуту. Он видел расстроенные лица ребят, их растерянность. Ребят было жалко. Алексей Палыч слегка раздваивался. Если была бы такая возможность, он сам сейчас нырнул бы за рюкзаком. Это лишний раз доказывает, что Алексей Палыч не был человеком железной воли, не умел идти к цели по прямой, что вообще-то не так и плохо, ибо люди, идущие к цели прямолинейно, не всегда смотрят, кто попадается им под ноги.

Ребята не решались обвинить Лжедмитриевну вслух. Они молчали. Молчание затягивалось, и становилось ясно, что на сей раз одним словом ей не отделаться.

Шурик продолжал затягивать петлю.

— Кто укладывал рюкзак на плот?

— Елена Дмитриевна, — сказала Марина.

Алексей Палыч, видевший уже на горизонте станцию, электричку и благополучное возвращение в Город, попытался смягчить обстановку.

— По-моему, — сказал он, — в данной ситуации это не имеет особого значения. Произошел несчастный случай. Нужно искать выход.

Ему никто не ответил. Молчание становилось уже совершенно невыносимым, оно грохотало в ушах сильней барабанов.

Лжедмитриевна подняла голову и сказала:

— Рюкзак задела я. Привязать просто не догадалась: я никогда раньше не плавала на плотах.

Алексей Палыч подумал, что все сказанное было правдой на сто процентов, если не считать слова «задела». Задеть и столкнуть — понятия разные.

Как ни странно, признание Лжедмитриевны вызвало некоторое облегчение. Возможно, никому из ребят не хотелось произносить слова, которые напрашивались сами собой.

— Что делать дальше, будем решать коллективно, — сказала Лжедмитриевна.

— Сейчас бы хорошо коллективно поесть, — сказал Шурик.

— Хорошо, — сказала Лжедмитриевна, — давайте обыщем рюкзаки — у кого что осталось.

Ребята, словно обрадовавшись, что закончился этот тягостный разговор, бросились потрошить рюкзаки. Добыча оказалась невелика:

полбуханки черствого хлеба,
восемь печенин,
семь конфет «Старт»,
банка сгущенки,
начатая пачка чая,
лавровый лист и перец, взятые Геной для ухи.

Каждую вещь перетрясли несколько раз и набрали еще две пригоршни крупы пополам с мусором. Алексей Палыч и Борис, разумеется, ничего не могли внести, кроме идей.

Выходить было уже поздно. Сегодня решили дальше не двигаться, а хорошо все обдумать. Борис преложил поискать грибов: по его расчетам, они должны уже появиться. Борис и Алексей Палыч ушли в лес. Мартышка, уже на правах старой подруги, увязалась с ними.

Гена направился на берег ловить рыбу.

Валентина осталась выуживать крупинки из мусора.

Шурик расстелил палатку и улегся на нее мечтать об обеде.

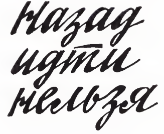
Лжедмитриевна с необычным для нее рвением принялась носить к стоянке дрова.

В общем, все пока выглядело так, будто ничего страшного не произошло. Да и что может произойти в довольно населенном районе нашей перенаселенной планеты? Привыкнув к сытости, трудно представить себе голод.

Из ребят только Стасик и Чижик попытались решить проблему одним ударом. До вечера они болтались на плоту посреди озера, шаря по дну самодельной кошкой, но ничего не нашли.

Что же касается Веника, то, порыскав у костра, поискав рюкзак, начиненный вкусными запахами, он его не обнаружил, но выводов из этого не сделал.

Пологий склон тянулся вверх от озера; он порос густым осинником, кое-где попадались березы. В таком лесу как раз и должны расти первые грибы. Это Борис знал совершенно точно. Но грибы об этом, очевидно, не знали.

— Поднимемся повыше? — предложил Алексей Палыч.

— В бору сейчас делать нечего, — заявил Борис. — Разве горькушки...

— Боря, а какой гриб лучше всего? — спросила Мартышка.

— Тот, который в корзине, — так говорил отец Бориса, гордившийся тем, что собирал только молоденькие, находя их чуть ли не под землей.

— А я думаю — сыроежки. Их можно есть сырыми.

— Где это написано?

— Нигде. По названию видно.

— Найдем — попробуй, — хмыкнул Борис.

Из всех грибов Мартышка четко могла распознать только мухомор, да и то потому, что дома был цветной телевизор. В ее семье грибами не увлекались. Борис и Алексей Палыч тоже не были знатоками. Они даже не подозревали, что съедобны почти все грибы. Из примерно тысячи пятисот видов съедобных они собирали всего несколько: белый, подосиновик, подберезовик, лисичку, волнушку, сыроежку, масленок. Все остальные на их языке именовались «поганками». Это общечеловеческое заблуждение приносит лесу большую пользу: кое-что в наш век тотального опустошения леса остается для животных и насекомых.

Первый гриб все же нашла Мартышка. Она радостно взвизгнула и бросилась к нему с такой скоростью, словно тот от нее убегал.

— Теперь можешь попробовать, — сказал Борис.
— Поганка?
— Сыроежка.
— Дай честное слово.

Борис молча пожал плечами: это уж точно — протяни ей палец, она до плеча руку отхватит.

Мартышка откусила кусочек сыроежки, пожевала и выплюнула.

— Горько... — сказала она с какой-то обидой, будто не гриб ее обманул, а Борис. — Почему ты меня не учишь грибы собирать?

Да, теперь уже получалось, что Борис ей как будто бы что-то должен. А он не любил ходить в должниках. Он и так уже чуть ли не превратился в подхалима, не нагрубив Мартышке ни разу за последние полчаса.

— Поменьше разговаривай, — сказал Борис. — Грибы шума не любят.

— Разве они слышат? — наивно спросила Мартышка.

Но цену ее наивности Борис уже знал.

— Не мешай.

— Попроси как следует, — тут же нашлась Мартышка.

Поняв, что любое его слово никогда не будет последним, Борис замолчал надолго. И сразу же начали попадаться грибы. Сначала два сросшихся черноголовика, затем семейство упругих рыжих лисичек. Все это отправилось в кепку. Еще черноголовик и маленький красный.

— Какой хорошенький, — сказала Мартышка. — Как называется?

— Подосиновик.

— А почему он рос под березой?

«О господи!» — произнес Борис мысленно. Вслух он заметил: — Не он под ней, а она над ним росла.

Пока Мартышка пыталась разобраться в этой подозрительной фразе, Борис успел удрать к Алексею Палычу.

У Алексея Палыча дела шли похуже, но зато он нашел один белый.

— Не густо... — сказал Алексей Палыч. — Сухо, наверное.

Как и большинство грибников, Алексей Палыч был склонен обвинять не себя, а природу. Если грибник найдет мало грибов, то он всегда найдет много причин: мало дождей, много дождей, ранняя весна, поздняя весна, ночные заморозки, мало солнца и, годящаяся на все случаи, — «тут до нас целый полк прошел, все вытоптали».

На сей раз виноватым оказалось солнце, ну, а если добираться до самых корней, то Бюро прогнозов погоды, лишившее дождей целую область, вопреки своим показаниям. «Тюрьма по ним плачет» — так говорили в Кулеминске про метеорологов рыбаки, грибники и дачники. Алексей Палыч сначала помалкивал: образование он получил как раз в Метеорологическом институте, но со временем и он распоясался.

— Сухо, — повторил Алексей Палыч. — Да и вообще, в нашем положении грибы — не спасение. Калорий на их сбор мы затрачиваем больше, чем получаем при еде. Впрочем, надеюсь, у нее хватит ума не настаивать на продолжении похода.

— Смешно говорить, — сказал Борис. — Остальные-то соображают... А рюкзак она нарочно столкнула. Я хоть и не видел... От края он лежал далеко, а ног у него нет.

— Вот это мне не совсем понятно. Казалось бы, она заинтересована в продолжении похода... Теперь ясно, что это невозможно. Что-то, Боря, концы с концами не сходятся.

Подошла Мартышка. Нет, не подошла — подбежала, задыхаясь от счастья. В руках она несла громадный белый гриб.

— Во какой! Это какой? — крикнула она, показывая Борису язык.

Но Борис знал цену таким шикарным грибам, особенно в сухое лето. Он взял «полковника» — так называли в Кулеминске белые — и безжалостно отломил половину его ноги. Мартышка ойкнула, словно это была ее собственная нога. Борис показал ей трухлявую половинку и отломил остаток. Гриб оказался весь источенным червями, а в шляпке они обнаружились в живом виде.

— Ну и что! — сопротивлялась Мартышка. — Очень симпатичные червячки. Их можно выгнать, а гриб засушить.

Борис протянул ей остатки «полковника».

— Выгоняй. Скажи им «кыш!»

Мартышка ударила Бориса по руке.

— Ты все умеешь испортить!

Пока Борис размышлял, что такого он тут напортил, Алексей Палыч, со свойственным ему стремлением к миру, выступил в роли огнетушителя.

— Марина, — сказал он голосом мягким, и призрак пальмовой ветви возник в его кулаке, — гриб твой прекрасен, но он червивый и в пищу не годится. Борис поступил правильно.

Но Мартышка мира не приняла.

— При чем тут пища! — закричала она. — Он такой красивый и большой! И я сама его нашла! При чем тут правильно-неправильно?! Ломайте свои!

Слегка обескураженный этим взрывом, Алексей Палыч чувствовал, что дело тут не в грибе. Кажется, Борис уничтожил не продукт, а нечто иное. Он понимал также, что сейчас не время для ссор, даже самых пустячных.

— Возьми мой, — предложил он примирительно. — Он тоже белый и совершенно чистый.

— А мне ваш не нужен! Мне нужен мой! И вообще, я дальше не пойду с вами!

Марина развернулась и побежала к берегу озера.

— Не заблудись! — крикнул ей вслед Алексей Палыч.

— Не заблудится, не беспокойтесь, — заметил Борис.

— А ты думай, прежде чем сказать или сделать.

— О чем думать?

— О том... — сказал Алексей Палыч туманно, ибо четко сформулировать свою мысль не успел. — О том самом, что ты не один на свете живешь. Кроме того, она первая предложила тебе свитер...

— Значит, я теперь всю жизнь должен кланяться?

— Довольно, — строго сказал Алексей Палыч, — не хватает еще, чтобы мы с тобой поссорились.

Борис слегка обиделся, но промолчал. Он не понял, почему Мартышка кричала на Алексея Палыча, а не на него. Он еще не научился понимать, что при ссоре двоих очень часто достается третьему, невиновному. Так же как сегодня на плоту попало Мартышке, хотя гнев Бориса был направлен на Лжедмитриевну.

Кроме того, мысли об утонувших продуктах постепенно, но неутомимо натягивали нервы всей группе. Бактерии ссоры плавали в воздухе невидимым облаком. Всем было обидно, что поход завершается, едва начавшись. Обида была общей, но растекалась она по разным каналам.

Как раз сейчас у костра Шурик ссорился с Валентиной из-за того, что отказался идти за водой.

Примерно в это время Гена не полез в воду отцеплять крючок, зацепившийся за камыш, а дернул с такой силой, что порвалась леска.

И даже Стасик и Чижик, устав от бесплодных поисков, перемолвились парочкой слов, совсем не относящихся к тому, чем они занимались.

После ухода Мартышки дело пошло побыстрей. Алексей Палыч и Борис не отвлекались на разговоры: впервые в жизни они искали грибы не для удовольствия, не ради грибного азарта, а с настойчивостью голодных людей. Это изменило психологию поиска. Алексей Палыч заметил, что глаза его стали зорче, безошибочно отсекали жухлые листья, световые пятна и другие «обманки». Зато почти полностью отключился слух — все органы чувств работали на желудок.

Кепка Бориса быстро наполнилась. Урожай состоял в основном из сыроежек с редкими, как сказал бы геолог, вкраплениями красных; белых грибов больше не попадалось.

Борис снял свитер, перетянул рукавами воротник; часа через полтора наполнился и свитер.

Когда Алексей Палыч и Борис вернулись к костру, все уже были там.

Стасик и Чижик сидели с понурым видом: они обшарили все дно по линии переправы, но кошка их не вытащила ничего, кроме куска сети. Это говорило о том, что озеро посещалось браконьерами. Встретить

браконьеров было бы просто прекрасно, но надежды на это не было: сеть оказалась давнишней, совершенно гнилой.

Мартышка, в соответствии со своим городским воспитанием, забыла, зачем пошла в лес, и принесла букетик цветов. Практичный Шурик заметил, что цветы очень украсят ее могилу, когда она помрет с голоду.

Гена поймал три небольшие плотвицы и два озерных ерша, которые могли выглядеть рыбинами только под микроскопом.

И лишь Алексей Палыч и Борис принесли нечто существенное.

Целая куча грибов вызвала приступ оптимизма. Кто-то даже заметил, что в лесу не так уж и трудно прокормиться. Даже Шурик, центр управления которым помещался в желудке, поддался обману и побежал за водой.

Современная наука утверждает, что грибы на девяносто процентов состоят из воды. С этой точки зрения они скорее пригодны для умывания, чем для еды. Но ведь и в человеческом теле, даже в мозгу, воды больше, чем всего остального. Тем не менее, мы о себе довольно высокого мнения.

Борис сам почистил грибы. Котелок заполнился с верхом и еще осталось.

— Уварится, — сказал Борис.

Он оказался прав настолько, что это было уже излишним. По мере варки грибная куча оседала, таяла, словно состояла из снега. Чтобы хватило на всех, Борис подбавлял воды.

Калорий от этого не прибавлялось. Варево постепенно темнело, из серого становилось коричневым, приобрело цвет болотной воды и продолжало темнеть дальше.

Веник первым определил малосъедобность похлебки. Он долго принюхивался к незнакомому запаху, затем потерял к нему интерес, чихнул и отвернулся. Раскинув своими собачьими мозгами, он решил, что эта забава вечно продолжаться не может и скоро хозяевам придется достать что-нибудь съедобное.

— Ну скоро там?.. — спросил Шурик.

— Ты особенно не надейся, — утешил его Борис, — может, еще и есть не станешь.

— Зря ты червяков выскребал, — заметил Шурик. — Было бы с мясом...

Никто не засмеялся. Все понимали, что юмор Шурика идет из желудка. Между тем Алексею Палычу, по причине его технического образования, было поручено разделить последние полбуханки. Задача чисто геометрическая, но проводить перпендикуляры на хлебе оказалось трудней, чем на бумаге. Алексей Палыч волновался: за ним следили восемь пар глаз. Это были вовсе не те глаза, которые равнодушно наблюдают, как смахивают в ведро остатки хлеба со столов в школьной столовой. У него даже мелькнула мысль, что неплохо бы устроить в школе что-то вроде голодных дней — перестанут тогда швыряться кусками хлеба. Но тут же возникла мысль номер два: за одно только такое предложение его самого съедят как родители, так и начальство. И вторая мысль погасила первую.

Лжедмитриевна от своей порции отказалась.

— Елена Дмитриевна, этим вы никого не спасете, — сказал Стасик.

Алексей Палыч отметил, что с сегодняшнего дня Стасик имя руководительницы стал выговаривать совершенно четко. Не «Елена Дмитна» или «Елен Дмитрина», как раньше, а «Елена Дмитриевна», тщательно прожевывая каждую букву.

— Хлеба я не хочу, — сказала Лжедмитриевна.

— И суп не будете?

— Попробую.

— Борька, — спохватился Шурик, — а ты плёхни туда рыбу. Генка, почисти ее по-быстрому.

— Там и чистить нечего.

— Не хотите — я съем.

— Разварится, ты и не заметишь, — сказал Гена. — Пускай лучше Веник съест.

— Смотри, как бы самого Веника есть не пришлось. В некоторых странах, например, собак едят и не жалуются.

— Ты что, на самом деле смог бы?
— Думаешь, не вкусно?
— Я не про вкусно...
— А чего... — сказал Шурик. — Я, например, читал, что мы едим какую-то, может, миллионную часть из всего съедобного. Знаешь, как диверсантов готовят? Сбрасывают на парашюте в какие-нибудь джунгли... Никаких поселков, может, на тысячу километров нет. А у него ни продуктов, ни воды, ни оружия, ни спичек, ни компаса. Только нож. И он должен выйти в определенное место. Мы бы с тобой через несколько дней загнулись. А его специально обучали и воду добывать и всякую дрянь есть. Вода есть во всяких растениях, деревьях, он знает, в каких. Питаться может змеями, ящерицами, насекомыми, разными личинками. Он знает, какие не ядовитые и как их найти. Даже червяков едят.
— Это я знаю,—сказал Гена.—Он-то идет, а над ним вертолет...
— Никаких вертолетов. Если он из джунглей не выйдет, его даже искать не будут. Так и называется: испытание на выживание. Понимаешь? Если кто не справится, то пускай погибает: значит — слабак, а такие не нужны. Но они почти все выходят, потому что направление умеют определять без ошибок. Если нет личинок, ищут всякие корешки, растения. Даже знают, какие цветы съедобные. Голодают, конечно, но зато в живых остаются. А уж когда вернутся, им сразу и тушенку дают, и сахар, и колбасу — сколько хочешь.
— Врешь! — сказал Гена. — Если долго голодал, есть много нельзя.
— Вру, — согласился Шурик. — Это я просто подумал, чего бы сейчас сам сожрал. А им дают куриный бульон и галеты. Тоже неплохо.
Рассказ о рационе диверсантов девочки выслушали без восторга.
— Обязательно ты какую-нибудь гадость придумаешь, — поморщилась Валентина. — Мне даже есть расхотелось.
— Могу твою порцию зарубать, — предложил Шурик. — Я товарища всегда готов выручить.
— Ешь мою, — сказала Лжедмитриевна.
— Вашу не буду. И вообще, я пока не очень голодный. Вот когда начну есть, то сразу проголодаюсь. У меня всегда так.
— Тогда не начинай, — посоветовал Стасик.
— Не могу, — вздохнул Шурик. — У меня характер такой — когда вижу, что кто-то ест, мне кажется, что у меня отнимают. Но ведь ем я по-честному, не больше других?
— Не больше, — успокоил его Стасик. — Только говоришь много. У меня к тебе просьба: пока мы не выйдем, ты больше о еде ничего не рассказывай.

Алексей Палыч раздал куски хлеба, и все сразу стали их помаленьку прикусывать. Едва первый кусочек попал Шурику в рот, он сразу взвыл:

— Борька, скоро ты там?

Похлебка, как это и положено, когда в ней варятся красные грибы, приобрела окончательный цвет — цвет дегтя. Запах она издавала очень похожий на тот, что стоит в жаркий день над болотом. Кроме того, из-за сыроежек варево горчило. Если еще добавить, что сварено оно было без соли, то можно догадаться, что похлебка Бориса никому удовольствия не доставила.

— Для диверсантов, может, неплохо... — сказал Гена, с отвращением выхлебав свою порцию до половины.

Полностью съели свою долю только трое: Борис — как повар, он не имел права капризничать; Алексей Палыч — из солидарности с Борисом; Шурик — останавливаться, пока не покажется дно чашки, было не в его правилах.

Веник обследовал чашку, поставленную перед ним Валентиной, и, проворчав что-то насчет глупых шуток, отошел в сторону. Впрочем, в животе у него уже покоились сырые рыбешки, которые он взял от Гены с большим недоверием: он еще не забыл недавней истории.

— Ну что же, — сказал Алексей Палыч, — мне вспоминается, что в древности жили на земле племена собирателей. Они бы в этих местах прокормились. Но мы слишком цивилизованны, то есть — не приспособлены. Мне кажется, надо выбираться и побыстрее.

— Столько готовились... — уныло сказала Марина.

— Что поделаешь. Положение очень серьезное. Вспомним, что за четыре дня мы не встретили ни одного человека.

Алексей Палыч и сам не мог себе объяснить, как же так вышло, что в местах, по которым они прошли, не встретилось никаких следов человеческой деятельности. Вообще-то для туристов это хорошо, да и для леса неплохо. Но очень уж необычно в наше шустрое время.

Однако следы все же были. Еще во время войны здесь действовал большой партизанский отряд. От тех времен остались уже еле заметные окопчики, почти сгнившие укрытия. Теперь война шла не внутри леса, а вокруг него. Воевали две солидные организации. Севернее Города это был единственный нетронутый крупный массив. По этой причине одна организация мечтала его вырубить. По той же причине вторая организация старалась его сохранить и сделать заповедник. Пока не удалось победить ни той, ни другой. Поэтому и стоял лес без дорог, ибо дороги прокладывают не «Запорожцы», а бульдозеры заготовителей.

Для туризма, повторим, это прекрасно.

Для голодных туристов — не очень.

— Что же будем делать?

Ребята смотрели на Лжедмитриевну.

— Решать будем вместе, — сказала она. — Высказывайтесь.

Начинать никто не хотел.

— Давайте тогда по алфавиту, — предложил Стасик. — А, Б, В, Г, Д и так далее. Кто у нас на «А»? Алексей Палыч. Но вообще-то, Чижик. Он — Андрей. Еще и Шурик. Он — Александр. Что-то много на «А». Пускай Шурик и Чижик идут на «Ш» и «Ч». Годится?

Никто не возразил.

— Алексей Палыч?

— Я считаю, что надо выходить из леса кратчайшим путем. Но какой путь кратчайший, неизвестно. Карты у нас нет. Направление на запад или восток ничуть не хуже северного. Но мне кажется, что сейчас у северного появилось маленькое преимущество. Мы четыре дня шли на север и не встретили ни одной дороги. Должна же она когда-нибудь встретиться! Выйдем на дорогу—выйдем к населенному пункту.

— Кто на «Б»? Борис?

— Я как Алексей Палыч.

— Валентина?

— А я думаю: нельзя ли как-нибудь продолжить поход? Послать кого-нибудь за продуктами...

— Куда?

— Куда-нибудь... Если пойдут без вещей, то быстро вернутся.

— А если не быстро? А если не вернутся? — вмешался Алексей Палыч. — Я не знаю... Мне кажется, что в таком положении нельзя разделяться. Неизвестно, кому первому понадобится помощь.

— Ну, а если мы выйдем завтра в какой-нибудь поселок, — настаивала Валентина. — Купим продуктов и пойдем дальше.

— А кто возражает? — сказал Стасик. — Конечно, если завтра... Но Алексей Палыч говорит верно: посылать на деревню дедушке нельзя никого. Кто у нас дальше? Гена...

— Чего тут особенно рассуждать. Надо идти. А куда, по-моему, все равно. Встретим поселок, тогда и думать будем.

— Елена Дмитриевна, теперь вы...

— Вы уже сами все решили, мне добавить нечего.

— Но хоть в какую сторону идти?

— Мне кажется, на север.

Вид у Лжедмитриевны был довольно унылый. Из этого Алексей Палыч сделал вывод, что рюкзак она столкнула нечаянно. И печалилась она сейчас не о рюкзаке, а о том, что прекращается поход и заканчивается ее исследовательская работа.

— Марина?

— Я согласна с Алексеем Палычем и с Еленой Дмитриевной. С тобой я не согласна.

— Интересно, — сказал Стасик. — Я же еще ничего не сказал.

— Все равно не согласна.

— Ладно, — сказал Стасик. — Я тоже согласен с Алексеем Палычем.

— А я предлагаю идти прямо к «Гастроному», — заявил Шурик.

— Тебя пока не спрашивали. Чижик?

— Ж-железка... — сказал Чижик.

Немногословная речь Чижика, как обычно, требовала расшифровки.

— А он колоссально придумал! — сказал Гена. — От озера часа два хода до железки! А там обязательно выйдем к станции! Придется переправиться обратно, но зато — верняк.

Действительно, почему-то мысли ребят были направлены только вперед, в том направлении, в котором они двигались четыре дня. Все забыли об оставленной за спиной железной дороге. Даже Алексей Палыч забыл, хотя сам устлал полотно деньгами в размере четырех кровных рублей.

— Тогда все очень просто, — сказала Валентина. — Пускай за продуктами сходят двое. Дорога недалеко, они ее не пройдут. Да и компас есть. Двое переправятся и сходят, а мы их здесь обождем.

— Я возражаю! — воспротивился Алексей Палыч. — Ведь мы уже решили, что группу разделять нельзя. Не вижу особой разницы — в какую сторону они пойдут. Сколько это займет времени? Сколько мы их должны ждать? Предположим, что они выйдут к железной дороге. Можно идти налево, можно направо. Ну, об этом мы договоримся. Но на железной дороге бывают перегоны между станциями и в двадцать и в тридцать километров. А это уже, если туда-обратно, не сутки и не двое. Я не говорю о том, что на таком длинном пути все может случиться. Даже если не говорить о каких-то чрезвычайных событиях... Идут двое. Представьте, что один всего-навсего подвернул ногу. Идти он не может. Что же им делать и кто им поможет? От озера до железной дороги нет даже тропы. Где мы их будем искать в лесу? Мне кажется... Нет, мне не кажется, я совершенно уверен: единственный выход — возвращаться всем вместе.

— Двое переправятся за полчаса, — настаивала Валентина, — а мы все потратили полдня.

— Согласен, — сказал Алексей Палыч. — Мы сэкономим несколько часов. Ты даже забыла умножить их на два, потому что предстоит обратная переправа. Но зато мы можем потерять всё, если что-то случится с теми двумя.

Надо сказать, что, произнося свою горячую речь, Алексей Палыч немного забылся. Такая настойчивость была ему не по чину: он не был даже рядовым членом группы, а всего лишь рядовым иждивенцем. Но

горячность его и логика подействовали на ребят. В нем чувствовалась заинтересованность. Так оно и было. Только заинтересованность совсем другого рода, чем думали ребята. Они решили, что он хочет во что бы то ни стало продолжить поход; Алексей Палыч во что бы то ни стало хотел закончить его. Сейчас такая возможность появилась; Алексей Палыч, грешивший любовью к процентам, оценивал ее близкой к ста. Со станции он группу не выпустит. Он пойдет на все: объявит Лжедмитриевну сумасшедшей, группу неподготовленной или даже пошлет телеграмму тому самому министру, у которого сейчас находился. В телеграмме можно написать, что группа выходит в маршрут, имея в своем составе тяжело больных. Пускай удивятся. Пускай не поверят. Но проверять обязательно станут, и ребят задержат. А там видно будет...

Главное — вывести из лесу всех.

Ребята пошли в ловушку довольно охотно. Потеряют всего сутки, зато — с гарантией.

— Кто за? — спросил Стасик.

Проголосовали все, кроме Валентины и Лжедмитриевны.

— Вот и хорошо, — сказал Алексей Палыч голосом слишком бодрым для того, чтобы быть искренним. — Завтра пойдем, завтра и вернемся.

— Назад мы возвращаться не будем, — послышался голос Лжедмитриевны.

Ребята уставились на нее в изумлении. Правда, она не голосовала, но все уже привыкли к тому, что она не вмешивается; тем более — в такой повелительной форме.

— Почему? — спросил Стасик. — Все же решили...

— Назад возвращаться нельзя.

— Почему?

— Сейчас я тебе объяснить этого не могу.

Алексей Палыч понял, что наступил момент, когда авторитет Лжедмитревны довольно сильно покачнулся. Он поспешил наклонить его еще больше.

— Извините, — сказал он, — но это нелогично. Впереди — неизвестность, а вернуться — единственная возможность продолжить поход.

— Нелогично с вашей точки зрения, Алексей Палыч. Но вы же можете предположить, что я знаю то, чего не знаете вы.

Последняя фраза Лжедмитриевны ничего не сказала ребятам. Зато Алексей Палыч ощутил легкий холодок в предвидении новых инопланетных штучек и дрючек. И уж совсем он растерялся, когда увидел, что Лжедмитриевна ему как бы якобы подмигнула; не то чтобы совсем подмигнула, но на мгновение левое веко ее слегка приспустилось и левый глаз стал чуть меньше правого.

Но переводить разговор в инопланетное русло Алексей Палыч не собирался; нужно было бить по ясно видимой и понятной ребятам цели.

— Я не руководитель похода, — схитрил он. — Конечно, могу чего-то не знать. Но я человек взрослый, много имел дела с ребятами, своими учениками, и знаю, что объяснить им можно практически все. Это зависит лишь от желания. Так объясните ребятам причину.

— Зато я руководитель, — сказала Лжедмитриевна и оглядела притихших ребята. — Я хочу всем объяснить, что в некоторых обстоятельствах я имею право решать единолично. Вот как командир у вас на войне...

Ухо Алексея Палыча цепко уловило словечко «у вас». Остальные оговорки не заметили. Видно, что-то изменилось в железной «мадам», если она стала оговариваться при «посторонних».

— И как руководитель, — продолжала Лжедмитриевна, — я решила, что назад мы возвращаться не станем. Почему — объяснять долго и не время. Скажу коротко: это опасно. Прошу группу на меня не обижаться. Это не просто мое желание, а самая настоящая необходимость. Это не значит, что остальные не имеют права высказывать свои мнения и советовать. В остальном все остается по-старому. С утра пойдем, как вы решили вначале. Во сколько будем вставать?

— Елена Дмитриевна, — спросил Гена, — мне не понятно, почему назад опасно, а вперед нет?

— Никто не гарантирует тебе безопасности впереди. Я об этом не говорила. Может что-то случиться, может — нет. Но если мы пойдем назад, то неприятности нам обеспечены.

— Какие?

— Я считаю, что говорить сейчас об этом не нужно. Так во сколько завтра подъем?

Ребята были слегка ошарашены. Кроме каких-то опасностей на обратном пути, о которых почему-то нельзя было сказать, их удивил самый тон. Это был тон решительного командира, что вообще-то было законно, но непривычно. С такой Еленой ребята еще дела не имели. Они понимали, что она имеет право отдавать приказы, но не понимали, с чего это она вдруг перевернулась на сто восемьдесят.

Алексей Палыч увидел во всем этом гораздо больше. Прежде всего, он поверил Лжедмитриевне. Он вспомнил, что и на станции она говорила, будто он и Борис обратно вернуться не могут. Из этого можно было понять, что и тогда и сейчас действовала одна и та же причина. Силы, запущенные в ход, были явно «не наши», и Лжедмитриевна или не могла, или не хотела с ними бороться.

Если она не хотела, то это выглядело странно: предложение Чижика давало возможность продолжить поход через сутки — двое. Правда, она могла догадываться о планах Алексея Палыча...

Если она не могла бороться, то это выглядело не только странно, но и преступно, учитывая заверения о «невмешательстве». О каком «невмешательстве» можно говорить, если человек, идя по своей земле, не имеет права выбирать направление?

И еще заметил Алексей Палыч, что новый командирский голос Лжедмитриевны был уже не железобетонным. Несмотря на решительность и твердость, железо из него исчезло, хотя примесь бетона еще оставалась. Можно даже предположить, что в нем появились намеки на человечность — нечто вроде земной суровости вместо инопланетного равнодушия.

Еще несколько минут назад Алексей Палыч надеялся, что ребята взбунтуются и потребуют возвращения. Теперь, поверив в опасность обратного пути, он решил бунта не поддерживать.

Но никаких восстаний не намечалось. Ребята были дисциплинированными. А кто и что при этом думал, осталось тайной до поры до времени. До поры до времени...

Выходить решили с рассветом, как можно раньше.

Ребята, несмотря на пустые желудки, уснули быстро и почти одновременно.

Веник, чувствуя какой-то беспорядок в прошедшем дне, мучался в раздумьях, пытался осмыслить отсутствие любимого рюкзака, бродил возле стоянки, обнюхивая сложенные в котелок чашки и ложки. Он был, можно сказать, окружен спящими хозяевами, но отчего-то сегодня чувствовал себя одиноким.

Кое-где из палаток торчали ноги, но поговорить с ними не удавалось. Из одного чехла выглядывала шевелюра Алексея Палыча — пятидесятипроцентная по его стандартам. Борис высунулся побольше. Веник подошел к нему, приведя в готовность мышцы хвоста и собираясь запустить его на полные обороты, но глаза Бориса были закрыты.

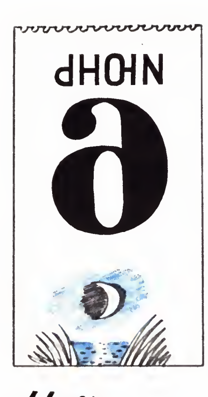
Веник покрутился на месте, улегся, прикрыв нос лапой от комаров.

Прежде чем заснуть, он вздохнул одиннадцать раз.

Он не мог объяснить, как порой грустно и беспричинно тоскливо бывает собакам. И как в эти минуты собаке хочется, чтобы ее кто погладил...

Совсем как человеку.

И даже больше.

Ночь. Луна. Он и она

Алексею Палычу снилось, что он плывет через неширокую, но бурную реку.

Течение — бурное, со злыми упругими гребешками — наваливалось на правый бок. Мимо проносились округлые вершины камней; берега уходили назад более плавно, но группа ребят, шедшая по берегу, к которому стремился Алексей Палыч, безнадежно удалялась. Почему-то вдруг на реке появились бревна; они плыли против течения, толкали в левое плечо.

Во сне Алексей Палыч понимал, что это сон: стоит только открыть глаза и он увидит себя в чехле, на подстилке лапника, рядом с Борисом. Он открыл глаза в первый раз и во сне понял, что не проснулся; группы уже не было видно, но река несла его все дальше и дальше; бревна продолжали толкать в плечо.

Алексей Палыч, сделав усилие, открыл глаза во второй раз, и река исчезла. Над ним начало прорисовываться серовато-синее небо, четко очерченные контуры сосновых ветвей.

Рядом кто-то тихонько дышал и трогал Алексея Палыча за плечо.

— Веник, уйди, — пробормотал Алексей Палыч.

— Алексей Палыч, — послышался шепот Веника, — мне нужно с вами поговорить.

Алексей Палыч резво приподнялся на локтях. Перед ним на коленях стояла Лжедмитриевна и осторожно тюкала пальчиками по его плечу.

— Я вас слушаю.

— Нас могут услышать. Давайте отойдем в сторону.

Алексей Палыч выбрался из чехла. Наверное, что-то важное хотела сооб-

щить ему Лжедмитриевна, если подняла среди ночи. Лжедмитриевна направилась к озеру, и Алексей Палыч поплелся за ней.

— Здесь нет комаров, — сообщила Лжедмитриевна.

— Уж не обо мне ли вы заботитесь? — поеживаясь от свежего ветерка, спросил Алексей Палыч.

— О вас.

— Странный метод заботы, — сказал Алексей Палыч. — В чехле у меня тоже комаров не было.

— Там могли услышать.

— Значит, у нас с вами теперь появились какие-то общие тайны?

— Сейчас появятся.

— Говорите, но побыстрей: мне холодно.

— Вы все еще сердитесь?

— Сердитесь — не то слово. Неужели вы думаете, что я в восторге от вчерашних событий?

— Но с вашей точки зрения все получилось к лучшему: поход заканчивается; вы с самого начала к этому стремились...

— Он еще не закончен, — сказал Алексей Палыч. — И давайте договоримся: вы излагайте свою точку зрения, а свою я изложу сам.

— Перестаньте сердиться, Алексей Палыч, — попросила Лжедмитриевна. — В таком состоянии вам трудно будет меня понять. Кроме того, эмоции не способствуют доверию.

— Вы прекрасно знаете, я не доверяю вам с самого начала. А эмоции — это ваш хлеб, ради них вы сюда и прибыли.

— Мы с вами спорим, — сказала Лжедмитриевна. — Сейчас это не нужно.

Если бы Алексей Палыч был не спросонья, не замерз и не встревожен новым фокусом, который, кажется, собиралась выкинуть «мадам», он бы заметил, что тон ее необычно мягок, железа нет и следа, а от бетона остались мелкие крошки.

— Алексей Палыч, я решила прекратить поход.

— Именно поэтому вы запретили вернуться к железной дороге?

— Да. Я ведь имею право принимать такие решения единолично?

— С точки зрения ВАШЕЙ или НАШЕЙ?

— ВАШЕЙ.

— Формально — да. Но существуют положения, в которых опасно пользоваться формальным правом. Вы не можете не понимать, что кратчайший путь к населенному пункту — это путь назад. Почему же вы заставляете группу идти вперед? Это, по меньшей мере, путь в неизвестность.

— Согласна, впереди — неизвестность. Путь назад — путь в никуда. Назад идти нельзя.

— Опять начинаются ваши загадки!

— Никаких загадок. Чтобы вы мне поверили, я скажу — продукты я вчера столкнула умышленно. Ребятам об этом говорить было нельзя: они бы не поняли.

— Я тоже не понимаю, — холодно сказал Алексей Палыч. — Я все время требовал прекратить поход, вы отказывались. Теперь вы утопили продукты, до предела усложнили положение детей, говорите, что хотите закончить поход, и заставляете его продолжать. Где ваша любимая логика?

— Она на месте, Алексей Палыч. Группа осталась без продуктов... Это единственный способ прервать поход, ничего не объясняя ребятам.

— Вы могли просто приказать им вернуться, как вчера приказали идти вперед.

— Я должна была бы это как-то объяснить.

— Вчера вы ничего не объяснили.

— Это разные ситуации. Когда были продукты, поход проходил нормально, то с какой стати его прерывать? Сейчас ситуация исключительная, объяснять ничего не надо. Выбор направления — право руководителя.

— Ну и выберите обратное.

— Это опасно, а для вас особенно.

— Для меня лично?

— Для вас и Бориса.

— Опять какие-то ребусы! — рассердился Алексей Палыч. — Что там, за это время — мины расставили?

— Там все осталось по-прежнему.

— В чем же тогда дело?

— Обратный путь для нас очень опасен...

— Да что вы все твердите как сорока: опасен, опасен... Выходит, я уже по своей земле не могу ходить! Что же вы сказки рассказывали о каком-то невмешательстве?! Дети голодные — невмешательство, мы с Борисом впутываемся в какую-то историю, ходим полураздетые — тоже невмешательство! У меня такое ощущение, что я все время хожу в дураках: чего-то не понимаю, чего-то не знаю... Вроде тупого ученика, которому и объяснять бесполезно. А я, как вам известно, учитель; моя профессия — обучать, а это потрудней, чем обучаться.

— Алексей Палыч, — сказала Лжедмитриевна, — я ведь сама всего точно не знаю. Знаю, что — невмешательство, знаю, что обратный путь опасен более всего для вас. Но я не могу знать предстоящие события: тогда исследование теряет смысл. Думаю, что в конце похода я буду знать больше, тогда расскажу...

Алексею Палычу показалось даже, что в голосе Лжедмитриевны звучит искреннее сожаление. Конечно, оно могло быть и притворным,

чтобы утихомирить Алексея Палыча, чтобы он особо не бунтовал. Но ведь до сих пор без такого притворства она обходилась.

— Зачем мне это потом? — сказал Алексей Палыч, убавив громкость на двадцать два децибела. — Мне нужно знать, что делать сейчас.

— Идти вперед, — вздохнула Лжедмитриевна. — Больше ничего не остается. Я уже жалею, что послали именно меня.

— Жалеете? Простите, но это ведь эмоция...

— Разве я сказала «жалею»? Очевидно, я употребила не то слово. Я уже говорила вам, что такие чувства известны нам чисто теоретически.

— Слушайте, — сказал Алексей Палыч, — а зачем все-таки вы меня сюда пригласили? Неужели по ночам со мной разговаривать интереснее?

— Я хотела попросить вас, чтобы вы мне помогли.

— Чем?

— Тем, чтобы не мешали. Не нужно настраивать против меня ребят. Не уговаривайте их вернуться — это все равно невозможно. Вы только все осложните...

— Я?! — Алексей Палыч чуть не подавился собственным возмущением. — Это я по-вашему усложняю! Можно подумать, что я все затеял!

— Забудьте все, что было. Сейчас начинается новый этап.

— Ясно, — зловеще сказал Алексей Палыч. — Конечно, новый этап, новые трудности, новые на-

блюдения. Ведь это очень интересно — наблюдать, как будут выбираться из леса голодные ребятишки! Какие там у них будут эмоции?.. Может быть, кто-то погибнет геройской смертью — тогда совсем прекрасно... Ценная информация!

— Этот этап начала я, — сказала Лжедмитриевна. — По собственной инициативе.

— Этого еще не хватало! Вашей инициативы! Если уж у вас ТАМ все продумали... я не знаю, с какой целью... надеюсь — с гуманной... то, может быть, все обойдется. Все-таки — коллективный опыт. А вы на Земле всего пятые сутки! Какая тут еще инициатива?! Кроме того, ОНИ же все слышат?

— Разумеется.

— И как ОНИ реагируют на вашу инициативу? Кстати, в чем она заключается?

— В решении прекратить поход.

— Разве вы не получили приказа?

— Я вообще с момента появления на Земле не получала никаких приказов.

— Так как же все-таки они относятся к вашему решению?

— Не знаю.

— А почему вы его приняли?

— Мне захотелось.

— Что значит «захотелось»?

— Об этом я хочу спросить вас, Алексей Палыч. Вы должны лучше понять такое состояние. Я вдруг почувствовала, что хочу, должна, обязана — называйте как хотите — это сделать. Мое желание было сильней любых приказов, даже сильней меня, что в принципе невероятно. У нас такое просто невозможно. Вот тогда я и...

Тут Лжедмитриевна сделала паузу. Можно было подумать, что от волнения у нее перехватило горло. Но столь абсурдное предположение Алексею Палычу в голову прийти не могло.

— И... — поторопил Алексей Палыч.

— ...и столкнула рюкзак. Это было неосознанное решение... какой-то импульс... Нельзя даже сказать, что я подумала и решила. Подумать... решить... для этого нужно время. Тут была короткая вспышка. Я сначала столкнула, а потом поняла, для чего это сделала. Что это такое, Алексей Палыч?

— Безобразие, — сказал Алексей Палыч.

— Я вас спрашиваю серьезно.

— Наверное, это и был приказ. Вы получили его в такой форме.

— Нет, — твердо сказала Лжедмитриевна, — приказ был бы совершенно ясным и коротким. На вашем языке он уместился бы в четыре слова: «Столкни рюкзак в воду».

— И вы бы его выполнили?
— Конечно.
— Не задумываясь?
— Разумеется. Но теперь я задумываюсь и не понимаю, что все это означает.
— Для вашего поступка была причина?
— Да...
— Какая?
— Этого я не хочу вам говорить.
— Не можете?
— Не хочу.
— Опять что-то новое... — сказал Алексей Палыч. — Но раз вы не понимаете, что означает ваш поступок, то вряд ли я могу вам помочь.
— Я не понимаю ПОЧЕМУ я это сделала. А ЗАЧЕМ — совершенно ясно: мне захотелось, чтобы вы и Борис как можно скорей вернулись домой. Но вот ПОЧЕМУ мне захотелось — непонятно.
— А ребята?
— Это неважно.
— То есть как неважно?! — вскинулся Алексей Палыч.
— Они тоже вернутся, — сказала Лжедмитриевна небрежно, как отмахнулась.
Уж как-то очень ловко Лжедмитриевна сумела так все повернуть, что теперь чуть ли не она нуждается в помощи. Если в ее кажущейся искренности заключалась какая-то новая каверза, то разгадать ее Алексей Палыч не мог. Но о главной своей задаче он не забыл.
— Вот и прекрасно. Я рад, что у нас с вами теперь общая цель — вывести ребят из леса, — заявил он тоном вполне деловым, не желая дальше скользить по рельсам мнимых эмоций. — Все же мне не понятно, почему нельзя вернуться обратной дорогой. Если вы мне объясните, я буду вашим союзником на все сто процентов. Вы ведь этого добиваетесь?
— Господи, — сказала Лжедмитриевна, — ну как мне вам доказать?!
— Словами.
— Я сама не знаю почему. Я получила инструкции. Так это у вас называется? В них сказано, чего нельзя делать. Но там не говорится, что произойдет в случае нарушения инструкции. Произойти ничего не может, потому что инструкции никогда и никем не нарушаются.
— Если их не нарушаете вы, то почему не могу нарушить я? Вот сейчас разбужу Бориса, мы сядем на плот, переплывем на ту сторону и выйдем на железную дорогу. Компаса у нас нет, но я все же север от юга отличить смогу.
— Вы этого не сделаете.

— Вы нас свяжете? — не без ехидства спросил Алексей Палыч. — Согласно принципам вашего невмешательства?

— Вы сами не захотите уйти. Иначе зачем вы сами пошли с нами в лес без продуктов и одежды... Вы хотели помочь ребятам, когда все шло нормально. Теперь вы тем более не уйдете.

— Значит, ваша инструкция запланировала даже мое поведение и для этого случая?

— Не думаю, — со вздохом сказала Лжедмитриевна. — Ваша реакция заложена в вас самом. Этот случай инструкцией не предусмотрен, приказов я не получала. Во всем, что произойдет дальше, виновата только я. Поэтому я и просила вас о помощи.

— Как же быть с Борисом? Я не имею права ничего от него скрывать: он — равноправный участник нашей авантюры.

— Борис и так меня не слишком любит.

Алексей Палыч подумал, что термин «не слишком» был, пожалуй, довольно мягок. Но вслух высказываться не стал. Подобное правдолюбие было сейчас неуместным хотя бы потому, что никак не служило на пользу главному делу.

— Да и что не знает Борис из того, о чем мы с вами сейчас говорили? — сказала Лжедмитриевна. — Разве только, что я рюкзак столкнула умышленно. Можете ему сказать. Или как хотите...

Алексей Палыч мысленно пробежал по темам их с Лжедмитриевной беседы и осознал, что особенно нового он и в самом деле не узнал.

— Какой тогда смысл в этом разговоре? — спросил он. — Действительно, получается нелогично. И по вашей и по моей логике ночью полезней всего спать. Тем более когда в животе пусто.

— Смысла нет, если вы не поняли меня по-человечески.

— По-человечески? — удивился Алексей Палыч. — Да я со всеми разговариваю по-человечески, иначе просто не умею.

— Значит, виновата я, — сказала Лжедмитриевна. — Кажется, я уже поняла. Я не до конца откровенна. Нет откровенности — нет доверия.

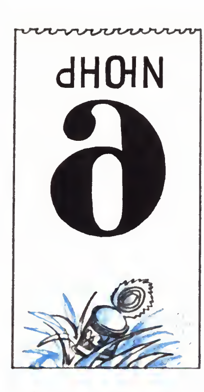
— Логично, — согласился Алексей Палыч.

Лжедмитриевна повернулась и медленно пошла к стоянке. Отойдя на несколько шагов, она обернулась.

— Спокойной ночи.

— А? Да-да... спасибо... — произнес Алексей Палыч в некоторой растерянности.

Ветерок, дувший вдоль озера, развевал его пятидесятипроцентную шевелюру. Под шевелюрой плавали ненужные в теперешнем положении мысли, в которых черный цвет Лжедмитриевниной души постепенно бледнел.

На горе стоят дома

Утро наступило безрадостное, с какой стороны ни взгляни.

Ветер, дувший всю ночь, все-таки нагнал дождя. Это был не из тех летних ливней, что, взорвавшись и пошумев, почти целиком остаются в кронах деревьев. Дождь лил не сильно, но настырно и без намека на окончание.

Вчера палатки были натянуты без особой старательности — в складках скапливалась вода и местами просачивалась вовнутрь.

Ребята в палатках, подобно женщине в ящике, прокалываемом шпагами, извивались, чтобы на них не капало.

Но вылезать все же не хотелось: снаружи их ничего хорошего не ждало.

— Подъем! Подъем!

Лжедмитриевна, энергичная и деловая, обходила палатки. Тех, кто не хотел вылезать, она вытаскивала за ноги наполовину. Вторая половина выползала сама, ибо по частям мокнуть хуже, чем полностью.

Алексей Палыч и Борис тоже вылезли из своих чехлов-коконов.

Вечером было ясно, и никто не догадался спрятать рюкзаки в палатки. Теперь все отсырело. Штормовки насытились висящей в воздухе моросью. Они были пропитаны водоотталкивающим составом, но отталкивал он, очевидно, только нормальный дождь, а не сырость. Надевать их было противно.

«Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу» — так говорит восточная пословица. Мудрость ее относительна, как и все категорические утверждения. Обеда, например, вчера вообще не было, ужин утонул в озере, а завтрак мог быть приготовлен лишь по методу диверсантов.

— Быстро собираемся и пошли, — сказала Лжедмитриевна.

— А порубать? — осведомился Шурик. — Мне лично всю ночь снилось, что есть хочется. Проснулся — и правда хочется.

— Ты же знаешь, что у нас осталось.

— Вот давайте и зарубаем.

— Я думаю, это надо приберечь на крайний случай, — сказала Лжедмитриевна.

— А я думаю, что сейчас как раз крайний, — возразил Шурик. — Хуже все равно не будет.

— Надо хоть что-нибудь горячее... — сказал Алексей Палыч. — Хотя бы кипятку.

— Со сгущенкой, — уточнил Шурик.

— Хорошо, — согласилась Лжедмитриевна. — Все собираются, Алексей Палыч и Боря готовят чай.

Борис мог сходить за водой и один, но Алексей Палыч пошел вместе с ним. Он считал, что не имеет права ничего скрывать от своего соучастника. Борис выслушал сообщение о ночном разговоре. Возможно, в передаче Алексея Палыча кое-что потускнело, или Борис уже навсегда решил, что от Лжедмитриевны ничего хорошего ждать нельзя... Борис, как уже сказано, был человеком практическим.

— А что изменилось? — спросил он. — Стало еще хуже. Как шли, так и пойдем. Только голодные...

— Мне кажется, что изменилась она сама.

— А может, она врет.

— Зачем тогда ей было признаваться?

— Чтобы не идти назад. Может, у нее такое задание: посмотреть, как люди с голоду погибают.

— Это было бы слишком бесчеловечно, — возразил Алексей Палыч.

— Так она же не человек.

— Не знаю... — сказал Алексей Палыч... — Понимаешь, у меня ощущение... Доказать я тебе не могу.

— А давайте так: вы идете вперед, а я потихоньку смоюсь и переплыву. Доберусь до станции, наговорю там что-нибудь. Ну, скажу, что все погибают... Придумаю чего-нибудь по дороге. Вертолет пошлют — это уж точно.

— Но она же сказала, что возвращаться опасно. Особенно для нас.

— Врет, наверное.

— А если не врет? Ты уже немного привык к этим... инопланетным делам... Не забывай, что их присылают к нам в одно мгновение... Я, как физик, этого не понимаю. Мало ли какие еще могут быть фокусы... Может быть, возвращаясь, ты попадешь в какое-нибудь непроходимое поле. Но даже без фокусов: твое отсутствие заметят. Если она

прикажет искать, ребята будут искать. А сейчас нельзя терять ни одного часа.

— Тогда давайте не терять, — сказал Борис, черпая воду. — Вообще, знаете, Алексей Палыч, если еще когда-нибудь... если кто-то еще прилетит... Я его чем-нибудь огрею.

— Боря, они ведь все слышат.

— Поэтому я и сказал.

Борис поднял голову и погрозил кулаком серым, освинцованным облакам.

— Поняли, нет?

Облака не ответили. Мелкий дождичек сыпался из них — нудный, затяжной и гораздо более мокрый, чем ливень.

Специалистом по разжиганию костра в мокреть оказался все тот же Чижик. Он наломал мелких сухих еловых веточек, содрал тонкую кожу с бересты и при помощи «пушки» Алексея Палыча разжег небольшой огонь.

Несмотря на сопротивление Шурика, семь конфет «Старт» и восемь печенин делить не стали. В котелок высыпали полпачки чаю и вылили банку сгущенки. Всем досталось по полторы кружки светло-коричневого варева, что никого не насытило, но немного согрело.

Мокрый Веник выписывал кренделя вокруг ребят — всех вместе и каждого по отдельности. Его собачий разум отказывался понимать, почему хозяева ничего не едят и не кормят его. По мнению Веника, человек и еда были неразрывно связаны, а как и откуда еда добывается — это уже не его дело.

— Можно, я дам ему одно печенье? — спросила Валентина.

Никто не возразил: все понимали, что одна печенина никого не спасет. Веник не сопротивлялся: он прекрасно знал все производные от глагола «давать». Он уставился на Валентину и следил за каждым ее движением; для него время как бы замедлилось. Валентина протянула руку к рюкзаку — час; достала полиэтиленовый мешочек — сутки; сунула руку в мешочек — месяц; достала — год. Валентина бросила печенину, и тут же время ускорилось. Веник поймал, проглотил, ощутил — доля секунды.

Шурик следил за всеми этими действиями, сглатывая слюну. Мысленно он был сейчас на месте Веника.

— Дай и мне мою долю, — попросил он.

— Тебе одному?

— Я же говорю — мою долю. Может, я идти не могу. Во мне калорий совсем не осталось.

— Не ной, — сказал Стасик. — Если будешь ныть, мы тебя будем немножко вешать. Нам и так не сладко, а нытик для нас сейчас — самый опасный человек. Будешь ныть — пристрелим.

— А я тебя в упор не вижу!

— Прекратить разговоры! — сказала Лжедмитриевна. — Все шутки, подначки и остроумие — после выхода из леса. Стартуем через пять минут.

Алексей Палыч и Борис переглянулись. Борис — в том смысле, что такой Елены он еще не видел, Алексей Палыч в том, что ощущения его не так уж и обманули.

Во всем плохом присутствует хотя бы капля хорошего. Рюкзак с продуктами тихо лежал на дне озера, но зато освободилась одна спина. Пока это была спина Валентины. Она шла налегке, и ей это не нравилось. Она по очереди приставала к ребятам, но никто своей ноши ей не отдал.

Алексей Палыч и Борис несли свой обычный тючок, но сильно потяжелевший от сырости.

Радости туризма в дождливую погоду заключаются не только в том, что туристов поливает из облаков. Любая ветка, любой куст охотно делятся накопившейся влагой. Поначалу штормовки ее отталкивают, но потом это им надоедает. Сырость в одежде накапливается постепенно. Пока идешь, да еще с грузом, то это сравнительно теплая сырость. Но стоит остановиться, передернуть плечами, изменить положение одежды на теле, и кожа начинает отдавать тепло ненагретым участкам одежды.

Свитер Бориса впитывал влагу как промокашка. Пиджак Алексея Палыча продержался дольше, но, намокнув как следует, бережно хранил воду, а если отдавал ее, то лишь вовнутрь, но никак не на землю.

Поскольку худа нет без добра, то добро заключалось в том, что сегодня комаров не было вовсе. Но так как добро тоже имеет обратную сторону, то появился лосиный клещ. Он пикировал на пятидесятипроцентную шевелюру Алексея Палыча, на затылки ребят, зарывался в волосы и ползал там, не кусая, но надоедая до крайности.

Пока шли сосновым бором, все же удавалось как-то не цеплять ветви, но вот начался густой березняк, и душевая заработала вовсю.

Добро и тут не замедлило сказаться. Пересекая небольшую полянку, маленький пятачок, Алексей Палыч и Борис увидели нечто, похожее на сон. На полянке, совсем не скрываясь, стояли белые грибы. Их было много. Так много, как это грезится иногда грибникам; они мечтают об этом всю жизнь и мысленно «проигрывают» мечту примерно в таких словах:

«Иду, понимаете... ну, иду и иду... Попадается мало. Вижу — в стороне полянка. Думаю: свернуть — не свернуть. Как будто меня что толкнуло — свернул. Выхожу на край, а там... Куда ни посмотри — шляпки, шляпки, шляпки... Все как на подбор! Не молоденькие, не старые, а самые средние — то что надо. Думаю — как же это другие

мимо прошли? А сам уже слышу — в стороне: «Ау! Ау!». Поставил корзинку посередине и начал щелкать. Думаю: только бы успеть, только бы никто не подошел. Уже корзинка с верхом, а все новые открываются. Ну, рубашку, конечно, снял, завязал рукава... Набил рубашку, больше собирать некуда. Что делать? Оставлять до слез жалко: в жизни ведь такого больше не будет. А ничего не сделаешь, пришлось оставить. На другой день вернулся — шиш, все обобрали. Но зато дорвался, вот уж дорвался! На всю жизнь запомню!»

Ребята тоже, конечно, видели эту поляну. Но никто из них не был грибником, да и грибы вчера себя довольно здорово скомпрометировали.

Забегая вперед, надо сказать, что поляна эта виделась Алексею Палычу еще долгие годы. Впоследствии он начал даже сомневаться — реально все это было или во сне. Борис же, для которого собирательство смысла особого не имело, прошел поляну спокойно и даже поддал один гриб ногой.

Лжедмитриевна, шедшая впереди, отступила в сторону и остановилась, пропуская цепочку. У каждого она спрашивала что-то. Дошла очередь и до Бориса с Алексеем Палычем.

— Как дела? — спросила она. — Сильно устали?

— Не очень, — сказал Алексей Палыч, остановился и тут же понял, что этого делать было не нужно: ноги сразу стали тяжелыми, рубашка и брюки прилипли к телу холодным пластырем.

— А ты, Боря?

— Какая разница... — буркнул Борис. — А если я плохо себя чувствую, то что из этого?

— Давай я тебя подменю. Валентина понесет мой рюкзак.

— Не нужно.

— Ну и хорошо, — неожиданно легко согласилась Лжедмитриевна. — Я всегда знала, что ты мальчик мужественный.

— Вы мне еще отметку поставьте, — сказал Борис.

— Не стоит. Хватит того, что ты мне уже поставил. Держитесь, мальчики, я уверена, что скоро все кончится.

Лжедмитриевна легким шагом ушла вперед. «Мальчик» сорока пяти лет от роду смотрел ей вслед, недоумевая, отчего он вдруг так помолодел.

Борис фыркнул.

— Подлизывается.

— А смысл? — спросил Алексей Палыч. — Она-то уж от нас никак не зависит.

— Откуда мы знаем? Может, она еще что-то придумала...

Друзья пристроили ношу поудобнее и пустились догонять остальных.

Да, так уж складывалась у них жизнь в последние две недели: то они кого-то догоняли, то кого-то прятали, то от кого-то прятались сами.

Часа через три безостановочного хода устроили небольшую передышку. Спрятаться от дождя было негде. Даже мощные разлапистые ели уже насытились водой; с них падали крупные тяжелые капли. Поэтому остановились на открытом месте, сбросили рюкзаки, но даже не сели: если стоять, мокрая одежда не так липла к телу.

Мартышка подошла к Борису.

— Устал?

— Нормально.

— А я жутко устала, — вздохнула Мартышка. — Я внутри будто вся пустая. И немножко ноги дрожат. Ты не знаешь, от чего?

— От голода, от чего же еще.

Ноги у Бориса тоже ослабли, но он в этом не признался.

— А ты сколько в жизни больше всего не ел? — спросила Мартышка.

— Чего? — не понял Борис.

— Голодал когда-нибудь? Сколько дней?

Мартышка не улыбалась, не пожимала плечами, не играла бровями, из голоса ее исчезли многозначительные интонации. Перед Борисом стояла мокрая, голодная девочка с осунувшимся лицом. С такой девочкой разговаривать было нетрудно.

— Никогда я не голодал, — сказал Борис. — Часов шесть — самое большее.

— И я тоже. Дома у нас всегда еда стоит готовая — кто захочет, тот сам себе греет.

— А что ты больше всего любишь? — спросил Борис, и следует отметить, что это был первый вопрос, который он задал Мартышке впрямую.

— Ой, ты не поверишь! Я люблю манную кашу. На молоке.

— Смешно, — сказал Борис. — Я тоже. Только на молоке она или нет, я не разбираю.

— Когда мы вернемся в город, — почему-то шепотом сказала Мар... Впрочем, пожалуй, пора писать: сказала Марина, — ты придешь ко мне в гости и мы будем есть манную кашу.

Борис с подозрением взглянул на Марину: опять она за старое? Она улыбнулась, но без того загадочного выражения, которое так раздражало Бориса в девочках.

— Я пошутила. Но в гости ты придешь? Да?

— Посмотрим.

Борис тоже улыбнулся — в одну десятую силы, но для Бориса это было равносильно оглушительному хохоту.

Может быть, они еще бы немного поговорили и обменялись еще парой улыбок, но со стороны ребят, собравшихся кучкой, донесся легкий шумок. Это Шурик затеял очередной скандал.

— Разделить и съесть, — настаивал Шурик.

Его уговаривали, говорили, что все в одинаковом положении, что это хоть ничтожный, но резерв, который может пригодиться ослабевшему больше всех; с таким же успехом можно было пытаться теннисным мячом пробить кирпичную стену.

— Тогда отдайте мою долю! — орал Шурик. — Во мне уже ни одной калории нет, а я больше всех вешу!

— Да отдай ты ему всё, Валентина, — сказал Стасик и довольно метко сплюнул на левую кеду Шурика.

— Сейчас — разбежалась, — сказала Валентина.

Она достала из рюкзака семь печенин и семь конфет «Старт», долго колдовала над ними на пенечке, накрыв их от дождя своим телом. Веник крутился рядом, словно знал, что при делении семи на девять получается число иррациональное и ему что-то должно остаться от этой бесконечной дроби. Но досталось Венику на сей раз только облизать пень.

Алексей Палыч, Лжедмитриевна и Борис попытались отказаться от своей доли. Стасик заявил, что тогда тоже есть не будет. Остальные поддержали микроголодовку. Даже Шурик. После длительного раздумья он сообщил, что тоже как бы вроде этого...

Над полянкой грянул смех. На какое-то время у всех улучшилось настроение и самочувствие, как будто вдруг выглянуло солнце или с неба свалился ящик с тушенкой.

Когда уже начали надевать рюкзаки, Шурику пришла в голову новая мысль. Как и люди в лесу, мысли Шурика бродили одними тропами: любая идея сводилась к тому, как бы облегчить себе жизнь.

— А зачем мы все это несем? — спросил Шурик. — Еды все равно нет, зачем нам чашки-ложки? Я вообще предлагаю выбросить все лишнее и пойти налегке. Оставить палатки и спальники, остальное — на мыло. Даже рюкзаки можно бросить. Быстрее дойдем куда-нибудь.

— Мы же собирались продолжить поход, — сказала Валентина. — Купим продуктов и вернемся в лес. Да и вообще: разве тебе не жалко всего? Ты что, никогда больше в поход не пойдешь?

— Чего мы будем продолжать в такую погоду! Дома тоже неплохо.

— Значит, хочешь идти налегке? — спросил Стасик.

— Желательно.

— Валентина, возьми у него рюкзак.

Валентина подошла к Шурику и взвалила его рюкзак себе на спину.

— Ну что ты, что ты... — сказал Шурик, помогая Валентине просунуть руки в лямки. — У меня ведь тяжелый. Справишься?

— Не твоя забота, — ответила Валентина и первой двинулась в лес.

Ни ребята, ни Лжедмитриевна больше ничего Шурику не сказали. Ему было стыдно. Немного. Но зато стало намного легче. Он понимал, что этого ему не простят. Но это будет потом. А легче стало сейчас. Но поскольку мыслями Шурика управлял желудок, а это не то место, где помещается совесть у человека, то не будем судить его слишком строго. Просто запомним, что его опасно брать в любые походы. Даже на сбор металлолома опасно брать Шурика.

«Как же они его проглядели, когда готовились? — подумал Алексей Палыч. — Впрочем, ничего удивительного. Из моих учеников многие живут двумя, даже тремя жизнями; имеют три лица соответственно: одно для дома, другое для школы, третье для приятелей».

После короткого отдыха идти стало ничуть не легче, даже тяжелее. Жалкими крохами желудок обмануть не удалось, наоборот, они только разбудили его. Алексей Палыч чувствовал себя так, будто из него вынули все внутренности, оставили только скелет и кожу: кожу — для того чтобы она ощущала холод мокрой одежды, скелет — для поддержания шеста, на котором висел груз.

И еще раз подивился Алексей Палыч ребятам, которые не жаловались и не ныли, а шли вперед и даже надеялись продолжить поход.

— Ты очень устал? — спросил Алексей Палыч.

— Так себе, — ответил Борис. — Вы-то, наверное, сильней устали...

— Почему?

— Ну... — сказал Борис, — так просто...

— Между прочим, в школе я иногда уставал больше. Ты знаешь, нервная нагрузка...

Алексей Палыч не успел объяснить своему ученику, что от нервного напряжения часто устают больше, чем от самого тяжелого физического труда: он споткнулся. На этот раз Борис не смеялся. Он помог Алексею Палычу подняться, подал ему конец шеста.

— Черт знает что! — сказал Алексей Палыч. — Ты понимаешь, мне почему-то кажется, что ходить по лесу в очках просто смешно.

Борис промолчал. Мокрый, взъерошенный Алексей Палыч был совсем не похож на того учителя, которого он знал раньше. Этот выглядел похуже, но был почему-то ближе.

— Ты знаешь, — заговорил Алексей Палыч, когда они двинулись дальше, — вместо очков теперь стали делать контактные линзы. Они пристраиваются на глазное яблоко и...

Тут Алексей Палыч снова споткнулся, но на этот раз удержался на ногах.

— Вы лучше поменьше разговаривайте, — посоветовал Борис. — От этого только больше устанете.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Алексей Палыч.

Первым бутылку заметил шедший впереди Шурик. Она стояла возле камня, и это был несомненный признак обитаемости здешнего мира. Бутылка была без наклейки, возраст ее определению не поддавался. Призвали на консультацию Алексея Палыча, но тот только пожал плечами.

— Стекло практически сохраняется вечно. Ее могли оставить и сто лет назад.

— Сто лет не могли, — возразил Шурик. — Это бутылка из-под пива, а раньше были не такие бутылки.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил Гена.

— У меня отец жутко пиво любит. А я посуду сдаю...

— Молодец, — сказал Стасик. — Ну а теперь вот что: потрепались и хватит — бери свой рюкзак.

— Да я ему не отдам, — сказала Валентина.

— Ну, тогда — у Марины.

— И я не отдам.

— Девочки, — сказал Стасик, — дело не в рюкзаке, а в воспитании человека. Если он сам не понимает...

Но никто так и не согласился уступить Шурику свою ношу. Шурик понимал, что как раз в этом и заключалось само наказание. Надо было бы ему извиниться, и его бы простили. Можно было даже соврать, что он пошутил, а теперь видит, что шутка слегка затянулась. Но он ничего такого не сделал, и с этого момента Шурик исчез, испарился как личность и превратился в балласт не только для группы, но даже для весьма покладистого Алексея Палыча.

Бутылка сделала свое дело: не более чем через час группа вышла на лесную дорогу. По виду ее нельзя было сказать, что ею часто пользовались: в еле заметных колеях она заросла травой, между колеями успели вырасти скороспелые ольховые побеги; кое-где дорогу перечеркивали рухнувшие деревья — она была непроезжей не только для автомобиля, но даже и для телеги.

Но это уже не имело значения, ибо дороги, подобно рекам, имеют привычку впадать одна в другую и в конце концов приводят к людям.

Осталось решить, направо идти или налево. Поскольку в группе не было ни одного левши, разногласий не обнаружилось, и повернули направо.

Шурик заявил, что он пойдет вперед, на разведку. Никто и никак на это не отозвался. Все понимали, что начинается легкое повиливание хвостом, но вилять уже было поздно.

Идти по дороге было значительно легче. И вообще, с бутылки пошла полоса удач: сама бутылка, дорога, а теперь еще и низкие грязные облака приподнялись над лесом, и в редких разрывах стало проглядывать солнце.

Веник тоже почувствовал перемену обстановки и настроения. Словно зная, что ребята теперь никуда не свернут, он убежал далеко вперед. Он, единственный, не презрел Шурика и помахал ему хвостом, пробегая мимо.

Ребята шли час и другой, но дорога не менялась; иногда она спускалась в ложбинки, к небольшим ручьям, через которые были перекинуты сгнившие кладки, иногда поднималась на небольшие пригорки, но по-прежнему кругом стоял сплошной лес.

В лесу не было человеческого духа. Ничего не попадалось такого, чего человек никогда не швырнет на пол своей комнаты, но охотно бросает в лесу: бутылки, консервные банки, обрывки бумаги, пачки из-под папирос или сигарет. Чистый лес, конечно, видеть приятно, само по себе это прекрасно, но у Алексея Палыча начали возникать некоторые сомнения: если поблизости живут люди, то какие-то следы оставят они в лесу.

Сомнения Алексея Палыча были тут же развеяны воплями Шурика. Он мчался навстречу группе и радостно орал:

— Деревня!.. Деревня!..

Веник тоже прискакал за ним вслед. И у него был возбужденный и радостный вид. Он лаял, подпрыгивал и пытался лизнуть руку Валентины. Валентина подставила ему щеку, которую Веник с наслаждением облизал. На Шурика она, как впрочем и остальные, внимания не обратила. Не удалось Шурику спекульнуть на хорошей новости. Все прекрасно понимали, что если впереди деревня, то Шурик тут ни при чем, к ней выйдут и без его помощи.

Лес впереди посветлел, начал редеть. Ребята вышли на открытое место и километрах в полутора увидели деревню. Она расположилась на взгорке, были хорошо видны дома и сараи, стоявшие вольготно, не впритык друг к другу.

Дорога, заросшая травой, подорожником, одуванчиками, вела прямо к деревне.

Алексей Палыч надел очки и сразу разглядел, что с одного конца к деревне подходят столбы связи. «Как минимум — телефон», — с удовлетворением подумал он.

— Побегу занимать очередь в магазин? — спросил Шурик.

Очень уж хотелось ему хоть чем-то быть полезным для ребят. Но группа уже отринула его окончательно.

— Займи лучше на автобус, — посоветовал Стасик. — Для себя лично.

— Может быть, не ходить всем, а послать только за продуктами? — предложила Валентина.

— Нет, нет, — поспешно вмешался Алексей Палыч. — Деревня небольшая, в ней может и не быть магазина. Придется покупать у местных жителей, а это гораздо сложнее. Потом, знаешь, как бывает в деревенских лавках, придешь, а продавщица ушла корову доить или на свадьбу. Нет, пойдем вместе.

Алексей Палыч взглянул на Лжедмитриевну. Вот сейчас-то и нужна была ее поддержка. Если, конечно, не наврала она ночью, что решила прекратить поход.

— Идем все, — сказала Лжедмитриевна.

Очевидно, Бюро прогнозов выполнило свою дождевую норму и теперь снова выпустило солнце на небо. Низкие серые облака сменились мощными кучевыми. Небо стало высоким и синим. Сверху лилось тепло. Мокрая одежда нагрелась и парила.

Деревушка была небольшая — домов пятнадцать. В ней и в самом деле могло не оказаться магазина. Но в какой русской деревне не найдется молока и картошки для усталых и голодных прохожих?

Первым неладное почуял Веник. Из головы цепочки он перешел в хвост и понуро плелся сзади.

Мысленно Алексей Палыч был в деревне уже пятый день и потому неладное он почувствовал вскоре после Веника. Некоторое время ему удавалось кое-как себя уговаривать: не слышно петухов — нечего им орать в середине дня; не мычат коровы — пасутся они сейчас где-то в стороне; не слышно людских голосов — работают люди в поле...

Но уже не доходя до деревни нескольких сотен метров все стало ясно.

Заросшая травой дорога перешла в заросшую травой улицу.

Группа медленно брела по центральной и единственной улице. По бокам ее стояли столбы с оборванными проводами. Повалившиеся палисады догнивали перед безглазыми домами. Кое-где в оконных переплетах поблескивали осколки стекол. Крыши домов поросли мхом ядовито-зеленого цвета или обрушились. Бревна, из которых были сложены срубы, посерели, растрескались по торцам. Некоторые дома сильно покосились. А всякие сараюшки и пристройки для скота завалились, наверное, уже давно.

Лет уже пятнадцать, пожалуй, как бросили эту деревню.

А вот магазин здесь все же имелся.

Один из домов был когда-то наполовину жилым. Над второй половиной висела жестяная вывеска в деревянной рамочке. Краской, бывшей когда-то синей, на ней кривоватыми буквами выведено «ПРОДМАГ» и нарисована не то ромашка, не то шестеренка.

Дверь «продмага» вывалилась наружу.

Алексей Палыч обратил внимание на то, что именно у этого дома заканчивалась линия столбов. Положив свой шест на землю, он подошел к дому и попробовал пальцем бревно сруба. Палец ушел в гнилое дерево, как в торф. Покачав головой, Алексей Палыч осторожно наступил на дверь. Она выдержала, не провалилась. Пол кряхтел, но тоже выдержал. Лучше всего в помещении сохранились пустые полки, на которых когда-то хранились продукты. В приличном состоянии был и прилавок. Что надеялся тут найти Алексей Палыч? Ничего. Просто хотел убедиться, что полоса везенья кончилась, а робкий огонек надежды был затушен чьим-то могучим дуновением.

И все же он нашел то, к чему так давно стремился.

Словно в насмешку, на стене помещения висел телефонный аппарат. Он и выглядел даже довольно прилично, будто кто-то специально посещал эту деревню, ухаживал за аппаратом, протирал его для того только, чтобы поиздеваться над Алексеем Палычем.

Алексею Палычу так хотелось, чтобы телефон зазвонил, что если бы это случилось, несмотря на оборванные провода, он бы поверил. Но у телефона и трубки не было.

Алексей Палыч вышел на улицу. Ребята, скинув рюкзаки, сидели прямо на дороге. Во взглядах их было ожидание, словно Алексей Палыч мог вынести из лавки какие-то новости.

— Переселились уже давно, — сказал Алексей Палыч. — Переехали, наверное, на центральную усадьбу, в новые дома. Никто не хочет теперь жить без газа, без электричества. Конечно, в домах что-то осталось, но, сами понимаете, ничего съедобного. Может быть, в огородах сохранилась картошка... Хотя вряд ли: за такой срок она давно выродилась.

— Я сбегаю посмотрю, — поспешно отозвался Шурик.

Алексей Палыч не был уверен в том, сумеет ли Шурик отличить картофельную ботву от прочей зелени, и хотел сходить сам, но тут же вспомнил, что сейчас всего лишь начало июня.

— Не надо, — сказал он. — Я забыл, что в это время никакой картошки еще не может быть. Давайте думать, что делать дальше.

— Идти, — сказал Стасик.

— Куда? Опять на север?

— Нужно искать дорогу, — сказал Гена. — Люди тут жили? Продукты им привозили? Сами они куда-то ездили? Должна быть еще дорога.

— Точно, — сказал Стасик. — Они же отсюда по дороге ехали, а не по воздуху. Надо обойти деревню кругом.

Шурик опять заегозил, стал доказывать, что на разведку лучше всего послать его. Видно, калорий в нем оставалось еще немало. Но услуги его отвергли.

— Ты вышел из доверия, — сказал Стасик. — Если бы здесь ходил автобус, тебя бы отправили домой. Гена, пойдем сходим.

Стасик и Гена ушли. Вернулись они через полчаса.

— Другой дороги нет, — сообщил Стасик.

— Надо было идти не направо, а налево, — сказал догадливый Шурик.

— Я всегда говорил, что ты умница, — мрачно сказал Стасик. — Что будем делать, Елена Дмитриевна?

— Кто плохо себя чувствует? Кто не может идти? — спросила Лжедмитриевна.

Никто не отозвался.

— Очень жаль, но ничего другого нам не остается: придется вернуться и двигаться в другую сторону.

Где-то вдалеке возник и стал неторопливо приближаться басовитый гул.

— Ура! — заорал Шурик. — Трактор!

— Вертолет, — сказал Борис.

Вдали над горизонтом возникла черная точка. Она неспешно приближалась, увеличивалась в размерах; уже видно было зеленое брюхо с иллюминаторами, слышен прерывистый, тарахтящий выхлоп двигателя.

Ребята повскакали на ноги. Они размахивали руками, срывали с себя штормовки и крутили их над головами, кричали.

С вертолета их, конечно, заметили. Но то ли летчик оказался не слишком догадлив, то ли подумал,

что его так приветствуют, хотя в наши времена вертолетам не удивляются даже младенцы...

Вертолет пролетел над дальней околицей и невозмутимо стал удаляться.

— Дурак! — с обидой сказал Шурик.

Понурые ребята стали молча собираться в обратный путь.

Идти той же дорогой было противно, скучно и намного тяжелее, чем раньше. Теперь ребята несли не только свои рюкзаки, но и еще груз какой-то безнадежности. Они спускались в те же ложбины, поднимались на те же взгорки, и было ощущение, что они идут не то по по кольцу, не то по бесконечной дороге.

Прошло уже больше суток с тех пор, как ребята нормально поели. Сидя на стуле, можно, конечно, голодать и месяц. Сколько можно голодать с рюкзаками за спиной, никто не знал. Не знал этого и Алексей Палыч, который начал подумывать, что Лжедмитриевна выбрала не лучший способ прекращения похода.

От того места, где вышли на дорогу, путь до деревни занял часа два. Обратный путь растянулся уже на три. Наконец появились знакомые две сухие сосны, лежащие поперек дороги крест накрест. Это означало, что вернулись к исходной точке, что потеряно пять часов и, главное, — много сил потрачено напрасно.

Лжедмитриевна, шедшая впереди, остановилась, сбросила рюкзак.

— Полчаса отдых, — сказала она.

— А может, не будем отдыхать? — спросил Стасик. — В деревне отдохнули, так потом еще хуже стало.

— Все так думают?

— Все, — сказал Шурик. — Идти так идти.

— Одну только минутку, — попросил Стасик.

Он скинул рюкзак, направился к Чижику и прошептал что-то ему на ухо. Чижик согласно кивнул и тоже снял рюкзак. Затем они подошли к Валентине и, как она ни брыкалась, отняли у нее рюкзак. Потом с двух сторон подступили к Шурику.

— Руки... — сказал Стасик.

Шурик не сопротивлялся. Он послушно развел руки, и рюкзак оказался на его спине.

Получив пинок сзади, Шурик невольно сделал шаг вперед.

— Иди и не останавливайся, — сказал Стасик. — Еще один фокус и повесим на первой сосне.

— Ты еще у меня получишь, — не слишком уверенно сказал Шурик.

— Договорились, — согласился Стасик. — А сейчас иди и не падай. Если упадешь — пристрелим, чтобы не путался под ногами.

И снова потянулась заброшенная лесная дорога, снова приходи-

лось перелезать через упавшие деревья и отмахиваться от комаров, которые после дождя сильно взбодрились.

Теперь впереди шел Шурик. Словно постоянно ожидая пинка сзади, он ускорял шаги, и угнаться за ним было не просто. Вскоре он ушел вперед и скрылся из виду.

Алексей Палыч начал всерьез беспокоиться. Еще одна ночевка в лесу и, значит, еще одни голодные сутки могут оказаться не под силу ребятам. Да и для чего же он здесь? Ведь и пошел он для того, чтобы сделать что-то в минуту тяжкую. Сейчас эта минута настала, а он безвольно влачится сзади и ничего не предпринимает.

Алексей Палыч попросил Валентину подменить его у шеста и догнал Лжедмитриевну.

— Мне кажется, — сказал он, — надо действовать решительнее. Если мы к вечеру не выйдем на нормальную дорогу или в поселок, то кому-то надо идти за помощью.

— Я уже об этом думала. Но не к вечеру. Ребята сильно устали. Я наметила срок — два часа. Потом вы останетесь, а я пойду по дороге.

— Пойду я, — сказал Алексей Палыч.

— Но я выносливей и хожу быстрей вас.

— А я лучше сумею объясниться с людьми.

— Согласна. Правда, есть еще выход — оставить всё и идти налегке.

— Это половина выхода. Мы не знаем, сколько еще будет тянуться эта дорога...

Да, они не знали. Но скоро узнали. Минут через сорок дорога кончилась у опушки и пересеклась с нешироким проселком.

У обочины, оперевшись спиной на рюкзак, сидел Шурик и вертел головой то вправо, то влево, надеясь увидеть что-нибудь на дороге. Она была проезжей, но не очень накатанной. Видно было, что пользовались ею не слишком активно.

Ребята, скинув рюкзаки, попадали на траву. Как-то само собой выходило, что идти больше никуда не нужно, а следует ждать. Тем более что опять предстоял выбор: направо или налево, но ошибаться больше никому не хотелось.

— Пошли бы тогда налево, давно бы уже здесь были, — заметил Шурик, обращаясь к кучевым облакам.

Никто ему не ответил: это было ясно и так.

Через несколько минут ребята, разморенные солнцем, уже спали. Уснул и Борис, положив голову на свой тюфячок. Алексей Палыч и Лжедмитриевна остались караулить.

— Вы не раздумали закончить поход? — спросил Алексей Палыч.

— Нет, — сказала Лжедмитриевна. — Я все решила еще вчера.

— А если они захотят купить продукты и вернуться? Пока еще потеряны только сутки...

— Это может случиться. Я еще не знаю, как их уговорить.

— Прикажите.

— Нелогично. И трудно придумать причину.

— Скажите, что нет денег.

— Деньги у Стасика, он знает, что денег достаточно. Я надеюсь на вас, Алексей Палыч. Постарайтесь что-то придумать. Я, конечно, тоже буду думать, но такой вариант не планировался, я к нему не подготовлена.

— А если бы меня с вами не было?

— Тогда и рюкзак бы не утонул...

— Как это понимать? — с удивлением спросил Алексей Палыч. — Опять я во всем виноват? Или я снова чего-то не понимаю?

— Алексей Палыч, — Лжедмитриевна улыбнулась на сей раз совершенно ясно, но улыбка вышла виноватой, — не донимайте меня вопросами. Мне и так нелегко: я даже еще не знаю, что со мной сделают.

— А вот об этом вы начнете думать, когда ребята будут накормлены, — строго сказал Алексей Палыч.

— «Сначала думай о товарище, а потом о себе»? — спросила Лжедмитриевна. — Это я уже поняла, это ценная информация.

Откуда-то издали донесся тарахтящий звук.

— Вертолет? — спросила Лжедмитриевна.

— Трактор, — сонным голосом отозвался Борис.

Алексей Палыч поднялся и вышел на дорогу. С дальнего пригорка, отчаянно пыля, спускался колесный трактор с прицепом. Когда он подошел ближе, Алексей Палыч своим тощим телом преградил ему путь.

Трактор остановился. Из кабины высунулся парень в вылинявшей армейской фуражке.

— Далеко до деревни? — крикнул Алексей Палыч.

Парень зашлепал губами, но за грохотом мотора Алексей Палыч ничего не расслышал.

— До деревни!.. — заорал Алексей Палыч.

Скользнув взглядом по ребятам, разлегшимся на обочине, тракторист заглушил мотор.

— Привет, дядя, — сказал он. — Чего нужно?

— Далеко до деревни?

— Это до какой?

— До самой ближней.

— А тебе зачем?

— Да вот... заблудились...

— А вы откуда?

— Из Города.

Парень присвистнул и с сомнением оглядел мятый, порванный пиджак Алексея Палыча, почти недельную щетину на подбородке.

— Деревни, дядя, у нас тут нет. У нас отделение совхоза. Километров двадцать отсюда.

— Подвезите нас.

— Не могу.

— Я заплачу, — поспешно сказал Алексей Палыч.

— Дело не в заплачу. Ты видишь — полный кузов комбикорма. Куда я его дену?

— А машины здесь часто ходят?

— Не так чтобы... Да их тоже порожняком не гоняют, вы уж лучше на своих двоих.

— Дети очень устали. Кроме того, они голодают уже... двое суток. Им просто не дойти. Должны же вы понять... У вас тоже, наверное, есть дети.

— Еще не обзавелся, — усмехнулся тракторист. — Но детей я уважаю. Только сам видишь — кузов под завязку.

— Тогда подвезите меня до поселка.

— Это можно, — согласился тракторист. — Залезай.

Едва Алексей Палыч забрался на подножку, как почувствовал, что его дергают за штанину.

— Привезите продуктов, Алексей Палыч, — попросила неугомонная Валентина. — Мы здесь подождем. Стасик!

Протирая сонные глаза, подошел Стасик.

— Дай Алексею Палычу денег на продукты.

Алексей Палыч встретился взглядом с Лжедмитриевной. Она еле заметно кивнула. Он не понял — согласна она продолжать поход или просто хочет отобрать деньги. Но это не имело значения. Алексей Палыч уже знал, что сделает. Он взял у Стасика пакет с деньгами и уселся в кабине.

— Только никуда не уходите! — крикнул он ребятам. — Поехали, — сказал он трактористу.

— Поехали... — проворчал тракторист. — Это тебе не «жигуль».

Он слез, шнуром запустил пускач, залез в кабину, завел мотор, и группа скрылась в облаках пыли.

Алексей Палыч — герой и предатель

В кабине трактора было шумно, как в кабине трактора. Разговаривать нормально невозможно, приходилось кричать.

— Вы сможете съездить за ребятами? — крикнул Алексей Палыч.

Парень помотал головой.

— А кто сможет?

— Спроси у заведующего!

— Где он находится?

Парень пожал плечами. Алексей Палыч понял, что соревноваться с мотором бессмысленно, и умолк.

Показались дома поселка, — несомненно, жилые: одноэтажные имели ухоженный вид; присутствие людей в двух четырехэтажных домах выдавали простыни, рубашки и прочее белье, развешанное на балконах. Впрочем, на улицах сейчас никого не было, кроме ребятишек.

Проехали мимо одноэтажного кирпичного здания, разделенного вывесками на две половины — «Магазин» и «Столовая». Дверь магазина была перечеркнута железной полосой, замкнутой на замок; дверь столовой оказалась открытой. Первое обстоятельство очень понравилось Алексею Палычу, а в сочетание со вторым пока все складывалось прекрасно.

Парень приостановил трактор возле небольшого домика.

— Спроси в конторе, папаша. Может, он там.

— Спасибо, — сказал Алексей Палыч. — Я что-нибудь должен?

Парень засмеялся. Видно, современный обычай брать деньги за мелкие услуги еще не докатился до этих краев. А может быть, учитывая плачевный вид Алексея Палыча, сработал старинный принцип «с нищих не берем».

Алексей Палыч поднялся на три ступеньки и вошел в помещение конторы. В первой комнате за сдвинутыми столами сидели друг против друга две женщины и проигрывали на счетах обычную бухгалтерскую мелодию.

— Мне бы заведующего... — робко сказал Алексей Палыч, сознавая убожество своего внешнего вида.

Внешний вид был оценен как положено.

— Сезонников не берем, — сказала одна из женщин.

— Да я не сезонник... — начал было тянуть Алексей Палыч и тут же рассердился на себя. — Группа туристов попала в тяжелое положение, — сообщил он суровым тоном. — Нужно оказать им помощь.

— А при чем тут мы? — спросила вторая женщина и откинула одну костяшку на счетах.

— Здесь все при чем, все люди... — туманно, но достаточно грозно заявил Алексей Палыч. — Там дети!

Первая женщина вздохнула и тоже откинула костяшку на своих счетах.

— У меня их трое. Там он, — указала она на дверь во вторую комнату. — Только если вы насчет работы...

Алексей Палыч постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

Заведующий сидел за столом и вписывал что-то в разграфленный на клеточки лист бумаги. Был он чем-то похож на того директора школы, которому Алексей Палыч пытался рассказать правду. На сей раз Алексей Палыч в откровенности лезть не собирался. Но даже если все пойдет гладко, кое-что объяснить будет трудно.

— Здравствуйте, — сказал Алексей Палыч. — Не обращайте внимания на мой внешний вид, я прямо из леса.

— Да, — согласился заведующий, — видик у вас — будто корова жевала. Кто же вы будете?

— Я учитель, — сообщил Алексей Палыч. — Вот мои документы.

От паспорта заведующий не отказался. Он просмотрел его очень внимательно.

— Далековато вы забрели от Кулеминска...

— Мы шли не из Кулеминска. У нас, понимаете, туристский поход. Теперь мы попали в тяжелое положение. Нужна помощь.

— А при чем тут я?

— Там дети... — сказал Алексей Палыч. — Семь человек детей и двое взрослых, считая меня. Все без пищи уже около двух суток.

— Какая вам нужна от меня помощь?

— Необходимо доставить их сюда, накормить. Дальше посмотрим...

— Где вы их оставили?

— Там знаете... такая лесная дорога... Сначала мы повернули

направо, попали в заброшенную деревню, потом вернулись, вышли на проселок... Там они сейчас ждут.

— Ясно, — сказал заведующий, — вы вышли на Калинковский хутор. Поверни вы налево — через полчаса были бы на дороге. Разве у вас не было карты?

— Потерялась.

— А продукты тоже потерялись?

— Утонули при переправе.

— Странно. Целый мешок несчастий. Вы — начальник?

— Не совсем. Я как бы сопровождающий...

— Как бы... — задумчиво сказал заведующий. — Я вот думаю, что мне вас доставить не на чем. У меня всего три бортовых машины, и все в разгоне. Вернутся поздно.

— А нельзя ли на тракторе, с которым я приехал? У него большой прицеп.

— На тракторе... — заведующий поднял телефонную трубку. — Дай мне ферму. Але, у вас там Семен разгрузился? Как разгрузится, пускай подъедет к конторе.

Заведующий положил трубку и пришлепнул ладонью по столу.

— Все. Посмотрим на ваших детей, какие они из себя. Деньги имеются?

— Да, — сказал Алексей Палыч и похлопал себя по карману, где лежал плотный конверт.

— Очень хорошо. Столовая работает до девятнадцати, магазин откроется в шестнадцать часов.

И вот теперь начиналась самая трудная часть разговора.

— Лучше бы он совсем не открывался, — вздохнул Алексей Палыч.

— В каком смысле? — удивился заведующий.

И тут Алексей Палыч ступил на тропу недомолвок и мелких увёрток. Он понимал, что на фоне жеваного пиджака, помятой внешности и порванной кое-где одежды все его доводы будут выглядеть одинаково несолидно — будет ли он говорить правду или устраивать слалом на трассе извилистой лжи. Он просто надеялся, что заведующий поверит без особых доказательств, и выпалил сразу самое главное:

— Нам необходимо вернуться в Город.

— На здоровье, — сказал заведующий. — Завтра в десять утра пойдет автобус. До электрички километров сорок. Завтра будете в Городе.

— Ребята не захотят возвращаться. Они, скорее всего, решат закупить продукты и продолжать поход.

— Опять же — на здоровье. Закупайте и продолжайте.

— Этого делать нельзя, — сказал Алексей Палыч. — Понимаете,

в группе с самого начала все шло как-то не так. То спички пропали, то мазь от комаров, то карта. Наконец, — продукты. Поход не сложился, как говорят. В группе начались конфликты, трения. При такой обстановке идти дальше нельзя...

— Так не идите, пускай командир даст распоряжение вернуться.

— Это не так просто, — сказал Алексей Палыч. — Решение надо как-то мотивировать. А мои соображения — это только мои соображения. Кроме того, руководитель не я, а другая девушка... — сказал Алексей Палыч и не сразу понял, отчего это вдруг заведующий расплылся в улыбке.

— Пускай другая девушка и прикажет, — весело сказал заведующий.

— У нее тоже мало оснований.

— Ну знаете, в ваших основаниях мне не разобраться. Вы что-то не договариваете?

— Не договариваю, — честно сказал Алексей Палыч. — Но я просто прошу вас мне поверить, как учителю... Группу нельзя пускать дальше.

— Но я-то что смогу сделать?

— Вы можете приказать не открывать магазин. Поедим в столовой.

— Приказать... — усмехнулся заведующий.—Могу сказать Клавке, чтобы не выходила. Она только рада будет. Вам это поможет?

— Очень. Но это не главное. Нужно получить какое-то сообщение из Города, что-то вроде приказа возвращаться.

— В Город вы позвонить не можете. У нас местная линия.

— Я не собираюсь звонить, — заявил Алексей Палыч. — Если уж у нас с вами пошел честный разговор, то никто такого сообщения из Города послать не может: там совершенно не знают обстановки. Это сообщение я напишу сам...

— Ясно, — сказал заведующий. — Липовая телефонограмма. Я в этом участвовать не буду. Завтра же об этом будет известно по всему району. Допустим даже, что я вам верю, но вы уезжаете, а я остаюсь. И мне с этими людьми работать.

— Я вас не прошу ничего сообщать или подтверждать. Скорее всего, никто, кроме ребят, об этом не узнает. Я просто прошу вас молчать, если при вас об этом зайдет разговор.

— Да врите сколько хотите, — сказал заведующий и оглядел Алексея Палыча, словно видел его впервые. — Слушайте, а вы на самом деле учитель? В паспорте ведь этого не написано.

— Мне трудно вам доказать. После всего сказанного честному слову вы можете и не поверить...

— Могу, — согласился заведующий. — А вот в кулеминской школе уборщицу как зовут?

— Ефросинья Дмитриевна! — с торжеством выпалил Алексей Палыч.

— Верно! — обрадовался заведующий. — Она родом с Калинковского хутора. А директор школы у вас кто?

— Брыкин Илья Иванович.

— Куда же Костомаров делся?

— Ушел на пенсию.

— Тоже верно, — сказал заведующий и подмигнул Алексею Палычу. — А ты говоришь — не написано...

Под окном, грохоча, остановился знакомый трактор с прицепом. Заведующий поднялся из-за стола и вышел на улицу. Алексей Палыч, приосанясь, прошел мимо бухгалтерш, но не удостоился даже поднятия головы ни той, ни другой.

— Как ты его уговорил, батя? — прокричал тракторист, когда Алексей Палыч уселся справа от него.

— Дети! — крикнул Алексей Палыч.

— Точно, — согласился парень. — Даже дорожный знак есть такой. Ты не думай, что я жлоб какой. Без разрешения не имею права.

На этот раз ребята не спали. Завидев трактор еще издали, они стали подниматься и подтаскивать рюкзаки поближе к дороге.

Тракторист развернулся и, не глуша двигатель, крикнул:

— Вали всё в прицеп! На борта не садиться!

Перевалив рюкзаки в кузов, ребята забрались и уселись прямо на дне прицепа. Там еще оставалось достаточно комбикорма, и влажная одежда быстро набрала серо-коричневой пыли. Из солидарности, не желая выделяться, Алексей Палыч тоже залез в прицеп. Комбикорм не украсил и его. Но грязновато-истощенная оболочка учителя сохраняла в себе прежний ум. Подпрыгивая на досках днища, Алексей Палыч напряженно думал. Что-то не нравилось ему в этой липовой телефонограмме, как-то неубедительно все выглядело. Кто и с какой стати должен ее сюда прислать? Почему именно ему?

Прицеп подпрыгнул. Алексей Палыч оторвался от днища, повисел в воздухе, приземлился на пятую точку и — придумал! Все было просто, логично, неоспоримо и абсолютно однозначно. Не сваливая на какое-то неизвестное ему городское начальство — он даже не знал, как зовут директора школы, — Алексей Палыч решил принять удар на себя. Каковы будут последствия для него лично, он не загадывал. Кроме того, ему было заранее стыдно. Но это придется пережить.

Итак, Лжедмитриевна, если не врет, сделала половину дела. Он доведет его до конца. Тракторист подвез ребят прямо к столовой. Пока выгружали рюкзаки и выгружались сами, подошел заведующий. Он постоял, посмотрел и направился к Алексею Палычу.

— Это и есть ваши голодающие?

— Они самые. Огромное вам спасибо. Я не знаю, дошли бы они сами...

— Дошли бы, — сказал заведующий. — Хотя видик у них тоже не очень. Можно было, конечно, оставить груз... Или — солдат оружия не бросает?

— Вроде того... — согласился Алексей Палыч.

— Магазин сегодня не откроется. Но вот завтра — не знаю как быть.

— Ничего не нужно, — поспешно сказал Алексей Палыч. — И никаких телефонограмм. Я нашел другой выход.

— Ну и прекрасно. Ночевать здесь будете, наверное? У нас тут что-то вроде общежития... так... времянка — строители жили. Вон там, возле водонапорной башни, видите? Ночуйте, там не заперто. Я скажу, чтобы вам к вечеру молока поднесли. Ведра хватит?

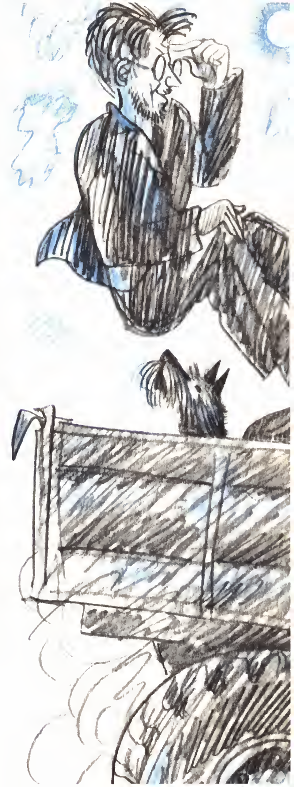
— Большое спасибо. Но может, не стоит?

— Спасибо скажете, когда попьете. Вернетесь в Кулеминск — привет Ефросинье. Идите подкрепляйтесь. Вещи можете оставить здесь: у нас не только у чужих, у своих не воруют.

Заведующий сел в кабину трактора и укатил в неизвестном направлении.

Лжедмитриевна и ребята стояли у двери столовой и ждали Алексея Палыча. Один лишь Шурик убежал «занимать места», хотя в столовой было совершенно пусто.

Когда вошли в помещение, оказалось, что довольно пусто и в

меню: нечто красноватое под именем «борщ», кругловато-сплюснутое под названием «зразы» и кисель праздничного красного цвета.

Шурик первым оказался у раздачи.

— Половинку? — привычно спросила девушка-раздатчица.

— Два полных.

Девушка поболтала в котле черпаком, налила две тарелки и плеснула в них по восемь молекул сметаны.

— Зразы с рожками? с гречей?

— С рожками и с гречей! — сказал Шурик.

Шурик отнес два полных обеда на стол, вернулся за хлебом и киселем. Он уселся и начал есть первым. Это была его очередная ошибка. Больше за стол к нему никто не подсел.

Алексей Палыч думал, что ребята набросятся на еду жадно, и даже хотел их предупредить, чтобы они не брали помногу для первого раза. Но ребята слишком переутомились и переголодали. У них было уже то состояние, когда чувство голода притупляется, оно придет позже. Сейчас же они довольно лениво съели по одному первому, а два вторых кое-кто не доел. Алексей Палыч и Лжедмитриевна удовлетворились нормальными обедами.

— А Венику? — сказала Валентина. — Алексей Палыч, можно я возьму для него два вторых?

— Это собаке, что ли? — спросила раздатчица. — Вот у нас объедков ведро полное. Бери. Или он у вас объедки не ест? У нас к бригадиру брат приезжал с собакой — дог называется. Так он ей какао варил...

— Наша все ест, — гордо сказала Валентина.

Веник, лежавший у открытой двери, все слышал и понимал. Неизвестно, в каком обществе он воспитывался, но у него, видно, врожденная деликатность. Когда Валентина вынесла и вывалила ему груду объедков, он не набросился и не закопался в этой куче, а стал ходить вокруг и выбирать что повкуснее. Время от времени он обводил взглядом окрестность и ворчал в пространство. Помаленьку в дело пошло и то, что похуже. Груда не быстро, но неуклонно уменьшалась.

Существуют в природе животные, которые могут вместить в себя больший объем, чем их собственный. Змеи, например. Возможно, в Венике текли капли змеиной крови: груда все таяла, пока не растаяла до нуля. Веник слегка раздулся, но не настолько, чтобы вместить в себя всю еду. Если бы сейчас каким-то образом разделить Веника и съеденные продукты, то не получилось бы по объему прежней груды и прежнего Веника. Таким образом выходило, что закон сохранения вещества в системе «Веник — еда» не действует, и, будь у Алексея Палыча поменьше забот, как физик он обратил бы на это внимание.

Алексей Палыч подошел к девушке и расплатился за всех.

— Туристы? — спросила девушка.
— Да, вот идем... — ответил Алексей Палыч неопределенно.
— Напишите нам в жалобную книгу.
— У нас нет жалоб! — удивился Алексей Палыч.
— А вы благодарность напишите. Нам все приезжие пишут. Вот, посмотрите.

Девушка подала ему тетрадь, и Алексей Палыч скользнул взглядом по первой странице. Записи были неумолимо хвалебными:
«Ели очень вкусные зразы. Спасибо».
«Борщ очень понравился. Спасибо повару т. Мелентьевой».
«Очень хорошо приготовлены зразы. Вкусно и питательно. Спасибо».
«Борщ и кисель приготовлены хорошо».

Заглянув на последнюю из заполненных страниц, Алексей Палыч обнаружил там те же зразо-кисельные аплодисменты и, не мудрствуя, написал:
«Борщ, зразы и кисель очень понравились. Спасибо товарищам».
— Что будем делать, Алексей Палыч? — спросил Стасик.

Кажется, управление группой постепенно переходило к Алексею Палычу. Он знал, что это не надолго — до утра, не более.
— Очевидно, мы здесь заночуем? — сказал Алексей Палыч. — Вы согласны, Елена Дмитриевна?

Лжедмитриевна, ничего еще не знавшая о планах Алексея Палыча, тем не менее, согласилась довольно охотно.
— Разумеется. Сегодня мы никуда не можем идти.
— Нам предоставили дом для ночлега, — сообщил Алексей Палыч. — Идемте, я знаю, где он.
— А когда в магазин? — спросила Валентина.
— Он сегодня закрыт. Откроется завтра.
— А автобус сюда ходит? — спросил Стасик.
— Будет завтра в десять утра.
— Нам бы этого придурка отправить... — Стасик кивнул на Шурика.
— Это я не знаю, — сказал Алексей Палыч. — Это решайте сами. Но все равно — завтра. Пойдемте.

Было уже часов около шести вечера, когда подошли к бараку-времянке. Внутри, на дощатом щелястом полу стояли штук двадцать кроватей с сетками. Возле каждой кровати расположилась тумбочка. Где откопал завхоз эти тумбочки, Алексей Палыч понять не мог. Не иначе, в его распоряжении имелась машина времени, ибо за такими тумбочками нужно было посылать в начало нашего века. Но на некоторых кроватях сохранились матрацы, у ребят имелись спальники, и устроиться можно было почти как дома. Правда, не ради таких

ночлегов уходили они в поход, но тут уж ничего не поделаешь. Денек можно и потерпеть...

«Это они так полагают, что денек...» — подумал Алексей Палыч, ощущая себя вовсе не спасителем, а самым настоящим предателем.

Ребята начали устраиваться. Спальники оказались влажными, и их пришлось развесить снаружи для просушки. Кое-какая одежда уже высохла на теле, в ней можно было спать на матрацах. Ну а насчет подушек после таких испытаний говорить было просто смешно. Не успели устроиться, вошла женщина в белом халате с ведром, накрытым марлей.

— Здравствуйте, — сказала она, — парного молочка не желаете?

Все желали, да еще как! Мигом появились кружки. Ребята черпали прямо из ведра теплое молоко, пили, причмокивая, как телята, и вот тут-то пришла вторая волна голода и всем опять захотелось есть.

— Я сбегаю в столовую за хлебом? — предложил Шурик.

— Беги, — сказал Стасик.

— Тогда вы меня не отправите?

— Отправим. Ребята, чего резину тянуть? Давайте прямо сейчас проголосуем. Отправляем его завтра? Кто за?

Все ребята подняли руки, даже Борис, забыв, что он как бы гость.

— Алексей Палыч, а вы?

— Да я все же человек посторонний...

— Никакой вы не посторонний, — заявил Стасик. — Где бы мы сейчас были, если бы не вы! И «пушка» ваша всю дорогу работала...

Сам того не зная, Стасик вонзил в Алексея Палыча тупой и зазубренный кинжал. Это просто нестерпимо, что его признали своим именно сейчас. Никто еще не знает, что приготовил им «свой». Проделки Шурика по сравнению с задуманным — добродушные шутки.

— Конечно, Шурик вел себя не вполне достойно, — сказал Алексей Палыч. — Но я не имею права его судить. Я воздерживаюсь.

— А вы, Елена Дмитриевна?

— Голосовать я не буду. Я могу утвердить или не утвердить ваше решение.

— Ну и как же вы?

— Я утверждаю.

— За что вы его так? — спросила доярка, улыбаясь.

— Он знает за что.

— А вы простите...

— Предателей не прощают!

— Да какие еще из вас предатели. Дети — они не предатели и не герои, а просто дети. Я так думаю. Вот вы поспите, а утром опять все обсудите на свежую голову. Я вам утром еще молочка принесу. Только мы утром рано встаем. Я вот тут, в уголке поставлю.

Доярка ушла, попрощавшись. Борис, взяв у Алексея Палыча рубль, побежал за хлебом, но когда он принес две буханки, в ведре оставалась только его порция. Тем не менее, буханки съели. Без Шурика. Он объявил голодовку. Минут через пятнадцать ребята уже спали. Уснул и Борис. Лжедмитриевна сидела на своей кровати, смотрела на Алексея Палыча и, кажется, ждала от него каких-то сообщений.

— Давайте выйдем, — сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна послушно поднялась и направилась к двери. Алексей Палыч хотел было разбудить Бориса, чтобы для него не было завтра никаких неожиданностей, но пожалел. Борис спал в неудобной позе, чуть ли не поперек кровати, и был похож на солдата, свалившегося на поле боя. Алексей Палыч за ноги развернул его вдоль матраца, но он даже не шевельнулся.

Алексей Палыч вышел вслед за Лжедмитриевной и раскрыл было рот, чтобы поведать о задуманной им диверсии. Он все еще сомневался в Лжедмитриевне и боялся, что она все может испортить в последнюю минуту. Он не решался предсказывать ее поведение — мало ли какие еще имелись у нее в запасе инопланетные фокусы...

Итак, он раскрыл рот, но тут же его закрыл. Во двор, который и двором было назвать нельзя, потому что он был не огорожен, входили двое. Впереди шел знакомый тракторист, но уже без армейской фуражки, а в рубашке, разрисованной крупными ромашками, в расклешенных брюках, поддерживаемых широким наборным ремнем. За ним, отставая на полшага, влачился ассистент небольшого роста, неизвестно чему улыбающийся и неизвестно кому подмигивающий.

— Привет, — сказал тракторист.

— Приветик, — сказал ассистент.

— Как устроились? — спросил тракторист.

— Спасибо, отлично, — ответил Алексей Палыч.

Тракторист кивнул, словно подтверждая, что иначе и быть не могло.

— Ты, папаша, извини... — сказал тракторист.

— За что же?! — воскликнул Алексей Палыч. — Наоборот, мы вам очень благодарны.

Ассистент снова подмигнул и засмеялся. Но по роли слов ему, очевидно, отпущено было немного. Да и вообще присутствовал он не для дела, а для моральной поддержки.

— Спать ложитесь? — спросил тракторист.

— Да, собираемся.

— Ну, понятно, — согласился тракторист. — Вам, батя, конечно, отдохнуть не без пользы. А вы тоже спать будете? — поинтересовался он у Лжедмитриевны.

— Разумеется, — сказала Лжедмитриевна.

— Разумеется... — повторил ассистент и засмеялся.
— Восьмой час всего... — сказал тракторист. — Куры еще не ложились. В клубе кино уже идет, а потом танцы... Пойдемте в клуб, мы вас бесплатно проведем.
— Ну зачем же бесплатно... — сказал Алексей Палыч. — Мы в состоянии... Но дело в том, что...
— Мы вас приглашаем, — уже более настойчиво сказал тракторист. — Вы у нас вроде гостей. Неудобно все-таки...
Поначалу Алексей Палыч не сообразил, что неудобно — неудобно хозяевам не пригласить или неудобно гостям отказываться? Со свойственной ему деликатностью он воспринял прямой смысл слов, а не маскировку истины. Истина же заключалась в том, что атака велась не на него, а на Лжедмитриевну.
— Спасибо, — сказал Алексей Палыч, — но, знаете, мы не можем оставлять детей без присмотра.
— Это верно, — согласился тракторист. — Ладно, ты оставайся, папаша. А девушку отпусти. Отпустишь?
— Да я... — сказал Алексей Палыч. — Я собственно... Я ей не хозяин. Это уж как она сама...
— Тогда пойдемте, — обратился тракторист к Лжедмитриевне.
— Куда? — спросила Лжедмитриевна.
— На танцы. Да вы не бойтесь. У нас и диски есть и записи на уровне.
— А зачем?
— Что зачем?
— Танцевать.
К такому вопросу рядовой тракторист нашей планеты был не подготовлен.
— Не понял.
— Я спрашиваю: зачем вообще танцевать? Вот вы, например, зачем танцуете?
— Во дает! — сказал ассистент.
— Странный вопрос... — сказал тракторист, но задумался. — Для веселья. Все так делают. У нас даже старухи танцуют. У них, правда, свои танцы... А вы что, не танцуете?
— Нет, — честно призналась Лжедмитриевна. — Но вы не ответили на вопрос. Вы приглашаете меня на танцы. Какой в этом смысл? Что изменится от того, что мы будем двигаться под музыку вдвоем?
— Двигаться! — с восторгом сказал ассистент.
Тракторист был слегка ошарашен. Конечно, он прекрасно знал, что может выйти из того, когда двое «двигаются» под музыку, да еще не один вечер, да еще если с такой симпатичной девочкой, как эта. В свои двадцать три года, отслужив в армии, кое-что повидав, он

встречал еще и не таких шизиков. Но его смутила серьезность Лжедмитриевны. В словах ее не чувствовалось скрытой насмешки, она, кажется, и в самом деле хотела узнать.

— Ты учительница? — спросил тракторист.

— Нет.

Алексей Палыч не понял, продолжает ли Лжедмитриевна какой-то свой эксперимент или ей на самом деле захотелось выяснить смысл танцевального обряда, но тракторист был ему симпатичен и он решил вмешаться.

— Вы не сердитесь, товарищи, — сказал он, — но Елена Дмитриевна — руководитель группы. Она не имеет права оставлять ребят одних.

— Елена Дмитриевна! — сказал ассистент с непонятным воодушевлением.

Тракторист внезапно посуровел. Все признаки расположения к приезжим исчезли с его лица.

— Извините, — сказал он и, упрямо наклонив голову, быстро двинулся прочь.

— Вы не могли бы задать ему вопроса полегче? — спросил Алексей Палыч. — Парень вас выручил... На танцы можно не ходить, но... Или вы продолжаете какие-то незапланированные эксперименты?

— Нет, — сказала Лжедмитриевна. — Мне было самой интересно. Вот эти самые танцы... они не имеют логической основы... У нас их не могут понять. Но я спрашивала не для нас, а для себя лично. Вы знаете, Алексей Палыч, мне хотелось пойти на танцы. Просто иначе спрашивать я не умею. Но мне кажется, что я «заразилась».

— Вы плохо себя чувствуете?

— Чувствую я себя как раз хорошо.

— Чем же вы заболели?

— Я не заболела. Помните, я вам говорила, что некоторые наши исследователи, пожив у вас... как бы вам сказать... становятся похожими на ваших людей. Начинают думать самостоятельно, приобретают эмоции — заражаются. Как исследователи они сразу теряют ценность. Вот и я — тоже...

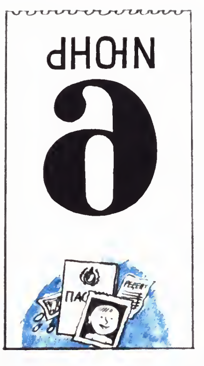
— Когда вы это почувствовали?

— Примерно тогда, когда утопила рюкзак.

— Прекрасно, — сказал Алексей Палыч. — Значит, теперь мы думаем одинаково. Поход прекращается окончательно и бесповоротно. Так?

— Да, — согласилась Лжедмитриевна, — но я пока не знаю как...

— А я знаю, — сказал Алексей Палыч.

Катастрофа

Алексей Палыч проснулся часов в восемь. Ребята еще спали. Наверное, и во сне они все еще продолжали идти: кое-кто за ночь успел развернуться на сто восемьдесят. Лжедмитриевна спала на боку, положив локоть под голову. Алексею Палычу показалось, что сегодня она выглядит совсем по-земному. Возможно, так виделось ему из-за вчерашнего разговора, но с этого момента имя «Лжедмитриевна» заменилось в его мыслях именем «Лена».

Алексей Палыч подошел к ней и потрогал за плечо.

— Будите ребят.

Лена поднялась, протерла глаза, скомандовала подъем и приказала идти умываться. Ребята, отдохнувшие и повеселевшие, побежали к колодцу. Алексей Палыч вздохнул. Взгляд его отыскал в углу ведро, накрытое марлей. На столе в большой чашке высилась куча вареной картошки и стояла солонка. Минут десять — пятнадцать можно было еще потянуть, чтобы не портить ребятам завтрак.

Весело переговариваясь, ребята чистили сваренную в мундирах картошку, запивали ее молоком и обсуждали, чего и сколько нужно купить в магазине. Алексей Палыч завтракать не стал. Ему казалось, что сидеть вместе со всеми и притворяться «своим» было бы пределом свинства.

Когда же все поели и Валентина вынесла несколько картошин и мисочку молока Венику, охранявшему их ночью, Алексей Палыч понял, что тянуть дальше нельзя. Он не знал, как начать разговор, но ему помогла Валентина. Она спросила:

— Алексей Палыч, когда открывается магазин?

— Магазин открывается в десять, — Алексей Палыч откашлялся. — Но купить мы ничего не сможем: я потерял деньги.

В наступившей тишине стало слышно, как поет заблудившийся в бараке комар. Алексей Палыч почувствовал, что краснеет, — ему было отчего краснеть. Борис мельком глянул на Алексея Палыча и отвернулся: он знал, что его учитель человек аккуратный. Но также он знал, что учитель его человек честный.

Молчание становилось невыносимым. Алексей Палыч легче перенес бы взрыв возмущения. Но все молчали. Только Шурик икнул — не то удивленно, не то сочувственно.

— Но вы платили вчера в столовой... — произнес наконец Гена.

— У меня были свои. Лучше бы я их потерял.

— Конечно, лучше, — сказал Шурик, который прекрасно помнил слова Алексея Палыча о «недостойном поведении».

— Заткнись! — заорал Стасик.

И Алексей Палыч понял, что кричат в данном случае не на Шурика.

— Я, конечно, все возвращу... — холодея от собственного нахальства, сказал Алексей Палыч. — Но сейчас у меня просто нет. Вот...

Алексей Палыч вынул из правого внутреннего кармана бумажник, выложил на стол паспорт, фотографию внука, рецепт на лекарство для жены и несколько бумажных купюр. В то же время левая часть его груди явственно ощущала давление левого кармана, где лежал плотный конверт с общественными деньгами. В том, что обыскивать его не будут, Алексей Палыч был абсолютно уверен.

— Вы нигде их не доставали?

— Нет, — охотно ответил Алексей Палыч, ибо сейчас он говорил чистейшую правду.

— Может, выронили, когда на тракторе ездили?

— Вчера вечером к нам заходил тракторист. Я у него спрашивал, — солгал Алексей Палыч: он не хотел, чтобы к парню прилипла даже крупица подозрения.

— У кого есть какие деньги? — спросил Стасик.

Ребята зашарили по карманам, начали выкладывать всякую мелочь. Шурик выложил целых три рубля. Стасик молча отодвинул их в сторону и пересчитал остальные. Даже с деньгами Алексея Палыча выходила довольно смехотворная сумма.

Именно в этот момент Алексей Палыч с трудом преодолел пик искушения: ему захотелось сунуть руку в карман, выложить деньги и сказать, что он пошутил; сдержался он с большим трудом. В мимолетном взгляде Бориса ему снова почудился какой-то укор. Но уж Борис-то должен был понимать...

— Значит, всё, — сказал Стасик.

И ни слова упрека...

— Я пойду, попробую поискать... — пробормотал Алексей Палыч и поспешно вышел наружу. Он больше уже не в силах был смотреть ребятам в глаза. И если настоящему вору краденое карман не жжет, то Алексей Палыч явственно ощущал, что левый его карман наполнен чем-то очень горячим.

Борис выскочил вслед за ним.

Алексей Палыч бесцельно бродил по двору, даже не пытаясь делать вид, будто что-то ищет. За ним по пятам следовал соскучившийся за ночь Веник. Он забежал вперед, полаял на Алексея Палыча, приглашая его поиграть, но этот хозяин почему-то не хотел ни бегать, ни бросать веточки, ни разговаривать.

— Деньги у вас? — спросил Борис.

— Ну конечно. Просто мне жалко было вчера тебя будить. А как ты догадался?

— Тут и догадываться не надо. Пиджак-то у вас был мокрый вчера... Карман обтянуло прямоугольничком, так этот прямоугольничек и сейчас остался.

— Ты меня осуждаешь?

— Не в этом дело, — сказал Борис. — Я просто подумал: а может, пускай они идут дальше? Зачем мы им будем поход портить? Вроде у них все нормально. А мы вернемся.

— Зачем тогда мы с ними пошли?

— Что пошли — правильно. Вернемся — тоже правильно.

— Ты знаешь, Боря, еще пять минут назад я мог сказать, что пошутил. Сейчас это невозможно. Мое самолюбие в расчет можно не принимать. Но сама Лена хочет во что бы то ни стало вернуться. Я пока не понимаю, почему... но... ее-то слово — закон.

— Ладно, — согласился Борис. — Я разве против. Меня уже дома, наверное, с собаками ищут. Я уже убегал один раз дня на три... Помните? Я вам говорил... К бабушке. Это когда телевизор стал чинить... Только тогда они знали, куда я убежал.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Лет уже много. Девять или десять...

— Да, я помню, — сказал Алексей Палыч. — Телевизор новый купили?

— Нормально. А вот сейчас — не знаю... Отец, он ничего... А мама — даже страшно становится.

— Я помню, Лена сказала, что искать тебя не будут. Кроме того, я послал телеграмму...

— Вы ей больше верьте, — хмыкнул Борис. — Вас и самих уже ищут, наверное.

— Да, — вздохнул Алексей Палыч, — это моя ошибка. Нужно было настоять, чтобы ты вернулся с конечной станции.

Когда заговорщики возвратились в дом, там, видно, только что закончился какой-то спор. Наверное, как понял Алексей Палыч, за это время родились новые варианты. Войдя, они услышали последнюю реплику Лены.

— Тогда вы пойдете без меня.

— И пойдем! — ответил Шурик, но и на сей раз ему не удалось проломить стену.

— Заткнись! — сказал Стасик. — Тебя не спрашивают. Тебя никогда вообще не будут спрашивать. Елена Дмитриевна, вы — серьезно?

— Стасик, — сказала Лена, и кроме твердости в ее голосе Алексей Палыч ощутил сочувствие, — вы все понимаете, что у нас нет другого выхода. Я знаю, что вам не хочется возвращаться... вы столько готовились... Ну, сходите в будущем году.

— С вами? — спросил Шурик.

— Заткнись, — сказал Стасик. — А в этом не выйдет?

— Вернемся — посмотрим.

— Когда моя мама говорит «посмотрим», это значит, что все будет завтра, — сказала Марина.

— А когда мой отец так говорит, то это значит, что никогда не будет, — откликнулся Шурик.

И тут послышался тихий голос Чижика.

— Р-ребята, — сказал он, — а д-денег н-на б-билеты у-у нас х-хватит?

И всем сразу стало ясно, что разговоры, и споры, и разные предложения были не более чем бесполезной вибрацией голосовых связок. Чижик поставил точку. Алексею Палычу вдруг пришла в голову совершенно абсурдная идея: а может быть, это не так уж плохо для человека, если он слегка заикается? Таких людей часто пытаются вылечить тем, что заставляют их произносить слова нараспев. Но еще неизвестно, что лучше — человек, распевающий свои недозрелые мысли, или такой вот Чижик, который сто раз подумает, прежде чем высказаться. За дни похода Алексей Палыч убедился, что только Чижик советовал всегда кратко и всегда точно. Он долго обдумывал, но зато потом говорил все в нескольких словах, и слова его были весомы.

«Заикание речи, — подумал Алексей Палыч, — это чепуха по сравнению с заиканием мысли».

Чижик и раньше нравился Алексею Палычу больше других, но только сейчас он это осознал полностью.

Чижик все и решил, ничего как будто бы не решая.

— Валентина, посчитай теперь ты, — сказал Стасик сурово, и это означало, что все уже кончено.

— Я не знаю, сколько стоит билет на автобус, — сказала Валентина, и это в свою очередь означало, что Валентина сдалась окончательно.

Алексея Палыча почему-то никто не спросил. Он, кстати, и не знал, сколько стоит билет. Шурик было мысленно заегозил и хотел сбегать, узнать, но внутренний его голос подсказал ему, что это бесполезно: прощения все равно не будет, да оно теперь и не нужно. Впереди замаячил Город, калорийная пища и спокойная жизнь до конца каникул. После каникул все утрясется — в этом Шурик был совершенно уверен.

До отправления автобуса времени оставалось уже немного.

Собирались и укладывали вещи в угрюмом молчании.

Скрипнула дверь. В образовавшуюся щель протискивал свою голову Веник. Какое-то неизвестное нам собачье чутье подсказывало ему, что дело неладно.

— А что делать с Веником? — спросила Валентина.

Никто не ответил.

— У меня совести не хватит оставить, — сказала Валентина, — его уже один раз кто-то бросил. Я заберу Веника с собой.

— Только потом на улицу не выбрасывай, — буркнул Стасик. — Я видел, как их сачками ловят. Привезут летом с дачи, поиграют недели две и выкидывают. С ними ведь не только играть, а еще гулять надо и кормить...

— Буду гулять и буду кормить, — сказала Валентина. — Верно, Веничек?

Веник подошел к Валентине, сидевшей у стола, и попытался положить голову на ее колени, но для этого он был слишком мал ростом. Однако это не мешало ему полизать Валентинины кеды.

На автобусной остановке было всего два пассажира. От них узнали, сколько стоят билеты, — выходило, что хоть и в обрез, но денег хватит и на электричку.

Алексей Палыч держался в сторонке — он не мог слушать этих разговоров. Он еще не представлял себе, как вернет деньги ребятам. Наверное, сунет кому-нибудь и убежит. Или попросит Лену, которая сегодня вела себя просто превосходно. Она и бровью не шевельнула, когда Алексей Палыч «сознался». А ведь он сказал ей еще вчера...

На остановке Борис стянул с себя свитер и подошел к Марине.

— Спасибо, — сказал он.

— Можешь оставить себе.

— Зачем? — нахмурился Борис.

— Ну, на память, — улыбнулась Марина.

— Может быть, ты мне еще и брюки подаришь?

— Господи, — вздохнула Марина, — до чего ты серьезный человек, Боря. Да я просто так говорю. Надо же мне что-то говорить. Настроение у меня плохое, ничего умного я придумать не могу, вот и болтаю. Ты зайдешь к нам в Городе?

— Зачем? — снова спросил Борис.

— Ну, знаешь!.. Вопросики ты задаешь!

— У меня настроение плохое. Дома ведь не знают, что я с вами пошел.

— А где же ты?

— Они вообще ничего не знают.

— Ты шутишь, — сказала Марина. — Так не бывает.

— Бывает.

Марина внимательно оглядела Бориса. Непохоже было, что у него шутливое настроение.

— Слушай, — сказала она, — давай вместе съездим к твоим родителям и все им объясним.

— А что мы им объясним?

Марина задумалась. В эту минуту подошел автобус, и шофер с ходу начал покрикивать, чтобы скорее садились.

— Мой адрес: улица Строителей, дом четыре, квартира сорок четыре, — сказала Марина. —Запомнить очень легко. Повтори.

— Строителей, четыре, сорок четыре, — машинально повторил Борис.

Запомнить нетрудно. Но это были последние слова, которые он сказал Марине не только в этот день, но и во все остальные.

Приехали

В электричке Алексей Палыч и Борис сели в отдалении от ребят.

Отношение к Алексею Палычу изменилось — это чувствовалось совершенно ясно: никто с ним не заговаривал, а он не напрашивался, молча переживал свой неблагородный поступок, совершенный из благородных побуждений. На Бориса тоже падала черная тень Алексея Палыча.

В автобусе Алексей Палыч успел сунуть конверт с деньгами в рюкзак Чижика: он был уверен, что Чижик никогда и ничего не теряет.

Отчуждение было совершенно явным. Получалось, что именно Алексей Палыч в конечном итоге угробил поход. Провинность Лены, наверное, уже забыли: с ней, во всяком случае, разговаривали.

— Боря, — сказал Алексей Палыч, — мы здесь уже ни к чему. Пойдем в другой вагон.

Они перешли в соседний вагон и уселись у окна друг против друга.

Молча смотрели они на струившуюся за окном стену леса. Казалось, все кончилось так, как они хотели. Но не было не только радости, а даже крошечного удовлетворения.

— Жаль, — вздохнул Алексей Палыч. — Хорошие ребята... Для них я на всю жизнь останусь жалким растяпой. А может быть, и похуже, когда они найдут деньги...

— Стойте, Алексей Палыч. — Борис даже подпрыгнул на сиденье. — А ведь получается, что деньги вы не теряли. Вы вообще ни при чем. Деньги украл Чижик!

— Почему? Когда он мог украсть?

— Элементарно. Ночью. Когда спали. Если бы вы сказали вчера...

Это простое соображение не пришло в голову Алексею Палычу раньше, потому что он сосредоточил свои мысли на том, как вернуть деньги. Он их вернул. Он остался честным хотя бы наполовину, но угробил хорошего парня.

— Я иду признаваться, — сказал Алексей Палыч.

— Подождите хотя бы до Города, — посоветовал Борис.

Алексей Палыч подумал и согласился. Не потому, что боялся расправы. Он боялся, что воскреснут надежды ребят и они захотят вернуться с полдороги.

В вагон вошла Лена, села рядом с Алексеем Палычем.

— Я пришла попрощаться, — сказала она. — Я понимаю, что вам, Алексей Палыч, встречаться с ребятами больше не хочется...

— Дело не в желании. Я говорил вам, что имеется такое понятие, как совесть.

— Я уже, кажется, начинаю в этом разбираться...

— Куда же вы теперь денетесь?

— Не знаю. Я ведь не выполнила программы — прекратила поход по своей инициативе.

— Вас накажут?

— Нет. Считается, что я лишена эмоций, а для такого... — тут Лена запнулась, взглянула на Алексея Палыча и усмехнулась, — такого... человека наказание не имеет смысла. Но конечно, у НАС прекрасно знают, что я зара...

И тут Лена прервалась на полуслове. Ее лицо словно окаменело. Она выпрямилась, застыла на сиденье и стала похожа на прежнюю Лжедмитриевну. Но застывшее лицо было напряженным, словно она вслушивалась во что-то, как тогда, ночью, перед переправой.

— Что с вами, Лена? — спросил Алексей Палыч.

— Подождите, — коротко бросила Лена.

Алексей Палыч в удивлении минуту промолчал, переглянулся с Борисом, как бы проверяя, видит ли его ученик то же самое, что и он. Борис пожал плечами. Он по-прежнему не ждал от Лены ничего хорошего.

— Елена Дмитриевна... — начал Алексей Палыч, но его прервали.

— Помолчите же!

У Алексея Палыча промелькнула догадка, совершенно справедливая, как скоро и оказалось. Постепенно лицо Лены утратило напряженность, но на нем появилась растерянность, недоумение, даже что-то вроде обиды, — в общем, кое-что из набора чувств, в которых так нуждалась ее упорядоченная планета.

— Другого я и не ждала, — сказала Лена.

— Будут еще неожиданности? — спросил Алексей Палыч.

— Ну, первое для меня не такая уж неожиданность... А второе...

Ладно, это мое дело. А вы, Алексей Палыч, можете не беспокоиться, что подумают о вас ребята. Их уже нет.

Алексей Палыч похолодел.

— Как нет?

— Так. Не существует.

Алексей Палыч вскочил.

— Боря, оставайся на месте! — приказал он и бросился в другой вагон.

В вагоне ребят не оказалось. По проходу метался растерянный Веник и выл, словно катер в тумане. Увидев и учуяв Алексея Палыча, он бросился к нему.

— Ай, ай, ай! — жалобно закричал Веник.

Алексей Палыч рванул дверь в тамбур. В соседнем, хвостовом вагоне ребят тоже не было. Алексей Палыч вернулся в вагон. За ним, преодолев страх перед грохотом и лязгом переходной площадки, проник Веник.

— Куда вы их дели?! — заорал Алексей Палыч. — Отвечайте немедленно, или я из вас душу вытрясу!

— Успокойтесь, Алексей Палыч, — сказала Лена. — Никуда они не делись. Ведь не могли они выпрыгнуть на ходу.

«Да, — подумал Алексей Палыч, — через наш вагон они не проходили, остановок не было».

— Дело в том, что ребят вообще не было.

— Дальше! — прорычал Алексей Палыч, у которого впервые в жизни прорезался бас.

— Ребят не было в том смысле... В общем, так: вы подозревали, что я — машина, а машинами были они. Машинами не в ВАШЕМ, а в НАШЕМ понимании. Можете считать, что они — иллюзии.

— Так это иллюзии съедали каждое утро по котелку каши?! Это они построили плот?! Они мокли под дождем и выпили два ведра молока?

— Это элементарно, — улыбнулась Елена. — Я немного неточно выразилась. Скажем, не иллюзии, а копии, модели... Не ВАШИ модели, а НАШИ, не молекулярные копии, а поля, которым можно придавать самые различные свойства. Но абсолютно точные копии; вплоть до внешности, характеров и даже — запаха.

Алексей Палыч удивился не слишком. Его заинтересовала другая сторона дела.

— Значит, вы нас все время обманывали?

— Я сама об этом узнала случайно. Помните ночь накануне переправы? Я случайно услышала информацию, которая предназначалась не мне. Я узнала, что ребята — копии.

— Почему вы сразу мне не сказали?

— А вы бы мне поверили?

— Нет, — отрезал Алексей Палыч.

— И я так подумала. Но я тогда же решила вывести вас и Борю из леса. И еще я подумала: даже если вы поверите... Никому легче не станет, вам будет тяжелее, а я останусь без вашей помощи.

— Все это очень складно. Но если есть копии, то должны быть и оригиналы. И я не успокоюсь, пока их не увижу!

— Вы их уже видели там, в школе. Где-то по дороге на вокзал их подменили. И мне даже не сообщили об этом. У нас считается, что наблюдатель должен знать как можно меньше: тогда наблюдения не загрязняются излишней информацией.

— Это я уже слышал, — сказал Алексей Палыч раздраженно. — А нас, случайно, не подменили?

Лена восприняла эти слова совершенно серьезно.

— Вас — нет. Никто не имеет права к вам даже прикасаться.

— Шесть дней блужданий по лесу... — сказал Алексей Палыч. — Розыски, которые уже наверняка устроили наши близкие, — это называется «не прикасаться»?

— Да. Мне вы можете не верить... Потерпите полчаса, до Города. На вокзале вы все узнаете. Мне сейчас сообщили, теперь я знаю... Но лучше будет, если вы сами...

— Тогда, — сказал Алексей Палыч, — я вообще не понимаю, для чего вся эта карусель и над кем велись наблюдения.

— Над вами, — сказала Лена таким тоном, словно это разумелось само собой. — И над Борей. Так было задумано с самого начала.

— Но об этом-то вы знали? Почему не сказали сразу?

— Вы много от меня хотите. Тогда я была не ВАША, а НАША.

— А сейчас?

— Сейчас?.. — Лена улыбнулась достаточно грустно для того, чтобы понять, что ей было не слишком весело, но и достаточно для того, чтобы Алексей Палыч отметил, что за последние сутки она научилась улыбаться. — Сейчас я сама не знаю...

— А если бы все сложилось иначе? Я мог не поехать в Город... не пойти с вами... не пустить Бориса, наконец.

— Тогда меня бы отозвали. Провели эксперимент с кем-то другим. Но Совет решил, что вы с Борей идеальные кандидатуры. И что вы пойдете.

Может быть, Елена умышленно льстила, чтобы чуть-чуть загладить свои провинности. Но Алексей Палыч, которого жизнь не баловала ни премиями, ни наградами, ощутил в груди приятную теплоту.

— Мы с Борей далеко не идеальные люди, — попытался он смягчить похвалу, за что и был немедленно перенесен из теплой воды в холодную.

— Идеальные своим несовершенством, — пояснила Елена.

— Гм, — сказал Алексей Палыч и обратился к Борису: — А ты что об этом думаешь?

— Строителей, четыре, сорок четыре... — сказал Борис.

— Это еще что?

— Мартышкин адрес.

— Она живет по этому адресу, можешь не сомневаться, — сказала Елена, — только настоящая. Можешь ее навестить...

— Делать мне больше нечего, — сказал Борис. — А ты, наверное, врешь, что не знала...

— Честное слово! — сказала Елена.

Борис усмехнулся.

— Честное... Мазь ты украла?

— Я.

— А спички, а карту?

— Тоже я.

— Какое же у тебя может быть честное слово?

— Это было в моей программе с самого начала. Не я придумала. Ты знаешь, Боря, сколько было споров... Нужно было придумать какие-то трудности. Считается, что при этом люди проявляют наиболее сильные стороны характера. Ну, соответственно — больше эмоций...

— Не сильно ты нас напугала, — усмехнулся Борис.

— Я тут ни при чем, — вздохнула Елена. — Множество ученых заседали по мази, создали модель комара... У нас ведь их нет. Еще больше заседали по спичкам: огнем мы не пользуемся. Уйма ученых решали, что делать с картой...

Только по тебе было создано несколько комиссий. По Алексею Палычу — тоже много...

— Вам что, делать нечего? — спросил Борис.

— С вашей точки зрения — да, — сказала Елена. — Потому и заражаются наши наблюдатели — они под вашим влиянием начинают действовать не по программе. Но тогда они перестают быть наблюдателями.

— А все-таки ты врешь, что не знала про ребят.

— Не вру, — сказала Елена и упрямо мотнула головой.

— Поклянись.

— Я не умею.

— Скажи: чтобы мне больше никогда моей планеты не увидеть.

— А мне и так не увидеть, — спокойно сказала Елена. — Я остаюсь здесь. Там я уже не нужна. Сейчас мне сообщили, что отзывать меня не станут.

Алексей Палыч мысленно вздрогнул. Он представил себе новый круг приключений с Еленой, которую нужно будет куда-то пристроить, что совершенно немыслимо без паспорта, прописки, социального положения, о происхождении уж и говорить нечего.

— Что же вы намерены делать? — спросил Алексей Палыч.

— Пока не знаю.

— Но ведь это жестоко.

Лена усмехнулась:

— У нас не существет понятия «жестокость», поскольку не существует понятия «доброта». До этого я додумалась сама, Алексей Палыч! Это — по-человечески?

— По-человечески, да не совсем... — сказал Алексей Палыч. — ОНИ и сейчас нас слышат?

— Нет. Они отключились.

— Неужели так трудно вас отозвать?

— А зачем? Им я не нужна. — И тут Алексей Палыч отметил, что впервые Лена произнесла «им», а не «нам». — Информацию они получили. Теперь для них я бесполезна, потому что я заразилась. Все логично. Не я первая, не я последняя. Моя сестра, например, была послана к вам младенцем. Ее подобрали, воспитали. За этим процессом следили. Недавно ее отозвали в «отпуск». Это не такой отпуск, как на земле, — всего несколько минут. Но там она оказалась совершенно бесполезной: полностью очеловечилась...

— Стоп! — сказал Алексей Палыч. — Как зовут вашу сестру?

— Лена.

— Елена Дмитриевна Кашеварова, кандидат в мастера спорта?

— Да. И еще — студентка педагогического института.

— Так вот вы чья копия!

— Молекулярная, — сказала Елена. — Или, как у вас говорят, генетическая. Мы близнецы.

— Она вас знает?

— Нет.

— Чушь какая-то! — возмутился Алексей Палыч.

— Вполне логично, — возразила Лена, но на этот раз в голосе ее промелькнула довольно земная ирония.

Поезд завихлял на стрелках городского вокзала. Поплыл мимо и остановился бетонный перрон. Алексей Палыч, вышагивая по перрону, все же не оставлял мысли о том, чтобы заглянуть в ту самую школу и справиться насчет ребят. Это было необходимо для его собственного спокойствия.

И тут он увидел группу туристов.

Навстречу им по перрону нагруженные рюкзаками шли: Елена Дмитриевна Кашеварова, ни одной молекулой не отличавшаяся от той, что шла рядом с Алексеем Палычем и Борисом;

Стасик с шейным платком, повязанным под воротом свитера,

Гена в темных очках,

Сосредоточенный Чижик,

Акселерат Шурик,

Толстая Валентина,

Марина-Мартышка со своим обычным румянцем на юных щеках.

Алексей Палыч и Борис так и застыли на месте. Среди обтекающих их пассажиров они выглядели монументально, и не обратить на них внимания было невозможно. Ребята обратили.

Стасик скользнул взглядом по Алексею Палычу и спокойно прошел мимо. Марина, у которой Борис оказался на дороге, почти столкнулась с ним и даже собиралась что-то сказать, но воздержалась.

Лену не заметить было невозможно. Ее заметили и, никак не отреагировав, прошли мимо.

Один лишь Веник, который понуро плелся сзади, вдруг подпрыгнул, подбежал к Валентине и стал прыгать на нее, радостно завывая.

— Какая хорошая собачка! — сказала Валентина. — Ребята, возьмем ее с собой?

— А кормить кто будет? — спросил Шурик.

— Я, — ответила Валентина.

Дальнейшего разговора Алексей Палыч не слышал. Группа удалялась вместе с Веником. Алексей Палыч хотел было броситься вслед за ребятами, но Лена удержала его за руку.

— Они вас не знают, — сказала она. — Это настоящие. Теперь я поняла: их подменили на вокзале.

— Неделю назад?

Лена покачала головой.

Взвизгнув, электричка, в которой скрылись ребята, тронулась с места.

Алексей Палыч машинально взглянул на электронное табло. Оно показывало одиннадцать часов тридцать пять минут.

Смутная догадка промелькнула в голове Алексея Палыча. Конечно, он не верил во все эти штучки с поворотом времени. Но ведь в последние дни он имел дело с другими мирами...

— Какое сегодня число? — спросил Алексей Палыч у проходившей мимо соломенной шляпы.

— Шестое июня с утра было, — не без юмора ответила шляпа.

— А год?

Шляпа вздернула плечи к полям и удалилась.

— Ну вот, — сказала Лена, — вы все поняли сами. В этом времени наше путешествие продолжалось меньше минуты. Сейчас мы замкнули кольцо и вернулись в исходную точку. Теперь я знаю, почему мы не могли вернуться тем же путем: если бы мы повернули назад с места переправы, то вернулись бы на четыре дня раньше, чем вышли. Все очень просто, Алексей Палыч.

— Чрезвычайно просто, — сказал Алексей Палыч, в растерянности надевая очки. — А как же с ребятами? С настоящими? Все повторится?

— Может быть, что-то и повторится, — сказала Лена. — Но у сестры нет никакого задания. Будет обычный поход.

Алексей Палыч чувствовал, как он безмерно устал. Если бы можно было, он улегся бы где-нибудь на скамье и уснул.

Борис потянул его за руку.

— Поехали домой.

— У нас даже денег нет... — сказал Алексей Палыч.

— Есть, — сказала Лена. — Помните, я брала у вас на мороженое?

Лена достала из кармана два рубля пятьдесят две копейки и протянула Алексею Палычу.

— Но у вас же ничего не осталось. Да и вообще... Куда вы денетесь? Надо подумать, чем мы вам можем помочь.

— Вы уже помогли, — сказала Лена. — И помешали тоже. Вы и Боря помогли мне приобрести замечательные человеческие недостатки. Вы и Боря помешали мне вернуться домой. Но разве так уж все плохо?

— Я не знаю... — ответил Алексей Палыч. — Это вам решать... я же со своей стороны...

— Дайте мне пять копеек, — попросила Лена. — Сестра живет в общежитии, пойду пока на ее место.

— Да берите все!

Лена покачала головой и улыбнулась.

— Это ничего не изменит. Начну устраиваться с самого начала.

— А знаете... — начал было Алексей Палыч, и в голове его закрутились варианты устройства Лены в кулеминской школе.

— А что это за птица? — спросила Лена, ткнув пальцем куда-то в сторону вокзального шпиля.

Птицы в тех краях не было. Когда Алексей Палыч вернул своему телу прежнее положение, то не было и Лены. Где-то уже в конце перрона он увидел знакомый блондинистый хвост прически и серо-голубой проблеск джинсовой ткани.

— Ну? — сказал Алексей Палыч, обращаясь к Борису.

— Все нормально, — ответил Борис. — Если только нам не приснилось...

— Если, конечно, да... — сказал Алексей Палыч не вполне по-русски, но вполне соответственно своему настроению.

Затем они купили билеты и поехали в Кулеминск по другой линии.

Возвращение

За все в жизни приходится платить. Здесь имеются в виду вовсе не тепличные огурцы, которые в феврале стоят два рубля пятьдесят копеек за килограмм. Платить приходится за каждый шаг и далеко не всегда деньгами. Даже если делаешь кому-то доброе дело, то и за это часто приходится платить: иногда и добро без выкупа не принимают. Наступила минута расплаты и для Алексея Палыча.

Когда он через кухню пытался пробраться в спальню, чтобы навести на себя хоть минимальный глянец, его засекли. Жена стояла у газовой плиты и спросила поначалу буднично и без всяких эмоций:

— Что так быстро вернулся?

— Экзамена сегодня нет.

— Тогда зачем ходил? Сбегай, Алексей, в магазин, купишь...

Жена окинула взглядом фигуру мужа и по фигуре этой пробежал трепет.

— Господи! Где же ты так извозился?!

— Я упал, — сказал Алексей Палыч.

Жена с сомнением покачала головой.

— Я падал восемь раз, — сказал Алексей Палыч.

— Это с чего же?

— С того самого, — сказал Алексей Палыч.

— Врешь.

— Вру, — согласился Алексей Палыч. — Может быть, отложим разговор до завтра? Или мне придется продолжать врать.

— Продолжай. Почему ты в этих дурацких тапочках? Где твои иностранные туфли?

— Я дал их поносить, — сказал Алексей Палыч.

В прихожей послышался топот, раздался стук в дверь и вошла девочка-почтальонша.

— Тетя Аня, вам телеграмма, распишитесь.

О телеграмме Алексей Палыч забыл начисто. Он попытался было перехватить бланк, но жена стояла к девочке ближе. Она взяла телеграмму, прочла, внимательно взглянула на мужа и расписалась.

Девочка ушла.

— Идем, Алексей, поговорим... — сказала жена.

На этом мужа и жену можно оставить.

Что же касается Бориса, то его отсутствия просто никто не заметил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ТОМИН
ЮРИЙ ГЕННАДИЕВИЧ

А, Б, В, Г, Д и другие

Ответственный редактор И. И. Трофимкин.

Художественный редактор Г. П. Фильчакова.

Технический редактор Т. Д. Раткевич.

Корректоры Л. А. Бочкарёва и Т. Г. Шаховская.

ИБ 5100

Сдано в набор 26.11.81. Подписано к печати 10.08.82. Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Шрифт школьный. Усл. печ. л. 13,45. Усл. кр.-отт. 28,8. Уч.-изд. л. 12,21. Тираж 100 000 экз. М-28013. Заказ № 276. Цена 80 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Томин Ю. Г.

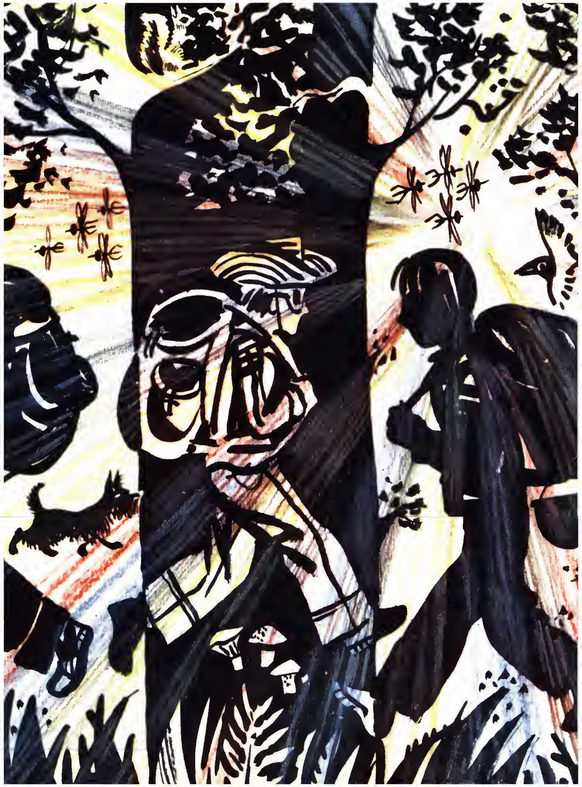
Т 56 А, Б, В, Г, Д и другие: Повесть/Рис. Ю. Бочкарева.—Л.: Дет. лит., 1982.—183 с., ил.

В пер.: 80 коп.

Продолжение повести «Карусели над городом»; автор рассказывает о новых приключениях школьника Бориса Куликова и его друзей.

4803010102—170
Т—————————294—82
М101(03)—82

Р 2

80 коп.

Издательство «Детская литература»

ЮРИЙ ТОМИН
А, Б, В, Г, Д и ДРУГИЕ...